ISSN0136-0140

1993

ЕСЛИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

В НОМЕРЕ

РОДЖЕР ЖЕЛЯЗНЫ
ВЕЧНАЯ МЕРЗЛОТА

КЛИФФОРД САЙМАК
ЗОЛОТЫЕ ЖУКИ

ЛЮЦИУС ШЕПАРД
КРАСАВИЦА-ДОЧЬ ДОБЫТЧИКА ЧЕШУИ

ТЭД РЕЙНОЛЬДС
ВЫИГРЫШ

9/14/

ИЗДАТЕЛЬ:
«МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ»

1993

ЕСЛИ

ЖУРНАЛ ФАНТАСТИКИ & ФУТУРОЛОГИИ

МОТИВ

СБОР ДАННЫХ

УСЛОВИЯ

ГИПОТЕЗА

ЭКСПЕРИМЕНТ

РЕЗУЛЬТАТ

Роджер Желязны. *Вечная мерзлота.* 4

Борис Силкин. Планета «на вырез». 13

Теодор Старджон. *Когда ты улыбаешься...* 18

Брентон Р. Шлендер. Американский идеал. 27

Люциус Шепард. *Красавица-дочь добытчика чешуи.* Повесть. 30

Виктор Ерофеев. Сюрреализм реальности. 55

Клиффорд Саймак. *Золотые жуки.* Повесть. 58

Лев Гиндилис. Жизнь в Космосе. 72

Роберт Блох. *Испытание.* 78

Тэд Рейнольдс. *Выигрыш.* 88

Владимир Успенский. Не играйте с государством. 93

Редактор журнала:
Александр Шалганов.

Редакция:
Елена Босовская,
Валерия Галлай,
Владимир Губарев,
Леонард Никишин,
Елена Сеславина.

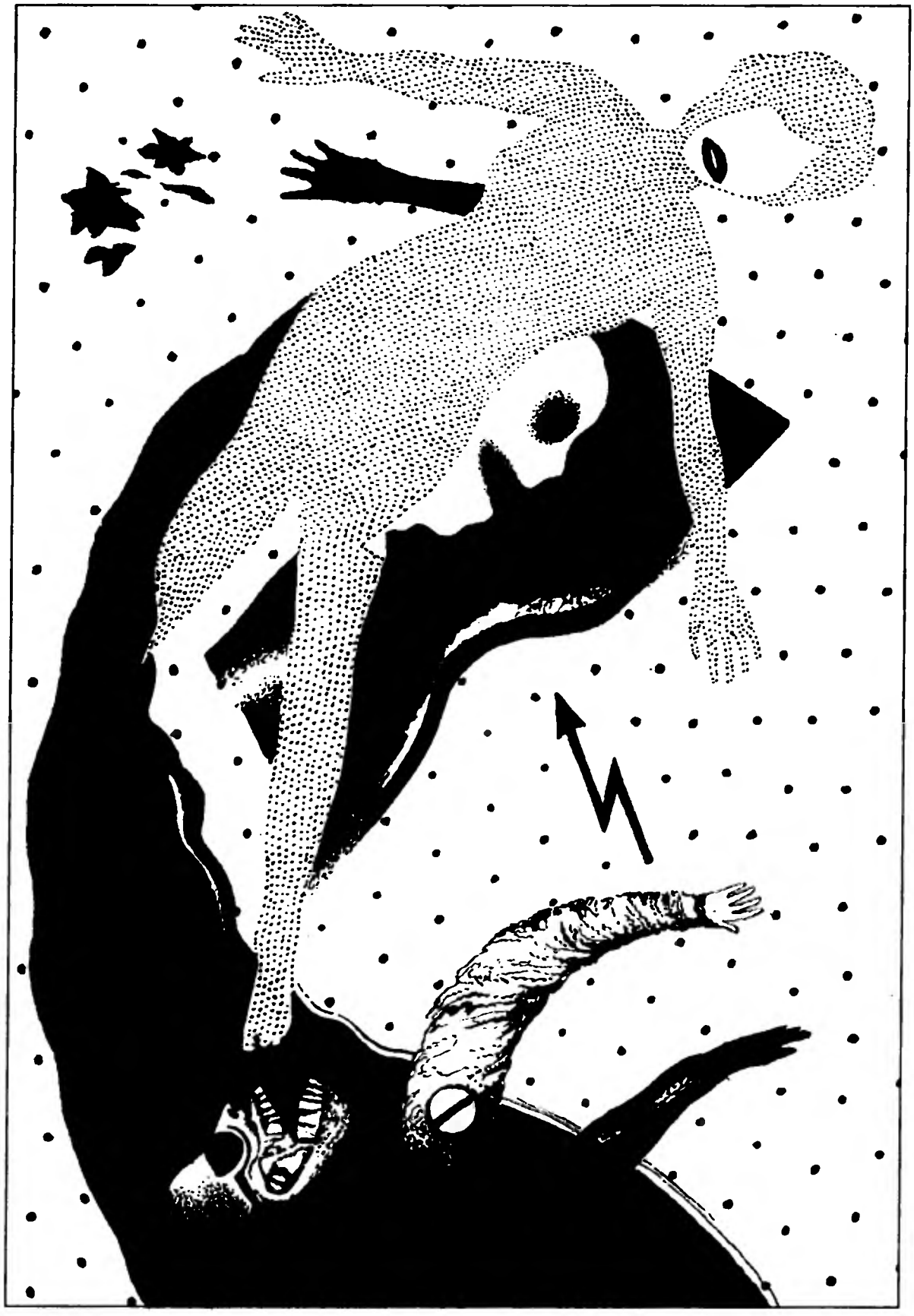
Иллюстрации:
Надежда Бальжак *(К. Саймак),*
Дарья Дубровская *(Т. Старджон),*
Александр Жабинский *(Л. Шепард),*
Кирилл Зеленцов *(Т. Рейнольдс),*
Игорь Мельников *(Р. Желязны),*
Константин Рыбалко *(Р. Блох).*

Верстка:
Татьяна Сычева.

Сдано в набор 5.07.93. Сдано в печать 10.08.93.
Отпечатано в ИПК «Московская правда».
123845, Москва, Д-22, ул.1905 года, д.7.
Усл.печ.л. 12,2. Уч.изд. 14,1. Тираж 98 тыс. экз.
В розницу цена договорная.
Заказ № 4050

Адрес редакции:
103829, ГСП, Москва, ул. Тверская, 16/2.
Телефоны: 209-05-36 (справочный),
209-17-07 (отдел распространеиия).

© «Если»
Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.



Роджер Желязны

Вечная мерзлота

Почти у самой вершины западного пика Килиманджаро лежит иссохший мерзлый труп леопарда.* Автору каждый раз приходится объяснять, что он там делает, потому что окоченевшие леопарды не очень-то разговорчивы.

МУЖЧИНА. Казалось, музыка возникает и исчезает по собственной воле. Во всяком случае, сколько ни верти рукоятку приемника около кровати, это никак на него не влияет. Полузнакомые и вовсе неизвестные мелодии, по-своему трогательные. Зазвонил телефон, и он снял трубку. Никого. Опять никого.

За последние полчаса это уже в четвертый раз. Пока он приводил себя в порядок, одевался и продумывал аргументы, четырежды раздавались пустые звонки. Он справился в регистратуре, но автоответчик никаких звонков не зафиксировал. Что, впрочем, ни о чем не говорило, поскольку этот поганец явно испорчен, как и все здесь.

И без того сильный ветер совсем взбесился, швыряя куски льда в стены дома — будто в бой поднялась когтистая армия крыс. Скулеж стальных жалюзи заставил его вздрогнуть. Бросив нечаянный взгляд в ближнее окно, он заметил смутный абрис лица. Только этого не хватало...

Конечно, это бред. Третий этаж ведь. Шутки света, падающего на гонимые ветром снежинки. Нервы.

Да. Он здорово нервничает с самого утра. С самого первого момента, как они прибыли сюда. А может, еще и до этого...

Он раскидал барахло Дороти и выудил из своих вещей небольшой сверток. Развернул красный плоский прямоугольничек величиной с ноготь большого пальца. Закатав рукав, пришлепнул эту полоску на сгиб локтя изнутри.

Кровь сразу же погнала транквилизатор по телу. Он несколько раз глубоко вздохнул, отодрал нашлепку и выбросил ее в гнездо для мусора. Опустив рукав, потянулся за пиджаком.

Музыка звучала громче, как бы соревнуясь с порывами ветра и звяканьем льдинок. В противоположном конце комнаты сам по себе заработал телеэкран.

Лицо. То же лицо. Лишь на мгновение. Теперь уже точно.

Экран подернулся рябью, пошел волнистыми линиями. Снег. Он чертыхнулся.

«Если затеваешь такую игру, следи за нервами, — подумал он. — Ладно, транквилизатор поможет. Поторопись, не то опоздаешь. Скоро это кончится».

Экран перескочил на показ какой-то порнухи. Женщина с дикой ухмылкой влезла на мужчину...

Картинка сменилась, и блеющий комментатор заговорил неизвестно о чем.

Он выдержит. Он всегда выдерживал. Он, Пол Плейдж, и раньше рисковал, но все кончалось благополучно. Правда, присутствие Дороти создает странное ощущение, что нечто подобное с ним уже было, и это сбивает с толку. Ладно. Пройдет.

Она ждет его в баре. Ничего, подождет. Пусть выпьет: легче будет уломать. Если, конечно, это не остервенит ее еще больше. Тоже бывает. Так или иначе, он должен убедить ее.

Тишина. Ветер стих. Прекратился скрежет. Умолкла музыка.

Ставни перекрыли весь пустой город.

Тишина под полностью затянутым облаками небом. Все недвижимо. Даже экран погас.

Неожиданная отдаленная вспышка в западной части города заставила его отшатнуться. Лазерный луч ударил в ледник, и его язык рухнул.

Через мгновение он услышал пустой и гулкий звук падающего льда. У подножия горы мощным прибоем вздыбилась снежная буря. Он улыбнулся. Эндрю Олдон всегда на своем посту, одолевая стихию, усмиряя природу, — бессмертный страж Плейпойнта. Хоть Олдон никогда не выходит из строя.

Снова наступила тишина. Пока снежная буря оседала у него на глазах, он почувствовал, что транквилизатор начал действовать. Как хорошо, что можно будет не думать о деньгах. За два года его здорово подкосило. Все, что он скопил, растаяло во время Великого кризиса, с тех пор нервы у него ни к черту. Правда, он стал гораздо терпимее, чем был тот наивный тощий малый сто лет назад, юный конкистадор, устремившийся за своей долей добычи и удовольствий. Тогда он свое получил. Но теперь ему придется повторить все заново, хотя сейчас будет проще — если не считать Дороти.

Он подумал о ней. Дороти моложе его лет на сто, ей всего-то двадцать с небольшим. Часто безрассудна, привыкла к хорошей жизни. Ее легко обидеть, а иной раз на нее накатывает такая грусть, что его даже прошибает. Но чаще он просто злится. Может, на иную любовь он уже и не способен. Может, ему хватает одного сознания, что он еще кому-то нужен. К тому же у нее навалом денег. Значит, надо попридержать характер. Но в любом случае брать ее с собой в этот поход нельзя. Здесь уже не до любви или денег. Здесь вопрос жизни или смерти.

Лазер снова вспыхнул, на этот раз на востоке. Он подождал, пока обрушится еще один водопад льда.

---

* *Цитата из рассказа Э.Хемингуэя «Снега Килиманджаро».*

СТАТУЯ. Не очень изящная поза. Замороженная, она похожа на одну из угловатых фигур Родена. Она лежит в ледяной пещере, все тело давит на левый бок, правый локоть поднят над головой, ладонь прикрывает лицо, плечи уперлись в стену, левая нога совсем засыпана.

На ней серая парка, капюшон откинут, так что видны спутанные русые пряди. Она в синих брюках, а та нога, которую еще можно различить, обута в черный ботинок.

Она покрыта слоем льда, и в многократно преломленном свете пещеры, насколько можно разглядеть, не выглядит такой уж некрасивой, но и очень привлекательной ее тоже не назовешь. На вид ей лет двадцать.

Стены и пол пещеры исчерчены трещинами. Со свода сталактитами свисают бесчисленные сосульки, сверкающие, как драгоценные камни. Грот уходит в глубину под уклон, и статуя, расположенная в его верхней части, придает пещере вид древнего святилища.

В те минуты перед заходом солнца, когда облака на краткий миг расступаются, на статую ложится красноватый отблеск.

Все-таки за сто лет она немного — на несколько дюймов — переместилась благодаря общему движению ледника. Но игра света заставляет думать, что она преодолела большее расстояние.

От всей картины веет тоской: будто это не статуя живой богини, а несчастная женщина, которая попала в ловушку и, замерзнув, осталась здесь навсегда.

ЖЕНЩИНА. Она сидит у окна в баре. Серый заснеженный внутренний дворик, состоящий из острых углов; клумбы покрыты мертвыми цветами — застывшими, сплющенными и замороженными. Зима — время смерти и мороза, и ей до странности приятно лишнее напоминание об этом. Она рада, что ей предстоит испытать на себе жестокие укусы холода. Над двориком проносится слабый всплеск света, за ним следует далекий гром. Она делает глоток, прислушиваясь к негромкой музыке, заполняющей пространство.

Одна. Бармен и вся прочая здешняя обслуга — механические. Если б кто-нибудь, кроме Пола, внезапно вошел, она бы, наверное, закричала от испуга. Межсезонье; кроме них, в отеле — никого. Во всем Плейпойнте — никого. Если не считать Спящих.

А Пол... Он скоро придет, и они вместе отправятся в ресторан. Там можно вызвать голопризраков, чтобы они посидели за соседними столиками. Только ей не хочется. В такое время лучше быть с Полом одной, смакуя предстоящее приключение.

За кофе он изложит план, может, уже вечером они получат снаряжение для похода, который поможет Полу заработать приличную сумму, вернет ему чувство уверенности в себе. Опасно, конечно, но дело того стоит... Она допивает, встает и направляется к бару, чтобы взять еще.

Да, Пол... В общем-то, она ухватила падающую звезду, шальную голову, человека с романтическим прошлым, но сейчас — на самом краю пропасти. Он стал «раскачивать» ее, когда они впервые встретились года два назад, но это только придавало вкус их отношениям. Конечно, в то время ему нужна была женщина, чтобы опереться. Так что дело не только в ее деньгах. И она никогда не поверит тому, что говорили о нем покойные родители. Да нет, он заботится о ней. Он и сам на редкость уязвим и зависим от мнения окружающих.

Ей хотелось сделать его снова таким, каким он, вероятно, был когда-то, и, само собой, подобному мужчине она будет нужна не меньше. Пусть будет таким, каким себе кажется, — способным достать луну с неба. Может, он раньше такой и был.

Она снова пригубила из бокала.

Сукин сын, мог бы и поторопиться. Уже есть хочется.

ГОРОД. Плейпойнт расположен на планете, именуемой Вечная Мерзлота, на вершине полуострова, подножье которого спускается к морю, ныне лежащему во льдах. В Плейпойнте есть все, что нужно человеку для развлечений, так что это один из самых популярных курортов в данном секторе галактики с конца здешней весны и вплоть до начала осени — то есть приблизительно пятьдесят земных лет. А потом приходит зима, подобная ледниковому периоду, и все разъезжаются на полвека — или полгода, смотря, как считать. На это время Плейпойнт поступает в распоряжение системы автоматического контроля жизнеобеспечения. Различные механизмы, подчиненные единому центру, очищают снег, ремонтируют дороги, согревают все и вся, что в том нуждается, ведут борьбу с наступающим льдом. И все это — под наблюдением отлично защищенного центрального компьютера, который, изучая климат, реагирует на изменение погодных условий.

Вот уже много веков эта система успешно функционирует, каждый раз благополучно провожая Плейпойнт в новую весну и в новый курортный сезон в более-менее сносном состоянии.

Плейпойнт с трех сторон окружен горами, водой (или льдом — в зависимости от времени года), а высоко над ним кружатся навигационные спутники. В бункере под административным зданием находятся двое Спящих; обычно это мужчина и женщина, которые примерно раз в год пробуждаются, чтобы собственноручно проверить функционирование всех систем, убедиться, что какая-либо чрезвычайная ситуация не повлекла за собой катастрофу.

В случае ЧП их в любое время можно поднять по тревоге. Платят им хорошо, и расходы оправдываются. В распоряжении центрального компьютера есть взрывчатка, лазеры и множество разнообразных роботов. Обычно система прогнозирует события и крайне редко отстает от них.

В данный момент счет примерно ничейный, ведь погода в последнее время стала что-то особенно гнусной.

Дз-з-з-т! Еще один ледяной блок превратился в лужу.

Дз-з-з-т! Лужа испарилась. Молекулы взметнулись ввысь, туда, где они опять соберутся и возвратятся снегом.

Ледник пополз вперед. Дз-з-з-т! Атака остановлена.

Эндрю Олдон хорошо знает дело.

РАЗГОВОРЫ. Официант, которого давно нужно было смазать, обслужил их и откатился прочь сквозь двухстворчатую дверь.

Она хихикнула:

— Ну и вихляет!

— Очарование Старого мира, — подтвердил он, улыбаясь и безуспешно пытаясь поймать ее взгляд.

— Ты уже все решил? — спросила она, когда они начали есть.

— Да вроде бы, — ответил он, снова улыбнувшись.

— Это как понимать, да или нет?

— И так, и сяк. Мало информации. Сначала надо пойти проверить. Потом уж прикину, что делать дальше.

— Кажется, ты говоришь в единственном числе, — спокойно произнесла она, на этот раз наконец встретив его взгляд.

Его улыбка поблекла и исчезла совсем.

— Я имел в виду всего лишь небольшую предварительную разведку, — мягко сказал он.

— Нет, — ответила она. — Мы. Даже в маленькую предварительную разведку.

Он вздохнул и положил вилку.

— Да пойми ты: ничего интересного, — начал он. — Просто многое изменилось, и мне нужно проследить новый путь. Это тяжелая нудная работа — и никакого удовольствия.

— Я здесь не для удовольствий, — отвечала она. — Мы же договорились: все вместе — помнишь? Значит, и скука, и опасности, и все такое прочее. Только на этих условиях я взялась оплатить наши расходы.

— Я так и знал, что до этого дойдет, — произнес он.

— Дойдет? Мы же договорились обо всем заранее.

Он поднял бокал и отхлебнул вина.

— Конечно. Я не жажду переписывать историю. Просто дело пойдет ловчее, если я сначала освоюсь один. В одиночку я буду двигаться быстрее.

— А куда спешить? — спросила она. — Днем больше, днем меньше — какая разница. Я в хорошей форме и не задержу тебя.

— Мне кажется, тебе здесь не очень-то нравится. Я хотел ускорить дело, чтобы мы могли раньше уехать отсюда.

— Очень разумно, — сказала она, снова приступая к еде. — Но ведь это моя проблема, верно? — Она бросила на него взгляд. — Может быть, у тебя есть какие-то особые причины не брать меня с собой?

Он быстро опустил глаза.

— Не глупи.

Она улыбнулась.

— Тогда решено. Я иду с тобой сегодня искать тропу.

Музыка замерла, за ней последовал звук, будто кто-то прочищал горло. «Прошу извинить, если вам кажется, что вас подслушивают, — послышался низкий мужской голос. — Просто на меня возложены обязанности некоторого контроля...»

— Олдон! — воскликнул Пол.

— К вашим услугам, мистер Плейдж. Мне пришлось раскрыть свое присутствие только потому, что я услышал вашу беседу, а проблема вашей безопасности превалирует над хорошими манерами, которые в ином случае заставили бы меня сдержаться. Ко мне поступают сведения о том, что во второй половине дня нас ждет чрезвычайно плохая погода. Так что если вы планируете длительное пребывание на открытом воздухе, я бы рекомендовал отложить его до лучших дней.

— Ох, — сказала Дороти.

— Спасибо, — произнес Пол.

— А теперь я удаляюсь. Приятного аппетита.

Музыка возобновилась.

— Олдон! — позвал Пол.

Ответа не было.

— Придется заняться этим в другой день, — сказала Дороти.

— Да, — согласился Пол, впервые за весь день с облегчением вздохнув. И принялся лихорадочно обдумывать ситуацию.

ПЛАНЕТА. Жизнь на Вечной Мерзлоте подвержена своеобразным циклам. В долгие зимы животная и квазиживотная жизнь трогается в далекий путь, переселяясь в экваториальные районы. В морских же безднах жизнь продолжается по-прежнему. А вечная мерзлота существует по своим законам.

Всю зиму вплоть до весны царствует вечная мерзлота. Она целиком пронизана мицелием — чем-то вроде грибницы, состоящей из всепроникающих нитей, которые вьются, переплетаются, завязываются в узелки, ощупывают и касаются всего, до чего они могут дотянуться. Мицелий от края до края опоясывает планету, всю зиму бессознательно колеблясь в ее недрах. Весной он выбрасывает наверх побеги, которые цветут всего несколько дней. Цветы превращаются в темные стручки, которые с шелестом лопаются, выделяя облака сверкающих пор. Ветер разносит их по всей планете. Они не уступают в прочности мицелию, которым и станут в один прекрасный день.

Со временем солнечный жар проникает в глубины вечной мерзлоты, и дремлющие побеги впадают в длительное забытье. С наступлением холодов они пробуждаются; споры выбрасывают новые волокнистые побеги, и те приступают к починке всего, что повреждено; возникают новые переплетения нитей, по которым устремляются потоки жизни. Летнее бытие — смутный сон. Так и идет на Вечной Мерзлоте жизнь вечной мерзлоты, год за годом, миллионы лет.

Но богиня распорядилась иначе. Богиня зимы распростерла руки, и пришли перемены.

СПЯЩИЕ. Сквозь вьющуюся метель Пол направился к административному зданию. Уговорить Дороти воспользоваться аппаратом искусственного сна, чтобы как следует отдохнуть перед завтрашним походом, оказалось куда легче, чем он думал. Он притворился, что сам последовал ее примеру, и сопротивлялся вкрадчивым, успокаивающим звукам, пока не убедился, что Дороти спит, и он может ускользнуть незамеченным.

Проникнув в сводчатое помещение, он проследовал всеми памятными ему поворотами вниз по наклонному скату. Помещение было незаперто, здесь оказалось прохладно, но его прошиб пот.

Обе камеры анабиоза в порядке. Он проверил и убедился: все в норме.

Теперь за дело! Бери снаряжение, больше оно им уже не понадобится.

Пододвинувшись поближе к смотровому окну, он взглянул на лица Спящих. Слава Богу, ничего общего. Он почувствовал дрожь. Повернулся и направился в складское помещение.

Взяв желтый снегоход со специальным оборудованием, он направился в далекий путь.

Как только он тронул машину с места, снег прекратился, ветер стих. Он улыбнулся. Перед ним засверкали снежные просторы, а местность не казалась столь уж незнакомой. Наконец-то ему начинает везти.

Тут нечто пересекло путь, повернулось и, застыв, встало перед ним.

ЭНДРЮ ОЛДОН. Когда-то Эндрю Олдон, на редкость цельный и решительный человек, лежа на смертном одре, согласился продлить свое существование в образе компьютерной программы, чтобы его разум продолжал жить, руководя сложной системой контроля Плейпойнта. С тех пор это стало целью и смыслом его существования. Он поддерживает все функции городского хозяйства, бьется со стихией, не просто реагируя на давление извне, но оценивая структурные и функциональные изменения; словом, он умеет перехитрить погоду. Кадровый офицер, он и сейчас все время начеку, что, впрочем, не столь уж трудно, учитывая то, какими ресурсами он обладает. Ошибается он редко, всегда знает, что необходимо предпринять, а временами бывает просто великолепен. Иногда его раздражает нынешняя бесплотность. Иногда он страдает от одиночества.

В середине дня он был удивлен неожиданной переменой в направлении бури, которую предвидел, и наступившей внезапно хорошей погодой. Вычисления его были правильны, а вот погода — нет. И надо же этому случиться как раз тогда, когда наблюдаются многие иные странности, например, необычная подвижка льда; а ко всему прочему еще барахлят машины и что-то происходит с оборудованием в той комнате отеля, которую занимает нежелательный посетитель из прошлого.

Он некоторое время приглядывался. Когда Пол вошел в административное здание и направился в бункер, он уже был готов вмешаться. Но Пол ничего вредного для Спящих не предпринял. Когда Пол забрал оборудование, Олдона охватило любопытство. Он продолжал следить. Потому что, по его мнению, следить за Полом было необходимо.

Олдон решил действовать только в том случае, если заметит что-либо выходящее за пределы его опыта. Он выслал вперед «летучку», чтобы перехватить Пола, когда тот выедет из города. Она застала Пола там, где путь изгибался, и появилась перед ним, подняв щупальце.

— Стой, — сказал Олдон.

Пол нажал на тормоза и придержал машину. Потом слегка улыбнулся:

— Наверняка у тебя серьезные причины, чтобы нарушать свободу передвижения посетителя.

— Твоя безопасность.

— Я в полной безопасности.

— Сейчас.

— Что ты имеешь в виду?

— Погода выкидывает коленца. Кажется, ты попал в какой-то перемещающийся островок тишины, но кругом дичайшая буря.

— Вот этим я и воспользуюсь, а что будет дальше, посмотрим.

— Твое дело. Я просто хотел, чтобы ты принимал решения, зная ситуацию.

— Ладно. Теперь я ее знаю. Дай пройти.

— Минуту. В последний раз, когда ты был здесь, ты уехал при несколько необычных обстоятельствах. Ты нарушил контракт.

— Проверь в своем юридическом банке данных, если он у тебя есть. Согласно закону, за это меня следовало бы отдать под суд.

— Есть обстоятельства, не предусмотренные статьями закона.

— Что ты имеешь в виду? О том, что случилось в тот день, я подал рапорт.

— Очень удобно — его невозможно проверить. Но я знаю: в тот день вы поссорились.

— Мы часто ссорились. Так уж сложилось. Если у тебя есть что сказать по этому поводу — пожалуйста.

— Нет, мне нечего больше сказать. Я просто должен был тебя предостеречь.

— Ладно, я предупрежден.

— Предостеречь не только о том, что на виду.

— Не понимаю.

— Теперь здесь, кажется, все не так, как было тогда.

— Все меняется.

— Да, но я не об этом. Теперь здесь творится нечто странное. Прошлый опыт уже не работает. Все больше отклонений. Иногда кажется, что планета меня испытывает. Или играет со мною.

— Олдон, ты начинаешь сходить с ума. Ты здесь слишком долго. Может, наступило время тебя отключить?

— Сукин сын, я пытаюсь тебе кое-что втолковать! Все эти нелепости начались вскоре после твоего отъезда. У меня еще бывают человеческие предчувствия, я подозреваю, что это как-то связано. Если ты об этом знаешь и можешь поделиться, отлично. Если нет, хорошенько посмотри по сторонам. А лучше возвращайся домой.

— Не могу.

— Даже если там что-то есть?

— О чем ты?

— Я вспомнил одну старую гипотезу — о Гее Лавлока.* Еще в двадцатом веке...

— А, планетарный разум, мыслящая планета. Слыхал. Но нигде не встречал.

— А ты уверен? Мне иногда кажется, что именно с ней я и сражаюсь. Что, если она зовет тебя, как блуждающий огонек в ночи?

— И это тоже мои проблемы.

— Я мог бы защитить. Вернись в Плейпойнт.

— Спасибо, справлюсь сам.

— А Дороти?

** В 80-х годах американский геофизик Лавлок выдвинул нашумевшую гипотезу, согласно которой Земля является подобием живого организма. Лавлок дал ему имя древнегреческой богини Земли Геи (прим. перев.)*

— Что с ней может случиться?

— Ты же не оставишь ее одну, когда она в тебе так нуждается?

— Позволь уж мне самому об этом позаботиться.

— Та твоя женщина плохо кончила.

— Иди к черту! Убирайся с дороги, а то задавлю!

Робот отступил с тропы. Его датчики показывали Олдону, куда двинулся Пол.

— Отлично, — решил Олдон. — По крайней мере ясно, кто чего хочет. Ты, Пол, ни капли не изменился.

Он попытался сосредоточиться. Что там делает Дороти? Ага, она уже встала, надела костюм с подогревом. Подходит к дому, откуда Пол выехал на снегоходе. Она махала ему рукой, ругалась, но ветер уносил ее слова в сторону. Она ведь тоже только притворялась, что спит. Подождав некоторое время, решила последовать за ним. Олдон заметил, что она споткнулась, хотел помочь, но рядом не было подходящей «летучки». Он направил туда одну, на всякий случай.

— Черт бы его взял! — бормотала она, шагая по улице в вихрях снега.

— Дороти, куда вы идете? — спросил ее Олдон через ближайший уличный ретранслятор.

Она остановилась, обернувшись:

— Кто это?..

— Эндрю Олдон, — ответил тот. — Слежу за вашими передвижениями.

— Зачем?

— Я забочусь о вашей безопасности.

— Это та буря, о которой вы упомянули?

— Отчасти.

— Я уже совершеннолетняя. Сама могу о себе позаботиться... Что вы имеете в виду под словом «отчасти»?

— Вы попали в дурную компанию.

— Пол? В чем дело?

— Он однажды взял с собой женщину в тот пустынный район, куда направился сейчас. Она не вернулась.

— Он рассказал мне об этом. Несчастный случай.

— Свидетелей не было.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего.

Она снова двинулась в сторону административного здания. Олдон подключился к другому ретранслятору, у самого входа в дом.

— Я его ни в чем не виню. Если вы решили довериться ему, прекрасно. Но вот погоде не доверяйте. Лучше бы вам вернуться в отель.

— Спасибо, но я не воспользуюсь этим советом, — сказала она, входя в здание.

Пока она там разбиралась, он следовал за ней, заметив, как участился ее пульс, стоило ей подойти к холодным бункерам.

— Это и есть Спящие?

— Да. Когда-то это место занимал Пол. И та несчастная женщина.

— Я все знаю. Слушайте, я пойду за ним, согласны вы или нет. Так почему бы вам не подсказать, где хранятся снегоходы?

— Ладно. Я даже поведу вас.

— Что вы имеете в виду?

— Окажите мне услугу, такую, что и вам не во вред.

— Говорите.

— В хранилище позади вас вы найдете телеметрический браслет. Это одновременно и аппарат двусторонней связи. Наденьте его. Тогда я смогу все время быть с вами, чтобы помочь, а может быть, и защитить.

— А вы поможете найти его?

— Да.

— Хорошо, договорились.

Она открыла хранилище.

— Вот что-то вроде браслета с какой-то еще штуковиной.

— Так. Нажмите красную кнопку.

Она нажала. Оттуда громко прозвучал голос:

— Наденьте его, и я стану показывать дорогу.

— Хорошо.

СНЕЖНАЯ ПУСТЫНЯ. Холмы, укрытые белизной, скалистые выступы, круговерть снежных колдунчиков, вращающихся, как волчок под кнутом ветра... Свет и тени. Небо в трещинах. Повсюду ни пятнышка, лишь в закрытых от ветра местах видны следы. Она, плотно укутанная, в теплой маске, движется по следу.

— Я потерялась, — бормочет она, ссутулившись за изогнутым ветровым стеклом желтого, обтекаемого, как пуля, снегохода.

— Держите прямо, мимо тех двух скал, что впереди. С подветренной стороны хребта. Я скажу, когда повернуть. Над головой у нас спутник. Если облака не сомкнутся... странно, что они до сих пор не закрыли небо...

— Что вы хотите сказать?

— Похоже, что именно над ним все время держится просвет — единственный в глухой облачности.

— Совпадение.

— Странное.

— А что же еще?

— Словно ему открывают дверь...

— Не хватало мне еще компьютера-мистика!

— Я не компьютер.

— Простите.

— Мне многое непонятно. Вы сюда прибыли в необычное время года. Пол взял с собой кое-какое геологическое оборудование....

— Разве это запрещено? Отдыхающие нередко так и развлекаются здесь, верно?

— Да, тут попадаются полезные ископаемые, есть и драгоценные камни, и благородные металлы.

— Ну вот Пол и хочет опять поискать, а толпу, чтоб стояла над душой, он не любит.

— Опять?

— Да, несколько лет назад он кое-что здесь нашел. Кристаллы инделлы.

— Вот как?

— Впрочем, вам-то что до этого?

— В мои обязанности входит защита приезжих. А вас я желал бы опекать не только по обязанности.

— Почему?

— В прежней жизни меня привлекали женщины... ну, скажем, вашего типа.

Пауза длиной в два удара сердца, а потом:

— Вы покраснели.

— Как всегда от комплиментов, — промолвила она. — Но какая же уйма разных датчиков на вас работает!

— Ну, я получаю информацию о вашей температуре, пульсе...

— А каково это быть... Ну, как вы...

Пауза длиной в три удара сердца.

— В известном смысле, я могу ощущать себя богом. Или неким вариантом сверхчеловека. Я ощущаю нечто вроде усиления всего, что было раньше. Может быть, это компенсация за все утраченное, а может, поиск минувшего. Помимо прочего, вы вызываете во мне тоску по прошлому. Не беспокойтесь, мне это даже приятно.

— Я хотела бы вас встретить тогда...

— Я тоже.

— Каким вы были?

— А вы попробуйте вообразить. Я тогда выйду гораздо эффектнее.

Она засмеялась. Поправила темные очки. Подумала о Поле.

— А он, Пол, какой был тогда?

— Кажется, он мало изменился. Только жизнь его чуть пообтесала.

— Иными словами, вы не хотите говорить.

Тропа круче пошла вверх, изгибаясь вправо. Дороти слышала ветер, но не чувствовала его. Все было укрыто серой тенью облаков, только тропа освещалась.

— Я действительно не знаю, — промолвил Олдон спустя какое-то время. — Не хочу гадать о том, кто вам приятен.

— Очень любезно, — сказала она.

— Нет, честно, — сказал он. — Не хочу ошибок.

Они поднялись до самого верха, здесь Дороти глубоко вздохнула и еще сильнее затемнила очки, оберегая глаза от режущего блеска ледяных трещин, разбрасывающих во все стороны осколки яркого света.

— Бог ты мой! — воскликнула она.

— Или богиня, — поправил Олдон.

— Богиня, спящая в огненном круге?

— Не спящая.

— Вот будет вам пара, Олдон, если она существует. Бог и богиня.

— Не нужна мне богиня.

— Я вижу его следы, ведущие туда.

— Он совсем не петляет, будто идет знакомой дорогой.

Она двигалась по его следу, по склону горы, напоминавшему обломок гигантской белой статуи. Покой, свет и белизна. Теперь голос Олдона что-то тихонько напевал... Знакомая мелодия, не то лирическая, не то маршевая — не поймешь... Все расстояния здесь скрадываются, перспектива смещается. Она поймала себя на том, что чуть заметно подпевает ему, одновременно направляясь туда, где следы Пола исчезали в бесконечности.

ЧАСЫ УНЫЛЫЕ СВИСАЮТ С ДРЕВЕСНОЙ ВЕТВИ... Счастливый день. Прекрасная погода. Четкая тропа. Все здесь изменилось, но не настолько, чтобы не узнать. Светло! Слава Богу! Сверкание льда, целые горы хрустальных призм... Остался ли вход? Надо было взять с собой взрывчатку. Если была подвижка льда, все могло обрушиться. Позже вернусь с Дороти. Но сначала — навести порядок, избавиться от... того, что там. Если она еще здесь... Может, погребена подо льдом. Вот было бы хорошо. Впрочем, такое редко случается. А может, ничего этого не происходило? Нет, было... Земля всколыхнулась. Зазвенели сосульки, задребезжали, стуча друг о друга. Казалось, мы куда-то проваливаемся. Оба. Она погружалась, рюкзак погружался. Со всем содержимым. Я бы ей помог, если б сумел. Но как? Свод начал надвигаться на нас. Скорее наружу! Обоим не удалось бы. Выбрался. И она могла... Да? Ее глаза... Гленда!

Нет. Не могла. Никак. Но если бы я?.. Ерунда. Прошло слишком много времени. Но был момент. Всего одно мгновение. Затишье. Знать бы, что оно наступит, я б тогда... Нет. Бежать. Твое лицо в окне, на экране — это как сон. Гленда. Ничего не было. Сверкание холмов. Огонь и глаза. Лед. Лед. Пламя и снег. Пылающий очаг. Лед. Лед. Через льды лежит твоя дорога. Огонь пылает в высоте. Крик. Скрежет. И молчание. Прочь отсюда. И по иному не могло случиться. Таков наш путь. Моей вины здесь нет...

Черт побери! Теперь наверх. Так. Тропа делает длинный изгиб. Теперь вниз. Новый поворот. Кристаллы рядом. Никогда больше не появлюсь здесь.

ДРЕВЕСНАЯ ВЕТВЬ СВИСАЕТ УНЫЛО НАД ЧАСАМИ... Есть такое дело! Думаешь, я не сумею найти? Меня вокруг пальца не обведешь. Да и дружок твой, что встал у меня на пути. Я тут было немного растрогался...

Сколько времени прошло. Долгие ночи... Вот странно, что желание может настолько пережить поступки. Нелепо. Это погода. Прямо-таки весна света. Раскинься повольней. Скользни в мои горячие ладони. Дай обнять тебя. Растай. Сгори. Здесь правлю я, богиня. На каждый замок ледяной есть силы: луч света в мрак я брошу. Поберегись. Теперь тебя я знаю. Твои черты узнал я в облаках, в тумане, в льдистых косах, раскиданных порывом ветра. Твои глаза меня не остановят, они белее снега, в них застыла смерть. Любви мы задолжали, ну так я иду. Дай облакам кружиться, льду звенеть, и пусть дрожит планета, я иду. Постой, не торопись: не здесь. Снижение долгое вдоль стен морозных, удар и таяние. Итог...

ЧАСЫ, ВМОРОЖЕННЫЕ В ЛЕД. Он приближается. Случайно. Может быть. Идет. По ледяному миру, который стал моим. Он возвращается. Он ищет путь. Иди скорей. Ничто не помешает встрече. Признай. Откройся. Облака, замрите. На ветер я узду накину. Ничто не смеет помешать свиданию, моя любовь — убийца. Как будто бы вчера. Осколки льда. Однако ты самонадеян, милый. Ты чересчур спокоен. Что ж, путь открыт, иди. Я приказала бодрствовать планете, тебя встречая на пороге смерти. Иди, моя любовь, иди сказать несказанное слово, прощальный дать мне снежный поцелуй, забытый жар касаний; сердце, стой, бег крови, прекратись, душа, замри. Тогда ты ускользнул, исчез. Вернись туда, где ждут тебя так долго. Тобою я хочу согреться: каждым позвонком, любой замерзшей жилкой, оледеневшими и мер-

твыми зрачками. Ко мне, иди ко мне! Саней твоих полозья, рассекая снег, надеждою мне сердце рассекают...

ПУТЬ. Он свернул в сторону с неровной тропы, помедлил среди нагромождений рухнувших льдин — в том месте, где дорога с ледником сошлись в неспешной битве под звуки трескающихся, стонущих, поверженных громад, под барабанную дробь кристаллов льда, гонимых ветром. Вся поверхность была изборождена трещинами и разломами, и Полу пришлось бросить снегоход. Он надел рюкзак, пристегнул к поясу оборудование, заякорил сани и продолжил путь пешком.

Сначала он двигался медленно, осторожно, но вскоре старые навыки вернулись, и он зашагал быстрее. Ныряя из полосы света в тень, он одолевал один за другим барьеры из ледяного стекла. Склон изменился, но это ничего. Так, спускаемся, еще ниже, сворачиваем направо...

Здесь уже темнее. Ущелье или заваленный проход: кажется, все правильно. Он слегка изменил направление. Под одеждой его прошиб пот, дыхание участилось. Взгляд слегка затуманился, в чередовании слепящего света и тьмы что-то мелькнуло...

Остановившись, он с минуту колебался, но встряхнул головой, ругнулся и продолжил путь.

Через сотню метров к нему пришла уверенность. Вот эти скальные выступы на северо-востоке, а между ними застывшие, твердые, как алмаз, ледяные ручьи... Точно, он здесь уже был.

Мертвая тишина. Только беззвучные снежные вихри, срывающиеся с высокого белого пика. Если остановиться и прислушаться, можно различить далекий свист ветра.

Прямо над головой — прореха в пелене облаков. Как будто заглядываешь в кратер, где плещется вулканическое озеро.

Странно все это. Он почувствовал искушение повернуть назад. Его слегка подташнивало. Даже захотелось, чтобы он ошибся и нашел совсем другое место. Но он знал, что не поддастся эмоциям. И пойдет дальше, пока не доберется до входа.

Снова все изменилось, путь сузился. Он медленно приближался. Целую минуту осматривал проход, прежде чем войти.

Оказавшись в полумраке пещеры, он сдвинул набок очки. Протянул руку в перчатке, потрогал стену, ударил ребром ладони. Твердая.

Три шага вперед, и коридор чуть не сомкнулся. Повернувшись, он стал протискиваться боком. Сумрачный свет и вовсе померк, ноги заскользили. Он миновал пятно света — луч падал сюда сквозь открытую ледовую трубу. Над головой, взяв высокую ноту, завывал и повизгивал ветер.

Проход расступился. Правая рука потеряла круто завернувшую стену, и он утратил равновесие. Наклонился назад, балансируя, но поскользнулся и свалился на лед. Попытался встать, но вновь поскользнулся и опять упал.

Ругаясь на чем свет стоит, он медленно пополз вперед. Раньше здесь не было так скользко. Он криво усмехнулся. Раньше? Сто лет назад? За такое-то время многое может измениться.

Он почувствовал, что пол пещеры поднимается вверх. Ветер у входа ожесточенно взвыл. Он попытался разглядеть хоть что-нибудь в полутьме. Должно быть, она там.

Из горла вырвался негромкий звук, он замер, судорожно дернувшись. Она! На лице — тень, подобная вуали, но узнать можно. Он всмотрелся. Дело еще хуже, чем он думал. Она оказалась в ловушке, значит, какое-то время еще была жива.

Он мотнул головой. Что уж теперь-то... Ее надо вытащить и похоронить — отделаться...

Он пополз вперед, ни на секунду не отрывая взгляд от замерзшего тела. Над статуей скользили неясные тени.

Остановившись, он пристально всмотрелся в ее лицо. Странно, лоб и щеки покрылись морщинами, как у утопленницы. Просто карикатура на лицо, которое его трогало когда-то. Он вздрогнул и увел взгляд. Надо освободить ее ногу. Он потянулся за топором...

Рука ее вздрогнула и упала на грудь. Раздался глубокий вздох.

— Нет!.. — прошептал он, отступая.

— Да, — прозвучал ответ.

— Гленда...

— Я здесь. — Она медленно повернула голову. Красноватые влажные глаза впились в него. — Я ждала.

— Боже!..

Лицо ее словно поднималось из трясины. Черты исказились. Он не сразу понял, что она улыбается.

— Я знала, что когда-нибудь ты вернешься.

— Как же ты... — спросил он, — как ты сумела выжить?

— Тело — ничто, — отвечала она. — Я забыла о нем. Моя душа живет в недрах вечной мерзлоты планеты. Нога... ее живая плоть оказалась притягательной для волокон. Мицелий был живым, но не обладал сознанием, пока не нашел меня. Теперь я — везде.

— Я... я счастлив, что ты жива.

Она сухо рассмеялась.

— Вот как, Пол? А разве не ты бросил меня умирать?

— У меня не было выбора, Гленда. Спасти тебя я все равно не успел бы.

— Ты мог попытаться. Но предпочел мне мертвые камни.

— Неправда!

— Ты не сделал ни единого усилия.

Ее руки задвигались, судорожно вздрагивая.

— Даже за телом моим не вернулся.

— Я ведь думал, что ты погибла.

— Да, и на этом поставил точку. А я ведь любила тебя, Пол. И ради тебя готова была на все.

— Я тоже любил тебя, Гленда, — промолвил Пол. — Прости меня.

— Ты любил? В первый раз я слышу эти слова.

— Мне всегда было трудно говорить о таком. Даже думать.

— Докажи, — потребовала она. — Иди ко мне.

— Не могу, — отшатнулся он.

Она засмеялась.

— Ты ведь сказал, что любишь меня.

— Но... ты так выглядишь... Прости.

— Глупец! — Ее голос стал жестким и властным. — Если бы ты только решился, все могло быть иначе. Я бы поверила, что хоть капля чувства у тебя сохра-

нилась. Но ты лгал. Ты желал одного: воспользоваться мною. Я тебе безразлична.

— Ты несправедлива!

— Я? Я?! — переспросила она. Послышался звук бегущей воды. — Тебе ли говорить о справедливости? Я ненавидела тебя целый век, Пол. Каждую минуту, когда я не была занята проблемами этой планеты, я проклинала тебя. Весной, когда меня заботили лишь полярные районы и часть моего сознания погружалась в сон, моими кошмарами завладевал ты. Гордись! Причина всех нелепостей, что происходили на планете, — моя память о тебе. И вот теперь ты здесь, и я не нахожу оправданий. Теперь ты умрешь. Иди ко мне!

Он ощутил, как в его тело вливается неведомая посторонняя сила. Мускулы свело судорогой, он замер. Потом против воли, безнадежно сопротивляясь, двинулся, как автомат, вперед и подхватил упавшее ему на руки тело, замерзшее сто лет назад. Он потянул влажную ногу из расселины, где она когда-то застряла. Послышался шум бегущей воды. Неужели она способна заставить таять лед?..

Улыбаясь, она простерла к нему свои бледные руки. Высвобожденная нога протянула за собой множество темноватых волокон, уходящих в расселину.

— Иди, — повторила она.

— Ну пожалуйста! — взмолился он.

Она покачала головой.

— А ведь когда-то ты был таким пылким.

— Хочешь меня прикончить, давай! Но только не надо...

Черты лица отвердели. Руки потемнели, приобрели силу. Через минуту она уже стояла перед ним такая же, как сто лет назад.

— Гленда! — Он выпрямился.

— Да, ну иди же!

Он сделал шаг вперед. Еще один. Обнял ее, наклоняясь, чтобы поцеловать.

— Ты простила меня, — выдохнул он.

От поцелуя ее лицо съежилось, словно проколотая камера. Щека прижалась к щеке, дряблая, бледная.

— Пусти!

Он попытался отступить, но ее объятие цепко, словно стальной капкан, держало его.

— Теперь ты уже не уйдешь, — прошептала она.

— Сука! Отпусти меня! Ненавижу!

— Знаю, знаю, Пол. Ненависть — единственное, что нас объединяет.

— Я всегда тебя ненавидел, — продолжал он, пытаясь побороть ее. — Ты всегда была сукой!

Тут он почувствовал, как его телом завладевает холод.

— Тем приятнее, — отвечала она, пока его руки, блуждая, распахивали ее парку.

ВСЕ ВЫШЕСКАЗАННОЕ. Дороти с мучениями спустилась по ледяному склону и поставила снегоход рядом с машиной Пола. Ветер набросился на нее, обстреливая ледяными кристаллами. Облака над головой опять плотно сомкнулись. К ней медленно приближалась белая завеса.

— Это следовало ожидать, — возник, перекрывая свист ветра, голос Олдона.

— Да. Сейчас будет худо?

— Зависит от ветра. Нужно как можно быстрее добраться до убежища.

— А вот пещера. Может, та, которую искал Пол?.

— Возможно. Но сейчас это все равно. Быстрее туда.

Когда она наконец достигла входа, ее бил озноб. Сделав несколько шагов внутрь, она, задыхаясь, прислонилась к ледяной стене. Ветер сменил направление и грозил свалить ее с ног. Она продвинулась глубже в пещеру. И тут услышала голос:

— Не надо, ну пожалуйста...

Дороти вскинулась: «Пол!»

Ответа не последовало. Она заспешила в глубь пещеры.

Протянув вперед руку и едва не упав, она наткнулась на Пола, застывшего в объятиях странной женщины.

— Пол! Кто это? — закричала она.

— Беги отсюда! Быстрей! — прохрипел он.

Из уст Гленды с усилием вырвались слова:

— Какая преданность. Ну что ж, у тебя появился шанс остаться в живых.

Пол ощутил, как объятия ослабли.

— Что ты хочешь? — спросил он.

— Ты останешься жить, если возьмешь меня отсюда — в ее теле. Мы будем вместе, как тогда.

— Нет, — внезапно раздался голос. — Тебе она не достанется, Гея!

— Вообще-то меня зовут Гленда. Я знаю тебя, Эндрю Олдон. Не раз боролась с тобой, когда наши намерения расходились. Зачем ты пришел?

— Эта женщина под моей защитой.

— Но только не здесь. Тут я устанавливаю законы. Ты любишь ее?

— Может быть. Или мог бы полюбить.

— Прекрасно! Вот та Немезида, о которой я мечтала все эти годы! Человеческое сердце, включенное в электронную схему. Но решать Полу. Хочешь жить — отдай ее мне.

Холод сковал его. Вся жизнь, казалось, сжалась в краткий миг. Он начал терять сознание.

— Бери ее, — прошептал он.

— Нет! — зазвенел голос Олдона.

— Ты не изменился, — прошипела Гленда, — любимый мой. Ничего, кроме презрения и ненависти, ты не заслуживаешь. Будешь жить...

— Я убью тебя, — выкрикнул Олдон, — если ты коснешься...

— Вот будет битва! — усмехнулась Гленда. — Заметь, не я ее навязала. Да и тебе не советую вступать в схватку. А теперь — прими мое решение...

Пол застонал. Гленда отпустила его, и он повернулся лицом к Дороти. Шагнул к ней.

— Нет, Пол, нет! Пожалуйста, не надо!

— Я не Пол, — сказал он безжизненным голосом. — Не бойся меня.

— Уходите, — потребовала Гленда. — Сейчас погода переменится, поспешите.

— Не понимаю, — пробормотала Дороти, глядя на мужчину, стоявшего перед ней.

— Это не важно, — сказала Гленда. — Улетайте с этой планеты, быстрее.

Пол снова закричал, но на этот раз его голос звучал из браслета...

ЗАМОРОЖЕННЫЙ ЛЕОПАРД. Он не раз пытался отыскать эту пещеру, нацеливая свои глаза со спутников, посылая роботов и «летучки», но после мощного льдотрясения топография местности так изменилась, что у него практически не осталось шансов. Временами он полосовал лазерами весь район. Доставлял туда ящики с термитом, чтобы пронзить жаром лед и вечную мерзлоту насквозь, но это ни к чему не привело.

Наступила зима — самая жестокая во всей истории планеты. Вой ветра выворачивал душу, снежные волны обрушивались, как морской прибой. Ледники побили все рекорды наступления на Плейпойнт. Но он держался — с помощью роботов, лазеров и химии, разрабатывая новые, совершенные виды оружия.

Временами по сети связи он слышал ее смех. «Сука», — отвечал он тогда. «Ублюдок!» — приходил ответ. Он посылал в горы очередную ракету. На город обрушивалась стена льда. Зима была долгой.

Эндрю Олдон и Дороти улетели. Он увлекся живописью, она поэзией. Поселились они в теплых краях.

Бывает, смех Пола раздается на радиоволнах, когда он одерживает очередную победу. «Ублюдок!» — немедленно несется ответ. «Сука» — злобно хохочет он. Скучать ему не приходится, нервничать, впрочем, тоже. Вот только... Ну да ладно...

Когда приходит весна, богиня погружается в сон, заполненный все той же борьбой, а Пол приступает к своим непосредственным обязанностям. Правда, одновременно он разрабатывает новые планы. Теперь его жизнь обрела смысл. Надо сказать, он действует успешнее, чем Олдон. Правда, несмотря на все гербициды и фунгициды, в свой черед появляются цветы, завязываются стручки, побеги дают новые плоды, неподвластные ядам.

Она сонно бормочет: «Ублюдок». — «Сука», — нежно откликается он...

У ночи — тысячи глаз, а у дня — только один. Сердце часто слепо к собственным деяниям, и я воспою и оружие, и человека, и гнев богини, а не муки неудовлетворенной любви, или удовлетворенной в стылом саду нашего ледяного мира. И это все о леопарде.

Перевел с английского Борис СИЛКИН.

Книжное обозрение

Вы любите фантастику?
Вы хотите знать о ней как можно больше?
Вы хотите знать о ней ВСЁ!

В ТАКОМ СЛУЧАЕ ЧИТАЙТЕ ГАЗЕТУ «КНИЖНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»!

«КО» — *это регулярные встречи с известными писателями и деятелями фэндома — как российскими, так и зарубежными.*

«КО» — *это публицистика Кира Булычева, Бориса Стругацкого, Виталия Бабенко...*

«КО» — *это уникальная «Энциклопедия фантастики».*

«КО» — *это полный еженедельный список только что вышедших НФ-книг.*

ИНДЕКС «КНИЖНОГО ОБОЗРЕНИЯ» ПО КАТАЛОГУ «РОСПЕЧАТИ» — 50051.

Борис Силкин,

кандидат геолого-минералогических наук

ПЛАНЕТА «НА ВЫРЕЗ»

У Лавлока, предложившего оригинальную концепцию Земли как живого разумного организма, не было иных последователей, кроме писателей-фантастов. Однако само появление подобной гипотезы говорит о том, что наша планета еще далеко не изучена. Мы предложили прокомментировать произведение Р.Желязны самому переводчику, исходя из того, что любовь к фантастике не мешает Б.Силкину оставаться серьезным ученым и популяризатором науки. Многие знают его как автора книг, выпущенных издательством «Знание», ну а читатели журнала «Если», безусловно, вспомнят его переводы Р.Лафферти и А.Сандерсона.

Насколько хорошо мы знаем Землю «вглубь»?

Вопрос не так прост, как кажется. Радиус Земли более шести тысяч километров, а самая глубокая в мире скважина — она пробурена отечественными геологами на Кольском полуострове — едва превышает 12 километров. Пятая доля процента! Значит, образно выражаясь, мы прокололи булавкой на глобусе лишь верхний слой краски.

Однако не столь уж мы и невежественны. Ведь не только бурением познаются недра; существуют иные способы выяснить устройство глубин нашей планеты. Что же мы сегодня знаем и чего не знаем о внутреннем строении Земли?

Всякому известно, что из вулканов извергается лава. По существу, это просто расплавленный камень. Когда-то полагали, что таковы все «внутренности» Земли, а поверх — сравнительно тонкая (в сотню-другую десятков километров) твердь, на которой мы и расположились. Выходило, что мы живем как бы над огненным морем, а колебания оболочки — землетрясения — просто волны, бегущие по этому морю.

Это неверно: земной шар приходится рассматривать как целиком твердое тело; его средняя плотность выше, чем у стали! И никаких вечных всеохватывающих магматических бассейнов внутри нашей планеты не существует. Хотя на глубинах около сорока — пятидесяти километров температура уже такая, что камень должен бы плавиться, но давление там столь высоко, что ничего подобного не происходит.

Вот если только во внешней оболочке образуется трещина — тогда другое дело. Давление над ней падает, твердое вещество превращается в жидкость и с бешеной силой устремляется на поверхность. Здесь лава застывает и закупоривает трещину, так что жидкие участки магмы внутри Земли существуют совсем недолго, а действующих вулканов насчитывается «всего» около четырехсот пятидесяти.

Еще без малого сто двадцать лет назад австрийский геолог Эдуард Зюсс скорее догадался, чем доказал: планета подобна луковице, она состоит из концентрических слоев, по мере приближения к центру все более плотных. Впоследствии его гениальное предположение многократно подтверждалось (хотя и «осложнялось») методами астрономии, геофизики, геохимии, геологии.

НА ТРИДЦАТЬ КИЛОМЕТРОВ ОТ ПОДМЕТОК

Жизнь существует непосредственно на верхнем из этих слоев, который ученые именуют земной корой. Толщина ее в различных местах разная, на суше тридцать — сорок километров (хотя там, где высятся молодые горы, мощность коры может достигать 70 км). А под океанами она составляет едва двенадцать километров, и есть даже такие места, где она не толще пяти.

Как и другие «слагаемые» тверди, кора выдает себя скоростью, с которой по ней распространяются волны, возбуждаемые толчком землетрясения. Нельзя сказать, конечно, что сейсмологи радуются подобным природным катастрофам. Но пользоваться ими для развития своей науки они отлично научились.

Хорватский геофизик Андрия Мохоровичич, изучая сейсмограмму землетрясения, случившегося в 1909 году около его родного Загреба, заметил, что скорость волн на разных глубинах сильно меняется. Значит, меняются там и свойства пород. Область, где это происходит, лежит примерно в 30 км под поверхностью. Впоследствии другие сейсмологи подтвердили эту закономерность. Так возник термин «граница Мохоровичича», а поскольку западным ученым это имя показалось слишком сложным, то часто пишут просто, хотя и несколько фамильярно: «Мохо».

От наших подметок до Мохо — едва-едва одна сотая радиуса Земли. Но насколько важная! Именно отсюда мы черпаем все полезные ископаемые, без которых невозможно существование человечества. Для геолога же кора — осадочные (песчаники, глины, сланцы, известняки) и изверженные породы (граниты, базальты) — главный объект исследования, результаты которого он готов передать горнодобывающей промышленности.

Когда изучили сейсмограммы, записанные при землетрясениях, оказалось, что в горных районах гранитный слой мощнее, чем ожидали. Так, в Альпах толщина коры превышает 65 км. Стало ясно, что у гор есть... корни. Горные вершины подобны если не растениям, то айсбергам, плавающим «по пояс» в менее плотной среде и обладающим незаметной для глаза массивной частью.

ЗОЛОТА, ПОЖАЛУЙ, НЕ БУДЕТ

Впрочем, пора поговорить о том, что же лежит под корой, ниже уже знакомой нам границы Мохоровичича. Здесь от сорока — пятидесяти километровых глубин и примерно до области, отстоящей на 2900 км от нас, расположена внешняя оболочка — мантия Земли. Хотя потрогать ее руками нам пока не дано, но о свойствах мантии можно судить по красноречивым «рассказам» тех же сейсмических волн, которые там преломляются, отражаются, а потом «излагают свои впечатления» приборам, установленным в обсерваториях.

Когда сейсмическая волна переходит из верхней части земной коры с ее гранитами и базальтами к мантии, ее скорость сначала понижается. Ученые полагают, что к этому приводит высокая температура, почти совсем расплавляющая породы.

Дело в том, что здесь, на глубинах 100 — 200 км под материками и 50 — 400 км под океанами, внутри верхних слоев мантии не так давно обнаружили «мягкий» слой, который назвали астеносферой. Хотя и это — не жидкость, но она обладает достаточной пластичностью, чтобы течь медленно, как смола или вар. А раз так, то и скорости сейсмических волн высокими здесь быть не могут. Но это характерно лишь для глубин менее 400 км. Потом — до тысячекилометровой глубины — сейсмические волны распространяются намного быстрее; здесь, очевидно, сказывается большая плотность пород, связанная с давлением верхних пластов.

Из чего же «сделана» мантия нашей планеты? К сожалению, прямых данных еще пока очень мало. Однако косвенные говорят о том, что главным образом — из перидотита. Эта порода содержит в себе оливин. Тот, кто читал знаменитый роман А.Н.Толстого «Гиперболоид инженера Гарина», помнит, как герой добывал несметное количество золота из «оливинового пояса» Земли. Тогдашним представлениям это не противоречило, но сегодня наука далеко ушла от них. Золотом там, по всей вероятности, не разживешься, но железом и магнием перидотит очень богат.

Высокие температуры и мощный нажим сверху заставляют тяжелые минералы изменять свои свойства, перекристаллизовываться и из нижних «этажей» поступать наверх вместе с вулканической магмой. Здесь с ними уже знакомятся геологи, которые интересуются различными, как они говорят, «магматическими проявлениями».

Отчего бы немного не пофантазировать? Например, можно представить себе, как человек — пускай в отдаленном будущем — пробурит очень глубокие скважины, и из недр на поверхность начнут поступать струи расплавленного базальта, образуя при застывании огромные плотины и дамбы или даже новые острова!

ТЕКУЧЕЕ ЯДРО

Но что же спрятано еще глубже, там, где кончается мантия? Где-то около 2900-го километра под поверхностью начинается земное ядро с температурами от пяти до десяти тысяч градусов. То, что у нашей планеты должен быть «желток», плотность которого выше, чем у наружных слоев, стало очевидным еще в конце прошлого столетия. Ученые рассуждали примерно так: средняя плотность земной коры составляет около трех граммов на кубический сантиметр, а средняя плотность всего небесного тела, на котором мы живем (ее удалось подсчитать астрономическими методами), — много выше, примерно пять с половиной граммов на тот же объем. Значит, ядро должно быть очень тяжелым.

Из чего же оно состоит? Снова на помощь призвали астрономию. Из космоса на Землю нередко залетают метеориты, часть которых — железная. Их плотность достигает 7,85 г/см^3 — так почему бы не предположить, что в центре Земли есть подобный железный «сердечник»?

Перед первой мировой войной немецкий сейсмолог Бруно Гутенберг обнаружил ядро уже не гипотетически. Конечно, и он не мог «вытащить» его на свет Божий. Но он заметил, что на огромных глубинах скорость сейсмических волн резко уменьшается: вместо тринадцати с половиной километров в секунду, как это наблюдается в мантии, всего до восьми с небольшим. Это для продольных волн, поперечные там вообще не проходят. Совсем!

Значит, земное ядро подобно... жидкости. Конечно, далеко не такой, как вода, это весьма густое вещество, но все же куда более текучее, чем то, из которого состоит мантия. Впоследствии, правда, оказалось, что «жидкая» гипотеза верна лишь для внешней части ядра, занимающей глубину примерно от пяти тысяч до 5120 км, а дальше — к самому центру планеты лежит совсем уж твердое ее небольшое внутреннее ядро, его даже именуют ядрышком. Недавно сейсмологам, проводившим для этого специальные взрывы, удалось зафиксировать хотя и слабые, но достаточно отчетливые волны, отраженные поверхностью этого твердого ядрышка.

По поводу химического состава ядра у ученых единого мнения нет. Многие придерживаются той точки зрения, что оно железное с небольшой примесью никеля. Таковы и железные метеориты, о которых говорят, что это осколки рассыпавшихся планет. Или, наоборот, не использованный при создании небесных тел «стройматериал». Так или иначе, по ним, мол, достоверно можно судить о строении центра нашей планеты.

Однако есть аргументы и у оппонентов, настаивающих, что ядро должно состоять из таких же силикатов, как и мантия, но только в «металлическом обличье», возникшем из-за гигантского давления: оно ведь даже на верхней границе ядра составляет 1,3 млн. атмосфер, а в центре Земли достигает невообразимых трех миллионов атмосфер. Кто тут прав, поживем — увидим...

В 30-х и 40-х годах, в немногочисленных тогда у нас произведениях научной фантастики выделялась повесть «Плутония», написанная видным геологом академиком В.А. Обручевым. Он достаточно серьезно предполагал, что внутри Земли находится гигантская полость, по которой и путешествуют его герои, встречая там древних животных и людей каменного века. Теперь ясно, что никакая подобная полость там существовать не может...

ПРИЗОВЕМ В СВИДЕТЕЛИ МЕЗОЗАВРОВ

Загадочным для ученых остается вопрос: почему столь сильно отличается земная твердь суши от той, что слагает дно океанов? Первая ведь и толще, и намного древнее. Лишь с шестидесятых годов, когда завершились экспедиции, проведенные по программе Международного геофизического года и их результаты были сопоставлены с материалами международного проекта «Верхняя мантия Земли», эта нелегкая проблема начала понемногу проясняться.

Впрочем, отдельные озарения и догадки были и ранее. Еще в 1620 году английский философ Фрэнсис Бэкон обратил внимание на то, что очертания Западной Африки на картах отлично «вкладываются» в абрис восточного побережья Южной Америки: казалось, каждому выступу соответствует своя впадина. Ему, правда, еще не пришла в голову мысль, что когда-то оба материка были единым массивом суши.

В последовавшие века не раз звучали голоса, вещавшие: здесь про-

изошла катастрофа, гигантский участок суши (легендарная Атлантида) скрылся под морскими волнами, оставив по краям побережья континентов в том виде, как они существуют сегодня.

Первым, кто предположил, что на самом деле континенты движутся по поверхности Земли, был в 1858 году Антонио Снайдер-Пеллегрини. Но и его гипотеза не обошлась без вмешательства сверхъестественных сил: Великий Потоп, вот в чем все дело. Правда, сторонников эта гипотеза, весьма слабо обоснованная, практически не нашла.

Тут явился немецкий метеоролог Альфред Вегенер, и гипотеза начала обретать популярность. Хотя Вегенер располагал лишь незначительной частью той информации, которая есть сегодня у нас, но и при этом он заложил прочный фундамент в представления о строении и развитии планеты. Немало утверждений, сделанных ученым «сгоряча», не подтвердилось, но многое сегодня принимается большинством специалистов как основа для дальнейшего развития геофизики.

Сначала, однако, его сторонники выглядели чудаками. Сомнительным казалось уже то, что он не принадлежал к числу специалистов, профессионально изучающих твердое тело Земли. Метеоролог — так знай свою атмосферу! К тому же спортсмен: в 1906 году вместе со своим братом Куртом Альфред Вегенер поставил рекорд, продержавшись в полете на воздушном шаре целых 52 часа... Отличный лыжник и мастер запускать воздушные змеи. Со всеми этими способностями он добился — в качестве метеоролога — своего включения в состав датской полярной экспедиции в Гренландию. Потом — преподавание в Марбургском университете и в 1912 году — новая экспедиция на тот же ледяной остров. Гляциологические и атмосферные данные, собранные в этом походе, заняли множество томов. Затем младший офицер на фронте первой мировой войны, а с 1924 года заведующий кафедрой метеорологии и геофизики в Грацском университете (Австрия).

Его бурная биография закончилась трагически: в 1930 году Вегенер погиб, пересекая на лыжах один из ледников в Гренландии... В некрологах можно было прочесть о том, каким он был выдающимся специалистом по физике атмосферы, крупным полярным исследователем, отличным организатором и преподавателем — и все это правда, — но ни слова о том открытии, которое затем прославило его имя.

Каким образом Вегенер впервые пришел к убеждению, что континенты могут «разъезжать» по поверхности планеты, не совсем ясно. Говорят, его к этому подтолкнуло наблюдение за тем, как «телятся» (это почти термин, распространенный среди гляциологов) ледники. Ведь и ледниковый покров обладает немалой пластичностью, он «стекает» с гор в море, порождая айсберги...

Но более правдоподобны свидетельства, согласно которым его надоумили те же очертания материков на глобусе, что и менее пытливых предшественников. Так или иначе, в январе 1912 года Вегенер впервые публично изложил свою гипотезу, выступив с лекцией на заседании Германской геологической ассоциации во Франкфурте-на-Майне.

Последовало полупрезрительное молчание. Тогда всякому геологу и геофизику было «доподлинно известно», что Земля возникла в расплавленном виде и все еще остывает, при этом сжимаясь. Подобная модель отлично все объясняла: горные хребты — морщины на поверхности планеты, подобные тем, что образуются на кожуре высыхающего яблока. Аналогичные процессы порождают и гигантские прогибы, на месте которых возникают океаны, а там, где складки «выпирают» наверх, — материки, возвышенности. Движения коры — вверх или вниз, но никак не в горизонтальном направлении!

Но как, скажите, объяснить тогда столь странную совместимость очертаний Африки с Южной Америкой? И что за причина, по которой горные хребты обычно образуют узкие изогнутые пояса? Если б они возникали в результате «сморщивания» земного шара, складки распределялись бы на поверхности равномерно и шли бы по прямой, а не дугообразно, — взглянем на сухое яблоко.

Еще одно замечание. Когда провели статистический анализ топографических черт Земли, выяснилось, что большая часть площади, принадлежащей «сухопутным» возвышениям и океаническим впадинам, сосредоточена всего на двух уровнях. Один из них соответствует поверхности континентов, а другой — абиссалям, то есть наиболее глубоководной части моря. Такое неравномерное распределение возможно, если земная кора «составлена» из двух слоев: верхнего — относительно легкого, например, гранита, и нижнего, массивного, образованного базальтом, габбро или перидотитом. А ведь именно последние и слагают дно океана.

Есть у Вегенера и «свидетели» из мира животных. Правда, давно вымершие, но тем не менее весьма красноречивые. Небольшие пресмыкающиеся мезозавры, исчезнувшие около 270 миллионов лет назад, жили только в Бразилии и Южной Африке, и нигде более их следов существования не находили. Наиболее вероятно, что эти массивы суши тогда соприкасались друг с другом, и мезозавры свободно переходили из Африки в Америку, пока континенты не «разъехались».

Наконец, геологические обстоятельства. По обе стороны Атлантики на берегах обнаруживаются сходные породы. Если «свести» континенты вместе, подобно частям мозаики, огромные блоки геологических структур довольно легко совместятся, как бы естественно продолжая друг друга. Разорвите газетный лист, а потом попытайтесь совместить обрывки, пользуясь для этого не только очертаниями разрывов, но и строчками — и вы воспроизведете логику автора гипотезы дрейфующих материков.

Так в 1915 году Вегенер пришел к заключению, что некогда вся суша нашей планеты была единым целым, образуя гигантский суперконтинент — Пангею (по гречески это значит «Вся суша»). В своей книге «Происхождение континентов и океанов» он писал, что слой, лежащий под материками, выполняет роль очень вязкой «жидкости», по которой суша «плавает», подобно льдине на море.

Весьма изящный дополнительный аргумент: Земля, как известно, не совсем правильный шар, она несколько сплющена с полюсов и растянута в зоне экватора. Так вот, экваториальный выступ по величине как раз такой, каким он должен быть, если тело вращения состоит из вязкой «жидкости».

Все бы ничего, но были в гипотезе Вегенера и слабые места, и на них вскоре указал знаменитый английский геофизик Гарольд Джефрис. «Откуда вы берете энергию, чтобы двигать континенты?» — вопросил он. Действительно, попробуйте сдвинуть с места массив толщиной в сотни километров и площадью в миллионы квадратных километров!

Автор гипотезы предположил, что Америка «отъезжает» на запад от Африки и Европы силами прилива в земной коре, подобного морским приливам. А смещение Индии на север, как и вызываемое этим сминание земной коры в гигантские складки Гималаев, он объяснил «полюсостремительной» силой, связанной с вращением планеты.

Но Джефрис был силен в физике и математике. Он легко вычислил, что Земля слишком прочна, чтобы подвергнуться хотя бы слабой деформации под влиянием таких сил. Иначе горные хребты уже давно бы обрушились под собственной тяжестью, а морское дно стало бы пло-

ским. Кроме того, будь приливные силы достаточно мощными для передвижения Американского континента на запад, их бы хватило на то, чтобы всего за один год прекратить вращение нашей планеты вообще!

Раздались и подковыристые вопросы других оппонентов: почему это Пангея оставалась цельной в течение большей части истории нашей планеты, а затем, совершенно внезапно, за какие-то десятки миллионов лет, развалилась на части, которые «поехали» в разные стороны? Словом, Вегенеру предъявили обвинение в том, что он «насилует» Землю и «играет в игру без правил».

Вегенер, которому было уже под пятьдесят, не стал отстаивать свою правоту «до последнего». Он лишь мягко укорил своих противников за необъективность, сравнив их с судьей, который выносит приговор на основании неполных данных. «Обвиняемый (Вегенер имел в виду планету. — **Б.С.**) на вопросы не отвечает, и нам приходится судить лишь по косвенным свидетельствам...»

СУХОПУТНОЕ ПЛАВАНЬЕ

После гибели Вегенера его гипотеза, казалось, стала фактом истории науки. Для специалиста высказаться публично в ее защиту означало рисковать своим реноме, а то и карьерой.

Лишь со временем шотландский геофизик Артур Холмс (тезка Конан Дойла и однофамилец его любимого героя) предположил, что силой, движущей континенты, могли бы стать конвекционные потоки вещества, существующие в мантии. Это на время помогло залечить наиболее болезненный «укус», причиненный гипотезе Джефрисом. Тем не менее общее весьма скептическое отношение к Вегенеру сохранялось десятилетиями.

Но вот наступил Международный геофизический год (1957 — 1959 гг.), когда ученые шести десятков стран стали изучать Землю по единому плану. Важное место заняло изучение Мирового океана, который, как известно, занимает две трети поверхности нашей планеты. К тому времени усовершенствовались и приборы, и техника наблюдений, так что морское дно стало доступным исследованию.

Тут-то и обнаружилась интересная закономерность: по дну всех без исключения океанов змеится гигантский горный хребет, возвышающийся над морским ложем на два с половиной — три километра. Он опоясывает Землю непрерывной цепью шириной две-три тысячи километров, а длиной более шестидесяти тысяч (для сравнения: длина экватора — «всего» 42 тысячи км). Куда уж тут Гималаям и Андам с Кордильерами!

Случайностью такая система быть не может. Мало-помалу дело прояснилось: вся эта махина — порождение неких грандиозных процессов, происходящих в мантии планеты. Усилиями американских, французских, английских ученых, к которым присоединились и наши отечественные, с 60-х годов постепенно развилась теория плитовой тектоники.

Она гласит, что твердь земная разбита на отдельные «чешуйки», или плиты, вечно перемещающиеся относительно друг друга. Там, где они «разъезжаются» в стороны, из недр поднимается молодая горячая материя, которая, застывая, и образует великий подводный Срединно-океанический хребет.

Представим себе могучий поток такого расплава, вздымающийся наверх и ищущий себе выход. Он его находит там, где «крышка» послабее, — в пределах сравнительно тонкой океанической коры. Поток раздвигает и «разгоняет» по бокам континенты вместе с плитами, на которых они «возлежат». Так осуществляется дрейф континентов, угаданный, но не доказанный в свое время Вегенером.

В областях подъема горячей материи из недр плиты «разъезжаются», а там, где она, постепенно остыв, погружается, они стягиваются, наползают, наезжают, подминают друг друга и образуют большие опускания земной коры. Вот, например, Южно-Американская плита, на которой «сидят» Перу и Чили, едет со скоростью чуть ли не шесть сантиметров в год. А ведь этот «кусочек» земной коры протянулся примерно на пять тысяч километров.

Впрочем, необходимо ответить и на старый каверзный вопрос: откуда силы берутся? Действительно, предложенная некоторыми учеными гипотеза, согласно которой радиоактивные элементы недр, распадаясь, разогревают мантию и та начинает «бурлить», не подтвердилась: этим элементам такие подвиги оказались не под силу.

А вот стремление более плотных материалов, слагающих Землю, уйти на глубину, а более легких — «всплыть», — тут уж энергии край непочатый. Чуть ли не полвека назад наш соотечественник академик О.Ю.Шмидт увязал геологическую историю Земли с ее астрономической «биографией», подчеркнув, что первоначально планета была однородной и лишь затем стала постепенно расслаиваться на ядро, мантию, оболочку. Это расслоение продолжается поныне, оно и «подпитывает» энергией могучие процессы, приводящие в движение целые материки.

Таким образом мозаика начала укладываться в стройную картину. Геология Африки и Южной Америки потому и сходна, что раньше это был единый массив суши. Австралия с Индией и Антарктидой — тоже «расставшиеся родственники». Молодые океаны, Атлантический и Индийский, «на глазах» растут, а старый, Тихий, «съеживается» за счет дрейфа обеих Америк на запад, а Евразии — на восток.

Словом, мысленно разрезав Землю, как арбуз «на вырез», ученые стали лучше понимать, как она образовалась, развивалась, как «устроена» ныне. Разумеется, понято далеко не все, но все же... Ибо, как сказал персонаж замечательной книги Рея Бредбери «Чудеса и диковины! Передай дальше»: «...На картах и на планах можно потрогать север, юг, восток и запад рукой, а потом сказать: вот мы, а вот Неизвестное — мы будем расти, а оно будет уменьшаться».

«— Да-а... — протянул экзаменатор и с любопытством посмотрел на Вольку. — А что ты можешь сказать насчет формы Земли?

Старик Хоттабыч что-то трудолюбиво забормотал в коридоре.

«Земля имеет форму шара», хотел было сказать Волька, но по не зависящим от него обстоятельствам отвечал:

— Земля, о достойнейший из учителей, имеет форму плоского диска и омывается со всех сторон величественной рекою — Океаном. Земля покоится на шести слонах, а те, в свою очередь, стоят на огромной черепахе. Так устроен мир, о учитель!

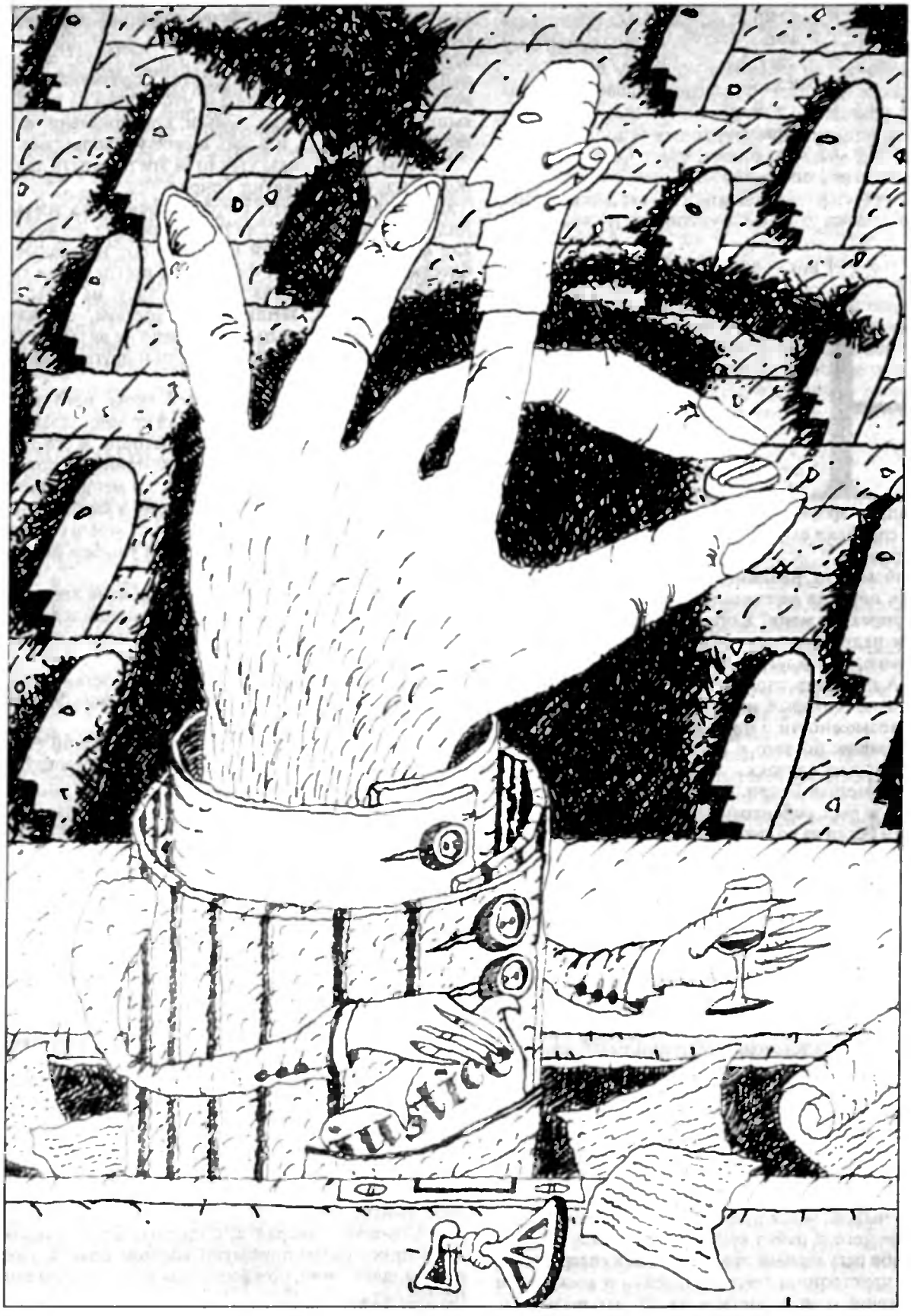
...По ту сторону дверей Вольку встретил сияющий Хоттабыч.

— Заклинаю тебя, о юный мой повелитель, — сказал он, обращаясь к Вольке, — потряс ли ты своими знаниями учителей своих и товарищей своих?

— Потряс, — ответил, вздохнув, Волька и с ненавистью посмотрел на старика Хоттабыча.

Старик Хоттабыч самодовольно ухмыльнулся».

Лазарь Лагин. «Старик Хоттабыч».



Теодор Старджон

Когда ты улыбаешься...

Не говори правду людям. Никогда. Не помню, чтобы я когда-нибудь специально формулировал это правило, но всю жизнь следовал ему.

А Генри?

Впрочем, это неважно, можно сказать, что с Генри я никогда не считался.

Кто упрекнет меня? Я обнаружил, что мне по характеру надо быть одиночкой. Я мог делать кое-что лучше, чем другие, что само по себе уже награда. А наводить справки об убийствах, десятках убийств, за которые никто не поплатился, и не иметь возможности о них рассказать... Может, это мучило меня, но зато я поступал как человек во многих других случаях.

Мне помешал Генри.

Когда я был ребенком, то жил за три мили от школы и бегал на роликах, покуда не выпадал снег. Иногда мне было довольно холодно, иногда слишком жарко, а чаще всего я промокал до нитки. Но в любую погоду Генри ждал меня у входа. Прошло уже двадцать лет, но, стоит только закрыть глаза, и я вижу этот знакомый, преданный взгляд, чересчур подвижный рот, растянутый в улыбку, и слышу слова привета. Он, бывало, возьмет у меня книги, прислонит портфель к стене и трет мои руки, согревая, или подаст мне полотенце из спортивной раздевалки, если идет дождь или донимает жара.

Я не мог понять, что им движет. Его чувство было выше дружбы, дороже преклонения, но, видит Бог, от меня он не получал ничего взамен.

Это продолжалось много лет, потом он окончил школу, а мне пришлось кое-где застрять, и я получил аттестат позже. Пока Генри был рядом, я особо не старался; когда он исчез, школа показалась мне такой унылой, что я приналег и окончил ее.

После чего я начал крутиться, пытаясь обеспечить себе регулярный доход, не имея специальности. Я пристроился писать статейки в воскресное приложение одной газеты — из тех, что вызывают отвращение у приличных людей, — но это меня не смущало, потому что таковые их не читают.

Я писал о наводнениях, убеждая читателей, что Америку ждет гибель под водой, потом о засухе, рисуя картины смерти наших потомков на сухих, как пережаренный картофель, равнинах; строчил заметку о столкновении с кометой, а следом — о придурках, предсказывающих конец света; сочинял биографии великих патриотов, соразмеряя их с величиной передовой статьи, чтобы они ее не затмили. Это приносило деньги, совесть меня нисколько не мучила, и я жил в свое удовольствие.

Словом, много воды утекло за эти двадцать лет, пока я вдруг не встретил Генри.

Самое нелепое, что он совершенно не изменился. Даже как будто не повзрослел: те же жесткие волосы, уродливый широкий рот и веселые, блестящие глаза. Одет он был, как всегда, в чьи-то обноски: рубашка, судя по воротнику, на четыре размера больше, мешковатый костюм, свалявшийся свитер, который совершенно не вязался бы по цвету с костюмом, если бы и то и другое имело какой-либо цвет.

В этот осенний день, когда все, кроме него, уже ходили в пальто, Генри подбежал ко мне, задыхаясь и словно виляя хвостом от восторга. Я его тут же узнал и, не в силах сдержаться, принялся хохотать. Он тоже засмеялся, радуясь до неприличия. Его совсем не интересовало, почему я смеюсь, он снова и снова невнятно произносил мое имя; он всегда говорил невнятно из-за этой улыбки от уха до уха, красующейся на лице.

— Ну что, пошли! — заорал я, прибавив крепкое словцо — такое, от каких он всегда морщился. — Я поставлю тебе рюмашку, я поставлю десять рюмашек.

— Нет, — сказал Генри, улыбаясь, и слегка попятился, втягивая голову в плечи и съеживаясь. — Сейчас не могу.

Мне показалось, что он рассматривает мой твидовый костюм с жесткими складками на брюках и жемчужно-серую шляпу. А может, он заметил, что я разглядываю его одежду. Он замахал руками, как старуха, которую застали голой, и она не знает, что прикрывать.

— И вообще я не пью.

— Так будешь пить, — сказал я.

Я схватил его за руку и потащил за угол, в кафе Молсона; он робко вырывался, бормоча что-то сквозь свои крепкие неровные зубы. Мне нужна была выпивка и веселье, причем немедленно, и я не собирался тащить его к себе домой только потому, что на людях ему будет не очень уютно.

За одним из столиков кафе я заметил девушку, именно ту, которую мне больше всего не хотелось видеть. Как, впрочем, и быть увиденным. Правда, я не дрогнул. И все же: когда я наконец научусь справляться с такими, как она?

— Садись, — сказал я, и Генри пришлось сесть; я толкнул его так, что он ударился о край дивана. Я плюхнулся рядом, задвинув его в угол, чтобы он не смог выйти.

— Сти-и-в! — заорал я, оповещая всех присутствующих о своем прибытии. Бармен, правда, уже направлялся к нам, но я всегда так кричу, чтобы его подразнить.

— Иду, иду, — откликнулся он. — Что будете пить?

— Что ты пьешь, Генри?

— Да ничего. Я вообще не пью.

Фыркнув, я сказал Стиву:

— Две по сто, и к ним содовую, отдельно.

— Поверь, я ничего не хочу, — сказал Генри, опять

втягивая голову в плечи и съеживаясь. — Я не пью.

— Нет, пьешь, — ответил я. — Что это с тобой? Давай начнем сначала, с самой школы. Ты расскажешь мне историю своей жизни: все тяготы, трагедии, неудачи и триумфы.

— Моей жизни? — повторил он, искренне удивленный. — Боже мой, я ничего такого не достиг. Работаю в магазине.

Я смотрел на него, удрученно качая головой, и он тут же спрятал руки под стол, словно стесняясь неопрятных ногтей.

— Да, я знаю, я ничего не добился, — он взглянул на меня своими необычными блестящими глазами. — Не то что ты — каждую неделю в газете, и все такое.

Стив вернулся, неся виски, и я подождал, пока он уйдет. Я всегда делаю вид, что ворочаю большими делами и не хочу посвящать обслугу в свои проблемы. Могу поклясться, что Стив иногда скрипит зубами от досады, хотя и молчит. У хорошего клиента всегда чуть больше прав, так что Стиву приходится терпеть. Он ведь всего лишь бармен.

Когда он ушел, я поднял бокал:

— За кривую, что нас вывезет, за коня, что унесет, за идею, что все выразит, за вранье, что нас спасет.

— Честное слово, я не пью...

— Я намерен тебя угостить, так что отказываться бесполезно. — С этими словами я взял его бокал и поднес к самому его носу.

Генри успел приложиться как раз вовремя — иначе бокал угодил бы прямо за широкий воротник. Он сделал глоток, и его огромный рот чуть не завязался узлом, словно его прошили тесьмой. Глаза округлились и наполнились слезами, он попытался задержать виски во рту, но чихнул, сделал судорожный глоток и отчаянно закашлялся.

Я едва не лопнул от смеха. Как-нибудь в другой раз я включу магнитофон, повторю фокус — и прославлю старину Генри на века.

— Черт возьми! — выдохнул он, обретая дар речи.

Он вытер глаза потрепанным рукавом (видимо, платка у него не было).

— Крепкое, — сказал он, вымученно улыбаясь. — Неужели ты это пьешь? — последнее он почти прошептал.

— Ну да, вот так,— сказал я и допил остаток в его бокале. — И еще вот так, — и допил остаток в своем.

— Сти-и-в! — заорал я, хотя у Стива был наготове поднос с новой порцией, и я это знал. — А теперь — о том, о чем ты начал говорить, Генри, — сказал я, но умолк на время, пока Стив расставлял бокалы и убирал пустые. — Словом, о тебе. Ты заявляешь «нечего рассказывать», потом сообщаешь, что работаешь в магазине, и точка. Так вот, теперь я сам расскажу историю твоей жизни. Прежде всего: кто ты такой? В этой созданной Господом серо-зеленой Вселенной нет большего оригинала, чем ты. Заметь, это только начало.

— Но я... — заикнулся Генри.

— Ни одна гора, — перебил я, — и наоборот, ни один атом — новейший, расщепленный, выбрасывающий альфа-частицы — не значат больше, чем твоя самобытность. Вспомни землетрясение, вековой дуб, скачки или научное исследование и, клянусь Богом, я назову то же самое, но на тысячу лет раньше. А ты, — тут я наклонился и воткнул указательный палец в ямку над его ключицей, — ты, Генри, уникален — как на нашей планете, так и во всей галактике.

— Ну нет, что ты, — засмеялся он, освобождаясь от моего пальца, который пригвоздил его к стене.

— Ты уникален! — повторил я, обнаружив, что эти слова помогают выдохнуть через ноздри запах виски, — но это только начало. Уже сам факт твоего бытия — это чудо, не считая того, что ты когда-либо сделал, сказал или о чем мечтал. — Тут я убрал свой палец и откинулся на спинку дивана, одарив его улыбкой.

— Навряд... — сказал Генри и покраснел. — Слишком много таких, как я.

— Ни одного, — взяв свой бокал, я понял, что он уже пуст, и выпил его порцию, потому что мои губы уже были сложены подобающим образом. — Сти-и-в! — Пока бармен приносил новую порцию, я молча наблюдал, как Генри потирает свою ключицу. — Итак, мы начали с чуда. Куда направимся дальше? Как ты думаешь?

Он хмыкнул.

— Не знаю.

— Раньше о тебе кто-нибудь говорил такое, а?

— Нет.

— Ну ладно. — Я выставил указательный палец, но не тронул его, потому что он был к этому готов.

В огромном зеркале за спиной Генри я снова увидел ту женщину. Она рыдала. Это, надо сказать, вообще было ее любимым занятием.

— Почему я об этом говорю, Генри? — сказал я. — Ради твоей же пользы. Ты ходишь по этой земле и всем рассказываешь, что ничего не сделал. А ведь ты — уникум. Ну что, тебе лучше?

В ответ он пожал плечами.

— Нет... Просто я не думал об этом. Наверное, да. — Он взглянул на меня, пытаясь понять, чего я жду.

— Ладно. Это уже хорошо. Это облегчает мне задачу, потому что я намерен продолжить свой опыт. Так кто ты, Генри?

— Ну, ты сказал, что я... уникум. Чудо.

Я стукнул кулаком по столу, да так, что все подпрыгнули, даже плачущая девушка, отраженная в зеркале. А больше всех Генри.

— Не-е-е-т! Я скажу тебе, кто ты. Ты — бесцветность, ты зануда, ты ничтожество! — Я неожиданно наклонился к нему, а он шарахнулся, как змея от соли. — Думаешь, это парадокс? Полагаешь, я сам себе противоречу?

— Не знаю, — губы его задрожали, но он через силу улыбнулся.

— Выпей, — я снова поднял бокал. — За глаза, голубые и карие, за огонь, пылающий в них, не за тот, на котором варево, а за тот, что сжигает двоих.

— Нет, спасибо, — сказал Генри.

Я осушил свой бокал.

— А теперь объясню, почему, называя тебя чудом и в то же время ничтожеством, я не считаю это парадоксом. — Понюхав его бокал, я поставил его на стол. — Ты начинал именно так, как я уже сообщил: ты был уникален, необычен и так далее. Но сам-то ты считал, что родился голым и беззащитным. И потому все время что-то приобретал — способность говорить, читать, писать. Ты приобрел какое-то образование, работу в магазине. Ты получил право голоса и этот... извини меня... костюмчик. И какими бы скромными ни были твои достижения, ты приобрел намного больше, чем имел, когда ро-

дился. Впрочем, пожалуй нет, с тех пор ты все время теряешь... Какого черта ты все время смотришь в ту сторону?

— Эта девушка плачет. Но я тебя слушаю.

— Да, слушай, я говорю все это для твоей же пользы. А она пускай плачет: в конце концов поймет, что слезами горю не поможешь. И перестанет.

— А почему она плачет, ты знаешь?

Еще бы я не знал! Но сказал только:

— Пустое... На чем я остановился?

— Я все время теряю, с самого рождения, — послушно напомнил Генри.

— Именно. Ты растерял свой потенциал. Ты начал, имея способность делать все что угодно, а сейчас не можешь ни черта. Вот я, например, — я начал с того, что почти ничего не умел, а теперь могу почти все.

— Удивительно, — сказал Генри с чувством.

— Ты все еще не понял, — продолжал я. — Поясняю. В наше время одни в чем-то совершенствуются, другие нет. Если тебе повезло: у тебя есть талант и работа, где он нужен, — ты далеко пойдешь. Если в твоей работе не нужен талант — ты все же проживешь. Если таланта нет, то, специализируясь в одной области, его можно почти заменить. Но в каждом случае все зависит от того, насколько ты владеешь ремеслом и сколь усердно вкалываешь. Я вот, например, совсем другой. С-т-и-и-в!

— Мне не надо, — жалобно произнес Генри.

— Принеси то же самое, Стив... Не перебивай меня, Генри, я делаю тебе одолжение. Кто я такой? Можно сказать: специалист без специальности. Таких парней, как я, очень мало. Если я долго делаю одно и то же, у меня вот здесь, — я похлопал себя по лбу, — зажигается красный свет. И тут же я закрываю лавочку и придумываю что-то другое. Что касается способностей — я думаю, они у меня есть. Но я предпочитаю ими не пользоваться. Потому что они загоняют меня в одно какое-то дело, а я не тот человек, которого легко поймать в мышеловку. Нет — шалишь!

— Ты талантливый журналист, — робко сказал Генри.

— Спасибо, друг, но ты ошибаешься. Журналистика — это не талант. Это навык. Это умение расставить слова, облечь свои идеи в привычные всем формулы. Это все равно что учиться печатать на машинке — ты просто переводишь свою молекулярную энергию в символы. Имеет значение не то, что ты пишешь, а то, как ты это делаешь... Что такое, ты, кажется, отвлекся?

Генри смотрел мимо меня в зал.

— Она все плачет.

— Не обращай внимания. Каждый день какая-нибудь женщина теряет мужа. Потом привыкает.

— А что — он умер?

— Окончательно и бесповоротно.

Он посмотрел снова на нее, а я — на его большой рот, на этот ряд крепких, неровных зубов. Его можно было понять — девушка привлекательная, да к тому же на горизонте чисто. Я задумался: что бы такое сказать Генри, чтобы он перестал улыбаться?

Он снова повернулся ко мне.

— Ты говорил о журналистике.

— Так вот. Предположим, ты пишешь один опус в неделю, и все написанное тобой заставляет читателя верить каждому слову. Предположим, в одной статье ты утверждаешь, что нас ждет конец света, а в другой, что мир вечен. Одна убеждает: хороших людей нет, просто каждый подавляет врожденные пороки. А другая провозглашает: никакое зло не убьет природного гуманизма человека. Понимаешь меня? И каждое слово любой статейки воспринимается как откровение, а вся серия — да она просто дышит правдой! Скажи мне, верит или не верит сам автор этой галиматьи тому, что пишет?

— Ну, я думаю... нет, не знаю. — Он снова взглянул на меня, пытаясь угадать, какого ответа я жду. Потом смущенно заговорил, видя, что я ему не помогаю: — Что ж, если ты сначала говоришь, что белое это белое, а потом — что оно голубое...

— То такой писатель сам не верит тому, что пишет, так? Я знал, что ты это скажешь. Но ты ошибаешься на все сто процентов. Такой писатель умеет верить всему, о чем пишет. Конечно, белое бывает белым. Но подумай: если взглянуть на материю через микроскоп, что мы увидим? Всего лишь частицы, которые уже не частицы, а точки с неясными свойствами. Другими словами — это область, где уже нет фактов и нет правил, которые мы установили для этих фактов.

Теперь давай двинемся в противоположном направлении, в космос, туда, куда только может проникнуть сильнейший телескоп. И что же мы увидим? Да то же самое! Область возможного и вероятного, область догадок и не больше.

У нас было бы для этого оправдание, если б мы думали, что все линейки сделаны из резины, а рулетка из макарон. Но мы знаем, что это не так. Почему же мы считаем, что там, наверху, все смутно, внизу все расплывчато, а у нас здесь, посередине, все выверено и точно, чисто и проверено? Я утверждаю, что «ничто» не является «чем-то», что «ничто» не докажешь «ничем», что «ничто» не вытекает из «чего-то». Более того: реальное — не реально, а идея, что мы живем в аккуратной начинке некоего бутерброда, — абсурд.

Но не можем же мы, не веря в реальность, ходить на работу, аккуратно получать зарплату и как-то жить. Остается одно: верить всему, что увидишь, услышишь, и особенно тому, о чем думаешь.

Генри заикнулся:

— Но я...

— Заткнись. Дело в том, что вера — это вещь особая. Знания помогают верить, и в то же время вера живет только рядом с невежеством. Для меня аксиома, что только полная, самая полная информация о данном предмете может развеять веру в него. И что только пустоты между ступенями логической лестницы дают возможность проникнуть невежеству, которое мы называем «интуицией» и без которого мысль никуда не движется. Итак, мы вернулись к тому, с чего начали: не специализируясь ни в чем, я оберегаю свое невежество и поэтому могу поверить во что угодно. Вывод: жизнь — это удовольствие, и я черпаю его полной ложкой.

Генри широко улыбнулся и покачал головой в знак восхищения.

— Я рад, если это так. Рад, что ты счастлив.

— Что значит — «если»? Я получаю, что хочу, при-

чем всегда. А если это не счастье, то в чем же оно?

— Не знаю. — На мгновение он закрыл глаза, потом повторил: — Не знаю. Можно... выйти?

— Но я не кончил разговор, мой мальчик, я только начал подбираться к теме.

Генри с тоской посмотрел на дверь и еле слышно вздохнул. Потом опять улыбнулся:

— Я просто хочу... ты понимаешь?

— Ясно. Использованное пиво сдают вон там — вниз по лестнице. — Поднявшись, я пропустил его. Я знал, что улизнуть из кафе он может, только миновав меня.

Почему я не хотел, чтобы он улизнул?

Потому что рядом с ним мне всегда было хорошо. У Генри есть черта, которую можно назвать «эффектом изумления»: даже если прочесть в его присутствии алфавит от «а» до «я», клянусь Богом, он будет изумлен. Это очень забавно. Впрочем, теории, которые я ему тут наплел, изумили бы кого угодно.

Именно тогда я и решил ему рассказать об убийствах.

Однако в этот миг комната покачнулась, и я вцепился в край стола, чтобы поставить ее на место. Это было мне знакомо: нужно срочно что-нибудь съесть, прежде чем снова залить в себя горючее.

Но тут я почувствовал, вернее, услышал какую-то суету. Генри, старый дурак, стоял рядом с плачущей девушкой. Когда она взглянула на него, лицо ее исказилось, она вскочила и так съездила ему по физиономии, что он покачнулся. Не успел я опомниться, как она выбежала из кафе, а Генри остался стоять, потирая щеку и улыбаясь.

— Генри!

Повернувшись ко мне, он снова посмотрел на дверь, потом приковылял к нашему столику.

— Сказал бы мне, что хотел приволокнуться, — возмутился я, — я бы тебя предупредил: она сейчас в «дауне».

— Ты не понял. Я просто спросил, не могу ли чем-нибудь помочь. Она как будто не расслышала, я спросил снова. А она пришла в ярость и огрела меня. Вот и все.

Я рассмеялся.

— Может, ты и помог: ей сейчас лучше взбеситься, чем сидеть вот так, терзая себе душу. Но все же, почему ты решил, что можешь с ней столковаться?

Он опять расплылся в улыбке:

— Я же сказал, что не хотел ничего такого, только пытался помочь. — И добавил, словно в этом была суть. — Она же плакала.

— А тебе какая выгода?

Он промолчал.

— Я так и знал! — я хлопнул его по плечу. — Тебя нужно переделать. Вот с этого и начнем. Мы избавим тебя от чересчур широких рубах и слишком узких взглядов. Мы узнаем, что тебе в самом деле нужно, и научим этого добиваться.

— Но я не... Серьезно, я...

— Заткнись. Элементарная истина, которую ты будешь учить до посинения, такова: не делай ничего просто так. Всегда спрашивай: «А мне какая выгода?» И не вздумай ударить палец о палец до тех пор, пока не услышишь: «Больша-а-я!» Сти-и-ив! Тогда у тебя в кармане новенького костюма всегда будет новенький бумажник, и никто, ни одна девица не посмеет съездить тебя по роже в таком гнусном кабаке, как этот.

Собственно, заведение Молсона — совсем не «гнусный кабак», но как раз в это время подошел Стив, и я хотел, чтобы он это услышал. Я заплатил, а сдачу оставил ему. Я даю на чай, немного, пенсов двадцать. А он не догадывается, что если сопоставить счета и чаевые, то последние составят как раз девять процентов — за обслуживание. В один прекрасный день он или сам додумается до этого, или я ему скажу, и это будет забавно. А секрет всего забавного в том, что надо учитывать мелочи.

На улице Генри остановился и стал переминаться с ноги на ногу.

— Ну что ж, до свидания.

— Никакого «до свидания», мы идем ко мне.

— Нет, — сказал он, — не могу. Мне придется...

— Что «придется»? Пойми, Генри, тебе надо помочь, хоть сам ты об этом не знаешь. И я помогу, хочешь ты того или нет. Я разве не сказал, что мы тебя сломаем и построим заново?

Он дернулся вправо, потом влево.

— Я не могу отнимать у тебя время. Пойду домой, и все.

Я понял, что если мне не удастся его переубедить, то останется одно: нести его на руках. Я мог бы это сделать, но мне не хотелось: всегда есть способ увернуться от тяжелой работы.

— Генри, — начал я и замолчал.

Он ждал, и не то чтобы нервничал, но ощущал некоторое беспокойство.

Типы вроде Генри не дерутся, не убегают, с ними можно делать все, что угодно. Но надо думать. Думать над тем, что бы такое сказать, самое правильное. Я придумал.

— Генри, — сказал я как-то по-настоящему мягко, искренне, и эта перемена поразила его больше, чем если бы я заорал. — У меня страшная беда, и ты единственный человек в мире, которому я могу довериться.

— Черт возьми. — Он подошел поближе и в сгущающихся сумерках взглянул мне прямо в глаза. — Почему ты сразу не сказал?

У каждого человека, если поковыряться в его душе, спрятан такой болтик. Остается только нащупать его. Сдерживая смех, я отвернулся и вздохнул.

— Это долго рассказывать... Не буду морочить тебе голову. Может, лучше...

— О, нет! Я пойду с тобой.

— Ты настоящий друг, — прошептал я и громко сглотнул слюну, как бы от волнения.

Мы подошли к парку. Я брел медленно, держа дистанцию, как на похоронах, а Генри семенил рядом, то и дело тревожно заглядывая мне в лицо.

— Это насчет той девушки? — спросил он.

— Нет. Она здесь ни при чем.

— А ее муж... Что с ним случилось?

— То же, что с бараном, который попер на овцу, да промахнулся, — я толкнул его локтем. — Понял? Короче, он ухнул в пропасть. — Мы как раз шли под фонарем, и я видел его лицо. — Послушай, однажды из-за этой улыбочки голова твоя расколется, как орех. Зачем ты все время демонстрируешь свои зубы?

— Виноват, — сказал он. И когда мы уже почти пересекли парк, он спросил: — А почему?

— Что «почему»?

— Ее муж... в пропасть?

— А-а. Она вроде с кем-то переспала, а когда сказала мужу, он и навернулся. Знаешь, есть люди, принимающие вещи всерьез... Вот мы и дома. — Я пропустил его вперед, мы прошли по дорожке, потом через вертящуюся дверь. В лифте он уставился на стены, отделанные деревом.

— Очень красиво.

— Не так сыро, — скромно заметил я.

Двери скользнули в стороны, я провел его через холл и толкнул дверь ногой.

— Входи.

Мы вошли в переднюю и, естественно, наткнулись на Лоретту. На ее лице застыло дежурное выражение, с помощью которого она выдает злость за оскорбленные чувства. Я подтолкнул Генри вперед, наблюдая за тем, как негодование сменилось Светской Радостью.

— Познакомься, это моя жена.

Он отступил, но я снова толкнул его вперед. Он заулыбался, склонил голову и завилял хвостом.

— Хм, хм, — сказал он, сглотнул и начал снова, — как поживаете?..

— Это Генри, — сказал я, — мой школьный друг Генри, о котором я тебе рассказывал, Лоретта. — Никогда я ничего не рассказывал. — Он хочет есть, и я хочу есть. Сообрази нам что-нибудь. — Не давая ей вставить ни слова, я сказал: — Ужин на бумажных тарелках в моей каморке организовать легче, чем накрыть на стол, а? — Ей пришлось кивнуть, а я толкнул Генри к моей келье и сказал: — Прекрасно и спасибо, о, лучшая из женщин! — Она еще раз кивнула — уже соглашаясь. Войдя внутрь, я закрыл двойную дверь и, хохоча, прислонился к ней.

— Черт возьми, — сказал Генри, у которого загорелись глаза. — Ты не говорил, что женат. — Улыбка померцала, потом исчезла вовсе.

— Наверное, не говорил. Это же мелочь. Мы не говорим о воздухе, которым дышим, о насморке, о дороге на работу.

— Да, но, может быть, она... Может, мы ее беспокоим? А почему ты смеешься?

Я смеялся, вспомнив, как изменилось лицо Лоретты, когда мы вошли. Конечно, я опоздал и этим испортил обед, да плюс ко всему явился пьяным, а Лоретта приготовилась весь вечер демонстрировать свое негодование и никак не ожидала, что я кого-то приведу. Ах, Лоретта, такая учтивая, такая воспитанная! Скорее умрет, чем выдаст свои чувства незнакомому человеку.

— Я смеюсь, потому что, какое это беспокойство?

Он сел и сказал:

— Хорошенькая.

— Кто? Лоретта? Плохих не держим. Генри, а ведь я не такой, как все.

— А другие — разве такие, как все? — спросил он робко.

— Конечно, идиот. Говоря «не такой», я хочу подчеркнуть: совсем не такой. Это не обязательно лучше, чем другие, — скромно добавил я. — Просто не такой.

— В каком же смысле? — Ох этот Генри. Обязательно должен докопаться!

Как бы в ответ на его вопрос я достал футляр для ключей, взвизгнул молнией, нащупал бронзовый ключик от ящика стола и повертел у него перед носом.

— Все расскажу, когда запихнем что-нибудь в брюхо и останемся вдвоем.

— Это та самая неприятность, которая... та, где нужна моя помощь?

— Та самая, но это дело настолько личное и тайное, что я не позволю себе даже думать об этом, пока не запру дверь.

— Ну ладно, — сказал он, — хорошо. — Он явно подыскивал другую тему для разговора. — А можно я спрошу про ту девушку, чей муж...

— Шпарь, — сказал я, — хотя это не так интересно. Ты, Генри, здорово умеешь путать кошмарное с банальным.

— Прости. Но она выглядела ужасно... расстроенной. Я... мне кажется, не понял, что ты сказал? — Этот странный порядок слов он завершил знаком вопроса. — Она с кем-то еще... — Слова угасли, и Генри покраснел. — И муж об этом узнал?

— Не то чтобы узнал — она сама ему сказала. Понимаешь, ее втянули в какие-то опыты, ну что-то вроде испытаний нового лекарства, которое подавляет волю. Под воздействием этого снадобья, — я улыбнулся приятным воспоминаниям, — она была послушна, как овечка. Ты видел, что она совсем не дурнушка, скорее наоборот, значит, произошло то, чего следовало ожидать. Carpe diem*, говорят римляне в таких случаях, то есть — сверли и получишь нефть.

Генри смотрел рассеянно, но все же улыбался.

— А тот ученый, который дал ей это лекарство... В общем, она совсем не была виновата, то есть ее муж не должен был?..

— «Не должен был», — передразнил я. — Должен, если знать этого мужа. Один из тех идеалистов, кто считает любовь священной, и всякое такое. Кроме того, у него пол-лица осталось в Корее, и это сильно его удручало. Любовь — это чушь. — Откинувшись на спинку стула, я продолжал: — Он никогда бы ничего не узнал. Но этот медикамент похож по действию на «эликсир правды». Хотя человек, проглотив его, не выглядит «поддатым». Она пошла прямо домой, причем выглядела как всегда, но не могла ничего скрыть. Она и не знала, что ее, как бы это сказать... накачали. Ей подсыпали в кофе. Она рассказала мужу, что случилось, и не ручалась за свою будущую верность. Почти всю ночь он прокручивал это признание в своей голове, а потом встал, влез в машину, разогнался и ухнул в пропасть.

Генри улыбнулся два раза подряд, причем одна улыбка как бы наехала на другую.

— А теперь она только и делает, что пьет в баре?

— Она не пьет. Ты читал когда-нибудь «Ледифантом» Уильяма Айриша? Там одна девица изводит героя одним своим присутствием. Она всегда оказывается там же, где он, днем и ночью, целыми неделями. Эта цыпочка из кафе, вроде бы такая смирная, пытается так же действовать на меня. Сидит там, где я могу ее встретить, и ненавидит. Ненавидит меня и плачет.

— Тебя?

Я подмигнул и пощелкал зубами.

— Научная работа, Генри, решает разом много

*Carpe diem — «лови мгновенье» (лат).

проблем. Я люблю решать проблемы по одной. Ясное дело — мне знакома химия, я ведь говорил тебе, что оказался специалистом без специальности. А теперь убери с лица свою ухмылку, иначе не сможешь есть.

Подошла Лоретта с подносом, на котором красовались креветки, поджаренные на сливочном масле, под пикантным апельсиновым соусом, салат из разной зелени с луком и молотыми орешками, а также медовый торт по-арабски.

—О-о! — задохнулся Генри и вскочил на ноги. — Это прекрасно, миссис...

— Лоретта, ты не принесла выпивку, — сказал я.

— Право, не хочу, — сказал Генри.

— Он очень деликатен. А мы не любим показной деликатности, правда, Лорри?

Лоретта колебалась, закусив нижнюю губу. Потом сказала:

— Хорошо, я сделаю коктейль...

— Не надо, — перебил я, — принеси целую бутылку. А потом мы не будем тебя больше беспокоить, да, Генри?

— Я, ей-Богу, не хочу...

— Давай действуй, до-р-рогая. — Произнося это слово, я как правило, рычу на нее. Лоретта поставила поднос на кофейный столик и метнулась вон. А я засмеялся.

— Теперь обязательно принесет.

Когда Генри расплывался в улыбке, я почти слышал шорох в уголках его рта.

Жена принесла бутылку, и я взял ее в руки.

— Не надо содовой, мы настоящие мужчины и не запиваем. Хорошо, дор-р-рогая, грязные тарелки уберешь завтра.

Пятиться задом она не решилась, но не сводила с меня глаз — вероятно, от страха — и потому вышла как-то боком, не забыв одарить Генри улыбкой гостеприимной хозяйки, хотя эта улыбка получилась кривой и мятой.

Он лепетал в это время: «Спасибо, миссис...» — но не успел закончить фразу, как я захлопнул дверь.

Потирая руки, я сел на диван.

— Давай сюда бутыль, Генри.

Он принес бутылку, сел рядом со мной, и мы начали есть. Все было очень вкусно, но это — тот минимум, который должен требовать любой мужчина от своей жены. Я было хотел потребовать, чтобы Лоретта принесла сигареты, но почувствовал, что уже достаточно позабавился с ней и это не доставит мне удовольствия. Желудок был вполне ублажен тем, что в него попадало. Генри тоже замолчал и сосредоточенно ел.

Позволив себе быть щедрым, я налил стаканчик Генри и не забыл себя. Потом, откинувшись на спинку дивана, рыгнул, отчего Генри вздрогнул. Я проглотил виски, налил еще порцию, наблюдая за Генри, который собирал мед с тарелки куском хлеба.

— Н-да, твоя жена поистине...

— Я же сказал, плохих не держим. Сядь сюда и захвати горючее.

Поколебавшись, он принес бутылку и поставил на письменный стол, а сам уселся на кончик кресла. Он смахивал на котенка, впервые в жизни усевшегося на забор и поэтому неустойчивого. Я рассмеялся ему в лицо, и он тут же ответил виноватой улыбкой.

— Знаешь, что я собираюсь сделать? — спросил я у этого банального, глупого, трусливого и преданного Генри, — я собираюсь посвятить тебя в некоторые тайны, неизвестные никому на свете. И в то же время эти тайны кое-кому известны. Этих людей не много, но они есть. Можно ли считать оба эти утверждения правильными?

— Ну... — он покраснел.

— Поскольку соображаешь ты медленно, лично для тебя я упрощу задачу. Сейчас я высказал парадокс. Но это не парадокс. Перестань улыбаться и кивать, просто слушай, и, может быть, что-то поймешь. Итак, ты и я — разные люди, так?

— Да, — вздохнул он.

— Правильно. И в то же время все люди похожи друг на друга. В этом как раз парадокса нет.

— Разве?

— Да, и вот почему. Ты похож на мою жену, на бармена, на редактора городской газеты и на миллиарды всех, кто ползает по земному шару и называет себя человеком. Как ты проницательно отметил, я не похож на тебя. И к тому же я не похож ни на Лоретту, ни на Стива, ни на редактора. Теперь ты видишь, что это не парадокс?

Генри смущенно поежился. Он меня вообще изумлял: как может такой человек, не умеющий ни притворяться, ни ловчить, даже соврать и то не способный, — как он может прожить на свете хотя бы три дня? Посмотрите, как он бьется над моим вопросом, стараясь найти правильный ответ.

— Не знаю... — это прозвучало, как мольба о прощении. Глаза его смущенно замигали. — Может, ты хочешь сказать, что ты не человек? — он тихо захихикал и снова как-то съежился.

Прислонившись к спинке дивана, я просиял:

— Потрясающе: оказывается, ты не так глуп!

— А ты действительно хотел это сказать? Но я думал, что все на свете — люди. — Это прозвучало патетически.

— Не путай разные вещи, — сказал я мягко.

Я наклонился к нему резко, чтобы испугать, и он испугался. Опустив палец в виски, нарисовал на столе довольно большой мокрый круг.

— Предположим, что внутри этого круга, — я повозил рюмкой внутри окружности, — и в этой рюмке содержится то, что мы называем человеческим. Когда она здесь, или вот здесь, или чуть дальше — в ней все по-прежнему человеческое. Ты, например, отличаешься от Стива, потому что его человеческое — вот здесь, а твое вот тут... Вы разные, потому что помещены в разных частях этого круга, но вы одинаковы, потому что вы оба — внутри круга. Итак, парадокса нет. — Я опорожнил рюмку и положил руку внутрь круга. Полировка на столе бледнела от спирта, но это неважно, завтра Лоретта отполирует.

— Внутри круга, — продолжал я, — человек может быть умным или глупым, музыкальным, агрессивным, изнеженным, технически грамотным: он может быть югославом, математическим гением или кондитером, но он прежде всего человек. Однако глупо утверждать, что человек обязательно должен жить внутри круга. А что делать тому, кто родился за его пределами? Или живет на границе? А

кто может запретить ему жить вот здесь? — Тут я грохнул кулаком по столу за пределами круга.

— Я... — заикнулся Генри.

— Заткнись. Отвечаю: есть люди и за пределами круга. Не так много, но они есть. Но если мы уже назвали людьми тех, кто внутри, то живущие снаружи должны иметь свое какое-то название.

— И ты один из них? — прошептал Генри.

— Точно.

— Вы — те, кого называют мют...мут...

— Мутанты? Нет. Хотя, черт возьми, это название подойдет. Но не такие мутанты, как ты думаешь. Не результат атомной пыли, космических лучей или чего-то в этом роде. Обычная, будничная разновидность. Смотри: от одной точки окружности до другой внутри круга дальше, чем от точки внутри до точки снаружи — верно? Однако по всей длине диаметра возможны разновидности, то есть разница между людьми, которая позволяет им оставаться людьми. Но один маленький шаг вот сюда, — я вывел палец за окружность, — и ты обнаружишь нечто совсем другое.

— В каком смысле — другое?

— Да этого другого — тьма-тьмущая. — Я пожал плечами. — Возьми любой биологический вид, ну хоть котят одного помета: у одного острее зрение, а у другого — когти. Кто лучше?

— Я думаю, что...

— Никто, неандерталец ты косматый. — При этом он улыбнулся. — Ни один не лучше, они просто разные, у каждого свой способ охотиться. Теперь представь, что у другого котенка из того же семейства — жабры, у третьего — чешуя, как у рыбы. Что это такое?

— Суперкошка? — просиял Генри.

— Ну, скажем, просто не-кошка.

— Значит, ты, хм...

— Я не-человек, — подтвердил я.

— Но выглядишь как...

— Ну да, ведь кошка с жабрами тоже выглядит обыкновенной кошкой. А я — другой, Генри. Я всегда знал, что я другой. — Я снова ткнул в него указательным пальцем, он съежился. — Вот ты, например, обладаешь качеством, которое я встречал очень редко, — способностью сопереживать. Ты словно видишь мир глазами других людей, ощущаешь шероховатость жизни их пальцами. Ты смеешься вместе с ними или плачешь, когда рыдают они.

— Да, я думаю, что...

— Вернемся ко мне — я умею сопереживать, как крокодил — петь. Но у меня есть иное. Знаешь ли ты, что я никогда не злюсь? Вот почему я могу наслаждаться жизнью! Вот почему я могу распоряжаться людьми, заставить любого делать то, что нужно мне, — потому что я умею держать себя в руках. Я могу рычать, как лев, и вообще устроить целый спектакль, но всерьез никогда не выхожу из себя. Ты знаешь меня давно, Генри. Ты читал мои опусы, ты наблюдал за мной. Итак, ты можешь назвать меня человеком?

Он облизнул губы, сцепил пальцы, щелкнул суставами. Бедный Генри! От этой нонехонькой идеи у него раскалывалась голова.

— А вдруг, — решился он наконец, — ты вовсе не другой, а просто талантливый?

— Ну вот мы и подошли к сути. Вот тебе аргумент (кстати, об аргументах — где бутылка?). — Я налил себе и ему. — Видишь ли, Генри, я скромный парень. Будь на моем месте человек, он возомнил бы себя суперменом. Я же понял одно: на свете слишком много существ разных видов. Следовательно, должны быть и такие, как я.

— Хочешь сказать такие же, как...

— Нет. Просто, кроме меня, существуют еще люди самых разных типов. И уж раз я умею думать как не-человек, я нашел способ отыскивать подобных себе.

Пытаясь подняться с кресла, я понял, что ничего не выйдет, и рухнул на место.

— Черт с ним. Представляешь, я голоден как... Нечего сказать — обед! Не могла приготовить что-нибудь посущественней. Я пуст, как бумажный мешок. Генри, дверь заперта?

Он подошел к двери и подергал ее. Когда он вернулся, я достал бронзовый ключик.

— Сейчас я тебе открою глаза кое на что, старина.

Я отпер ящик письменного стола, который со временем оказался заполненным доверху. Ну что ж, когда хочешь позабавиться, нельзя упускать из виду даже мелочи.

Достав папку, на которой было написано «Справедливость», я шлепнул ее рядом с пишущей машинкой.

— Итак, я нашел еще одного не-человека. Чтобы получилась пара, один должен поймать другого, ведь так? Теперь слушай меня внимательно: способен ли человек задумать нечто подобное, не говоря уже о том, чтобы претворить это в жизнь? — И я открыл папку. — Это началось, когда я писал статейку о нераскрытых убийствах. Ты ведь знаешь, что ни один муниципалитет не публикует данных на эту тему. Представь себе: в одном городе 69 процентов, в другом — 73. Кое-где процент удалось довести до 40, а в нашем городе в каком-то году было 38. Но в любом случае — остается чертова уйма нераскрытых убийств!

Так вот, в своей статье я раскопал все, что мог, и таких дел набрался целый ящик. Можно было приступать к поиску решения. Что здесь важнее всего? Кто убийца? Несущественно. Кто мог бы стать убийцей? Ерунда.

Я пришел к выводу, что ко всем нераскрытым делам должен подходить один ключ. Там убили заурядного рекламного агента, не имевшего врагов, здесь нашли подростка с ножом в груди, а потом обнаружили богатого наследника, утонувшего рядом со своей яхтой. И так далее.

Я отверг все случаи, когда погибший имел врагов или когда у убийцы мог присутствовать побудительный мотив. В результате остался довольно странный набор: убийства, для которых вроде бы не было ни причины, ни повода, и к тому же совершенные в разных местах и разным способом.

Должен тебе сказать, что я подолгу звонил, носился по стране, брал интервью у сотни людей.

Я продолжал искать убийства, не имевшие причины. Обнаружив мотивировку, я тут же отбрасывал дело в сторону. К тому времени я уже собрал материал на тему «Убийство — ради чего?», которого хватило бы на парочку крупных «кусков», а то и на целую серию выступлений.

В одну прекрасную ночь я проснулся и перечитал все, что у меня накопилось. И что же я понял? В каждом, абсолютно в каждом случае после убийства кто-то оказывался счастливее! Во всяком случае ему становилось легче жить. Я не говорю о тех, кто унаследовал пожитки убитого, или о женах и детях, замученных пьяными загулами хозяина в дни получки... Передай мне бутылку, Генри.

К примеру, жила-была старуха, здоровая, как буйвол, которая слегла в постель и восемь месяцев притворялась больной, чтобы не дать своей дочери выйти замуж. И когда девушка была в девяти милях отсюда, старой карге перерезали горло.

Или такой случай: студент технического колледжа, весьма положительный юноша, сам оплативший свою учебу, вынужден был вернуться домой, потому что его папаше взбрело в голову расширить семейное дело (магазин скобяных товаров), и он потребовал от студента прекратить занятия. И вот в прекрасное летнее воскресенье, когда юноша (при восьмидесяти свидетелях, то есть без дураков) находился в церкви, кто-то раскроил папаше череп. Убийцу так и не нашли. Так вот, теперь я подхожу к главному — умению рассуждать не так, как рассуждают люди. Предположим, существует человек, как ты сказал — мутант, слабое отклонение, — тот, кто родился сразу за окружностью; он переезжает с места на место и убивает тех, кто мешает кому-то жить. Никогда — одним и тем же способом, никогда — похожих людей, никогда — в одной местности. Так как же его обнаружить?

Потом я начал анализировать случаи так называемого «естественного конца». Почему? Потому что этот парень убивал так, что иногда это выглядело убийством, а иногда — естественной смертью. Этот деятельный малый перепробовал массу способов убийства. И тут я начал вынюхивать не убийцу, а людей невинных, которым после чьей-то смерти стало легче жить.

Обнаружив подобный случай, я начинал «крутить назад», то есть, выяснять причину смерти. Иногда это оказывался пустой номер, но, бывало, я находил то, что искал. Например, скарлатину. Ты слышал когда-нибудь, что можно умереть от скарлатины? Как правило, нельзя, но можно накормить человека беладонной, и врач, ничего не подозревая, напишет свидетельство о смерти от скарлатины. Комар носа не подточит, и вот уже покойника оплакивают родные... Налей-ка мне еще, Генри.

Эх, Генри! Я пьянею не от вина, а от того, что душа полна!

Конечно, к тому времени у меня было материала гораздо больше, чем на одну вшивую статейку или даже серию статей. Н-да. Теперь я целыми неделями таскался за похоронными процессиями и просиживал в моргах. Я поступал просто: если случай казался мне странным, я его отправлял в эти папки. Э-эх, приятель, если бы следователь добрался до моих папочек, какая поднялась бы шумиха! Они опрокинули бы все мраморные надгробья и перерыли кладбище, как картофельное поле!

Слушай, а знаешь ли ты растение Aconitum napellua, или аконит, а проще говоря — волчий корень? Если растереть его, можно приготовить пикантную специю вроде хрена для любителей остренького. Вот тут в конце нашей улицы жила женщина, в прошлый вторник ее скрутило, и она отдала концы, а диагноз был сердечная недостаточность. Дочь ее сразу же помчалась в Голливуд, где из нее выйдет в лучшем случае второразрядная официантка, которая подает клиентам еду прямо в машину, но ведь она этого и хотела.

Значит, рано или поздно, этот парень, который приносит столько радости угнетенным, может найти меня и спросить: «Эй, приятель, ты меня искал?»

— И что же ты ответишь, — спросил Генри без знака вопроса.

— А ты как думаешь? — подзадорил я.

— Запросишь награду или сорвешь куш — кажется, так это называется в газетах?

— Да, в кинофильмах. «Держи, Курочка, — ах, спасибо». Вот видишь, я бутылку опрокинул, помоги поднять. И вытри эту чертову «Справедл-л-ивость», я хотел ск-а-зать папку. Надрался я, пр-ри-ятель, а знаешь ш-то? Мне это нравится. Н-налей еще. Я бы нал-лил с-ебе, да ты видишь, что со мной. Спасибо.

Так вот, о чем это я? Ну да, ты г-го-вришь, я п-прижму этого парня и п-по-лу-чу к-куш. Так вот, Генри, это ты мыслишь как ч-че-лов-век. А я, сэр Генри, такого не сделаю. У меня есть к нему про-сьба. Спр-ра-ведли-вая.

Ты в-видел эту испуганную зайчиху с под-носом? Ну да, Лоретту. Так вот, с этой Лорретой все было прекр-рас-но поначалу, а на-чало быстро конч-илось, месяца че-ты-ре назад. Все вр-ре-мя она перед глазами, и эти все «не-пей-так-много» да «где-ты-был-я-волновалась». Я бы сам справился, но коль скоро есть тот, кому это нд-рав-вится...

Но настоящая причина, по которой я хочу познакомить этого не-человека с милой женушкой, другая — я получу громадное удовольствие, если заставлю его это сделать. С людьми я управляюсь, но заставить его гораздо интереснее. Человека можно подбить на что угодно или отговорить от чего-то. А я как раз умею подбирать правильные слова... Скажи, а твою подружку не пугает эта клавиатура?

— Какая? — испуганно спросил Генри.

— Да эта твоя улыбочка... Мне страшно хочется узнать, как мой «подследственный» успевает перемещаться по всей стране. Сначала он ищет «клиентов», потом придумывает, как их угрохать, потом ждет удобного случая... и все успевает! Уже на этой неделе он прикончил пятерых, а ведь еще только четверг.

— А может, он не один, — несмело заметил Генри.

— Смотри-ка, я об этом не подумал! — воскликнул я. — Наверное, потому что я только один... Черт побери, какая прекрасная картина: команды нелюдей, мыслящих не-по-человечески, делают с людьми то, чего требуют их не-человеческие идеи. Но ради чего же он и ему подобные так рискуют: чтобы осчастливить нескольких идиотов?

— А для них неважно, осчастливят ли они кого-нибудь или нет... Почему ты шепчешь?

— Наверное, слишком набрался, не могу говорить громче. У-у-у-х, классная была выпивка!.. Что? Ты сказал, что их это не интересует?.. Слушай,

приятель, не заливай мне про не-людей. Кто по ним специалист? Говорю тебе: стоит им кого-то убрать, как другой начинает жить лучше. Вот в этих папках...

— Папки-то хорошие, а выводы плохие. Ты все время беспокоишься о том, кто ты. А мы — нет. Мы просто есть.

— Кто это — «мы»? Ты что, приглашаешь к себе в компанию меня?

— Нет, не приглашаю, — сказал Генри, на сей раз не улыбнувшись. — Человек ты или нет, я не знаю, да мне все равно. Однако ты большой хвастун.

Я зарычал и попытался подняться. Однако когда рычишь шепотом, никто не пугается. А если к тому же руки у тебя, как бревна, а ноги слушаются примерно так же, как старые трубы, сваленные на соседском дворе, впечатления от твоего рыка никакого.

— Что это со мной? — спросил я, едва шевеля губами.

— А ты уже почти покойник, — ответил Генри.

— Что... Что ты сказал, Генри? О чем ты? Я просто пьян...

— Дикумарин, — ответил Генри, — слыхал о таком?

— Еще бы! Это яд, разрушающий капилляры. Внутри тела лопаются все мельчайшие сосуды, и происходит кровоизлияние. Генри, ты отравил меня?

— Конечно.

Я пытался подняться, но не смог.

— Ты ничего не понял! Ты должен был убить Лоретту! Вот зачем я привел тебя домой. Я считал, что убийца должен быть полным антиподом мне, а ты как раз такой и есть. Ты же знаешь: я ее терпеть не могу, это убийство осчастливило бы меня. Ее надо убить, Генри!

— Нет, — ответил он упрямо. — Только не ее. Я уже говорил, нам неважно, станет ли кто-то счастливее. Надо было убрать тебя.

— Но за что? За что?

— От тебя много шума.

Я посмотрел на него, пытаясь грозно свести брови, но ничего не получилось.

— Мы вынуждены защищаться, — объяснил он терпеливо. — Я тот, кого ты, возможно, назовешь телепатом, хотя это не совсем верно. Я не вижу картин, не слышу слов. Один только шум. Да, думаю, слово «шум» подходит. Ты знаешь, что есть определенные существа — неважно, люди это или нет, — которые не умеют злиться. Они получают удовольствие от того, что оскорбляют и унижают других, и когда занимаются этим, издают вот такой... шум. Мы его не переносим. А ты — особенный. Тебя слышно за тысячи миль. Когда мы уничтожаем одного из вас, конечно, кому-то делается лучше. Тому, кого ты унижал.

— Прости меня, Генри, — прошептал я. — Я перестану. Честно, перестану.

— Не сумеешь, — сказал Генри, — пока ты жив — не перестанешь. Э-э-х, черт бы тебя побрал, ты даже умираешь с удовольствием! — Он сжал руками голову и стал качаться взад-вперед, продолжая улыбаться.

— А ты все время улыбаешься, — прошипел я. — Ты и убиваешь с удовольствием.

— Это не улыбка, — сказал Генри, — а убиваю я для того, чтобы прекратить этот шум. Как тебе это объяснить? Одни люди не переносят, когда кто-то царапает ногтем по стеклу, другие не могут слышать, как лопата скребет тротуар, большинство не выносит скрипа рашпиля по металлу.

— Это меня совсем не беспокоит, — сказал я.

— Смотри сюда, черт возьми! — Схватив булавку, он вонзил ее себе под ноготь. Улыбка его стала еще шире. — Вот это боль, понимаешь? Боль. А то, что делаешь ты, — невыносимая боль! Я не могу терпеть шум, который ты производишь! У меня раскалывается голова и ноют зубы!

Я вспомнил все те случаи, когда он улыбался в моем присутствии. Выходит, каждый раз для него это был визг стекла, скрип двери, скрежет рашпиля и иголка под ногтем...

Я выдавил смешок.

— Тебя поймают. Яд легко обнаружить.

— Дикумарин? Черта с два. Его не будет в стаканах, если ты на это намекаешь. Я отравил тебя несколько часов назад, еще у Молсона. В том бокале, который я не взял, а ты выпил.

— Я позову Лорри и расскажу ей.

— Расскажи мне, — предложил он, склонившись надо мной и сияя огромной улыбкой, впрочем, это была совсем не улыбка.

Язык у меня распух, онемел, и слова застревали в горле.

— Не надо, — выдавил я, — не убивай меня, Генри.

Снова он сжал руками голову.

— Разозлись! — вскрикнул он. — Если ты сможешь разозлиться, ты прекратишь этот шум. Ах вы змеи, ах вы чудища... все, кто так любит ненависть. Ты помнишь женщину в кафе? Она производила такой же шум, пока я ее не разозлил. Теперь, когда ты умер, ей станет лучше.

Я хотел сказать, что я еще не умер, но язык не слушался меня.

— Это я заберу, — сказал Генри и сгреб со стола все папки. — Все в порядке: ты все равно умер бы от пьянства, а сейчас выглядишь не хуже, чем всегда. Только на сей раз ты не проспишься. Вот если бы тебе удалось разозлиться...

Я наблюдал, как он отпирает дверь, как уходит, слышал, как он прощается с Лореттой. Хлопнула входная дверь.

Лоретта вошла в комнату, остановилась и вздохнула.

— О, Боже, сегодня ты особенно напакостил, правда? — сказала она оживленно.

Клянусь, я старался: я хотел наорать на нее, завизжать, но не смог. Сознание мутилось.

Нагнувшись, Лоретта забросила мою руку себе на шею.

— Помоги мне хоть чуть-чуть, — сказала она. — О-о-п ля! — Натренированным движением, задействовав свои сильные плечи и бедро, она поставила меня на ноги.

— Знаешь: мне понравился этот Генри, — щебетала она. — Он так улыбнулся, прощаясь: мне показалось, что все будет в порядке.

Перевела с английского
Элла БАШИЛОВА

Брентон Р. Шлендер

АМЕРИКАНСКИЙ ИДЕАЛ

Рассматривая тему публицистического комментария к рассказу Теодора Старджона, мы пришли к выводу, что лучше самих американцев о типе замкнутого сознания, «герметичного» взгляда на мир, которым бравирует герой Старджона, не расскажет никто. Индивидуализм, доведенный до литературного гротеска, — на самом деле предмет особой гордости американцев. Мы предлагаем вниманию читателей статью известного политолога и публициста, посвященную этой проблеме. Кажется, многое из того, о чем пишет автор, подстерегает и наше общество, бездумно, некритично копирующее иную систему ценностей.

Еще в 1835 году Алексис де Токвиль в своей книге «Демократия в Америке» писал: «Индивидуализм — качество, которое заставляет человека замыкаться в узком кругу семьи и друзей. Окружая себя маленьким обществом, избранным по собственному вкусу, он предоставляет большому обществу обходиться собственными силами. Индивидуализм поначалу лишает человека лишь общественных добродетелей, но с течением времени подрывает и все остальные и в конце-концов неизбежно вырождается в эгоизм — грех, старый, как мир».

Если бы Токвиль сумел заглянуть в Америку на заре XX века, его первой фразой было бы: «А что я вам говорил!» Индивидуализм как идеал американца претерпел знаменательную эволюцию от «занимайся своим делом» шестидесятых через самопогруженность семидесятых к всепоглощающему корыстолюбию восьмидесятых. Этот процесс заставляет с особым вниманием отнестись к словам французского историка и социолога, говорившего о том, что индивидуализм не только стимулирует личную инициативу и независимость, но и ведет к самодовольству, гражданской апатии и упадку общества. Мы были настолько поглощены стремлением к свободе личности и самоутверждению, что теперь общество в целом оказалось в полном небрежении.

Кто из нас не знает об ужасающих убийствах в Южном Бронксе, о бездомных бродягах на улицах Нью-Йорка, о стремительно расширяющейся пропасти между богатыми и бедными? Кто из честных людей не обеспокоен недальновидностью и ненадежностью политики коррупционеров? Мы все сожалеем о том, что местные и федеральные органы управления охвачены параличом и не способны ни на какие существенные социальные улучшения. Безусловно, наибольшее негодование вызывают политики, люди, как правило, лишенные каких бы то ни было личных убеждений и принципов, то и дело меняющие позицию в интересах сиюминутной личной выгоды. Неудивительно, что большинство из нас чувствует разочарование и усталость и, может быть, именно поэтому не в силах шевельнуть пальцем, чтобы это изменить.

Так вот куда завел нас наш хваленый индивидуализм. Мы ищем спасения в изоляции от жизни, окружая себя лишь близкими людьми, теми, кто разделяет наши сегодняшние личные, культурные и экономические интересы. Общественная жизнь атрофируется. А где же прочие ценности: забота о благе общества, религиозная и этническая терпимость, бережливость, уважение к труду? Похоже, в нашей жизни им не осталось места. Так не должны ли мы попытаться в ближайшее десятилетие создать новый баланс ценностей, обновить и усовершенствовать личность и общество, перенаправить энергию эгоизма в общественное русло? Современное положение дел заставляет прийти к неприятному выводу, точно переданному словами Джимми Картера. В своем нашумевшем выступлении в 1979 году Картер обвинил американцев в том, что они никак не могут понять, что потребление не может удовлетворить стремления человека к смыслу. Тогда его речь вызвала всеобщее возмущение.

Однако девяностые годы отличаются от восьмидесятых именно тем, что американцы все чаще задаются вопросом об истинных и ложных ценностях. Буш в речи, произнесенной в сентябре 1992 года в Филадельфии, недвусмысленно высказался: «Люди думают, что проблемы нашей жизни в том, что на улицах убивают, а дети рожают.

Но все это только симптомы болезни, имя которой — духовная пустота».

Начиная со второй мировой войны по вполне понятным причинам баланс ценностей неуклонно смещался в сторону индивидуализма.

Америка была единственной страной, не пострадавшей от войны, вступившей в период бурного экономического и социального подъема. Мы так привыкли к тому, что мы страна № 1, что постепенно возвели эгоизм в ранг национальной гордости.

Тем не менее до поры до времени он каким-то образом неплохо уживался с общественной активностью американцев. Но уже в семидесятых годах мы увидели его оборотную сторону. Шарль Петерс, издатель вашингтонского еженедельника, пишет: «Мы пережили ужасающее крушение веры в идеалы, единство общества, в «доброе» компетентное правительство». Результатом явилось то, что средний человек замкнулся в себе.

И теперь мы живем именно так, как предсказывал Токвиль 150 лет назад: каждый существует в ограниченном комфортабельном мирке, чему современная техника и средства информации только способствуют. Благодаря компьютеру у нас есть возможность даже не ходить на службу и не общаться с коллегами, не говоря уж об участии в общественной жизни.

Однако сейчас мы находимся на пороге неизбежного экономического спада, который настигнет нас даже в наших уютных домах. Банкиры и дельцы уже закладывают свои дорогие машины и особняки. Тяжелые времена не знают классовых различий, и мы вдруг можем осознать, что гораздо больше нуждаемся друг в друге, чем нам казалось.

Может быть, необходимо навсегда расстаться с привычным индивидуализмом и заменить его системой ценностей, заимствованной у более сплоченных, более кооперативных сообществ,

таких, как Япония, Южная Корея, Германия, бывшая Россия? Фрас Лаппе, основательница института искусства демократии в Сан-Рафаэле, считает, что это не совсем так. Цель ее организации — помочь личности «вылететь» из своего кокона и просто более активно участвовать в жизни демократии — в правительстве, политической партии или общественной группировке. Она говорит: «Я не верю, что мы сами стали хуже. Но наши школы, правительство и социальные институты стали слишком самодостаточными, и поэтому мы чувствуем, что почти бессильны влиять на них. Но надо перестать сокрушаться и указывать пальцем, надо восстановить общественную активность каждого американца».

Другими словами, надо засучить рукава, чуть меньше думать о себе и взяться за дело. Нужно найти новые способы оказывать влияние на социальные институты, имеющие наибольшее значение для жизни общества. А для начала нам следует просто заново научиться говорить, слушать друг друга и обсуждать.

В девяностые годы наилучшей точкой приложения усилий скорее всего окажется работа. Мир бизнеса и рабочее место заменили собою церковь и народное собрание как первичную социальную арену. Именно на работе мы встречаемся с людьми, проводим большую часть времени и формируем мнения и ценности. Как социальный институт бизнес задает стандарты для развития индивидуальной ответственности и умения управлять. Мириады мелких промышленных предприятий образуют скелет локального сообщества. Некоторые из этих мелких предприятий на собственном примере продемонстрировали, что выгода может успешно сочетаться с социальными интересами. Например, небольшая компания по производству кондитерских товаров разбила сад на пустыре, примыкающем к пекарне. Его возделывают заключенные из окружной тюрьмы, бездомные и люди, которые долго и безуспешно искали работу. Продукцию покупают несколько известных ресторанов, а доходы делятся между компанией и рабочими.

Именно мелкие предприятия, теснее связанные с жизнью обывателей, могут первыми сделать шаг в направлении уравновешивания старомодного индивидуализма с новыми потребностями общества. Предприниматель Э.Хоффман говорит: «Если в будущем доминирующим социальным институтом останется бизнес, нам придется сочетать цели бизнеса с социальными целями». Этот вид просвещенного предпринимательства — наша надежда на более удовлетворительное будущее. Но это не снимает ответственности с большого бизнеса. Крупная промышленность, тесно связанная с правительством, может и должна оказывать на него влияние. Промышленники могут помочь правительству с большей ответственностью относиться к формированию долгосрочной экономической и социальной внутренней политики.

Пора подумать о национальных ценностях не как о средствах оздоровления общества, а как о неотъемлемой принадлежности жизни каждого американца. Америка на собственном опыте убедилась, что нарушение пропорций ценностей ведет к печальным последствиям. Нам нет нужды искать новых ценностей, необходимо просто восстановить некогда существовавшее их равновесие. Основа американского идеала — наряду со стойким индивидуализмом — гражданский долг и сострадание к ближнему. Именно эти ценности помогли нам пережить гражданскую войну, великую депрессию и обе мировые войны. Они могут стать надежной опорой и для будущего Америки.

Перевела с английского Ирина Москвина-Тарханова.

«— Человек, — сказал Гарри Морган, глядя на них обоих. — Человек один не может. Нельзя теперь, чтобы человек один. — Он остановился. — Все равно человек один не может ни черта.

Он закрыл глаза. Потребовалось немало времени, чтобы он выговорил это, и потребовалась вся его жизнь, чтобы он понял это».

Эрнест Хемингуэй. «Иметь и не иметь».

PARIS MATCH

ПОДПИСКА в течение всего года
ПЕРИОДИЧНОСТЬ: 4 раза в месяц

Paris Match — это самый современный журнальный дизайн
Paris Match — это красочный мир фотографий и иллюстраций
Paris Match — это "высший пилотаж„ в журнальной рекламе
Paris Match — это парижская мода и французская кухня
Paris Match — это Ваши кумиры кино, театра, эстрады и спорта

ЭТО САМЫЙ ФРАНЦУЗСКИЙ ИЗ ВСЕХ ЖУРНАЛОВ ФРАНЦИИ!

1 комплект/год: 52 номера (156 $ США), на полгода: 26 номеров (85 $ США)
Возможна любая форма оплаты.
Имя, фамилия или название организации, фирмы (полностью)

_____

_____

Количество комплектов _____ Сумма _____

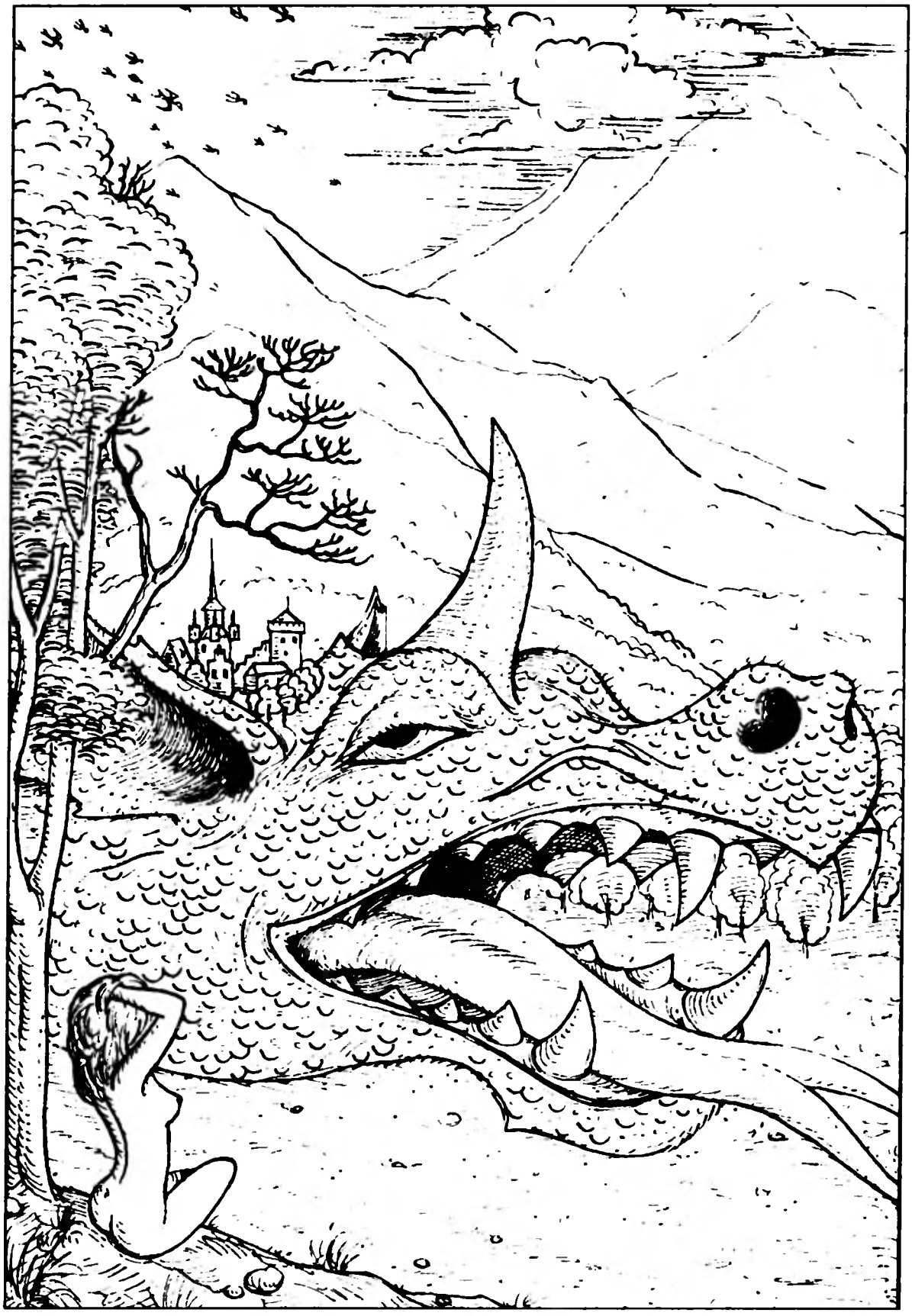
Почтовый адрес, по которому Вы хотели бы получать Paris Match укажите на конверте.

Валютные расчетные счета:

1. Для подписчиков из стран СНГ, Армении и Грузии:
Bank of New York
One Wall Street, New York, N.Y. 10286
account N 890-0056-290
Beneficiary STOLICHNY BANK
in favour of «Moscow News» 8014400016.

2. Для подписчиков из стран Балтии:
Dresdner Bank Berlin
Bundesrepublik Deutschland
Berlin-Ost
Bankleitzahl 120 800 00
Moscow News Verlagsgesellschaft
Konto-Nr 1 070 940 00

Вместо оплаты в валюте возможно перечисление рублевого эквивалента на Р/с редакции «МН» № 608027 в коммерческом Народном банке г. Москвы МФО 191016. Сумма рублевого эквивалента определяется по курсу доллара ЦБ России на день оплаты подписки + 10%. Просим Вас выслать вместе с заполненным купоном документы, подтверждающие произведенную оплату или квитанцию почтового перевода по адресу:
103829, г. Москва, ул. Тверская 16/2, редакция «МН» («Пари Матч»).
Рассылка журналов производится только заказными письмами и по одному экземпляру в одном отправлении.
Журнал печатается на французском языке.
Телефон для справок: (095) 209 7953 Факс редакции: (095) 209 1728, (095) 200 0278



Люциус Шепард

Красавица-дочь добытчика чешуи

Глава I

Вскоре после того как померк на заре мироздания свет Благодати, но птицы продолжали еще парить в небесах, а земные твари, даже самые гнусные, светились, точно святые, ибо зло, что властвовало над ними, было чистым и прозрачным в своей первозданности, возник городок Хэнгтаун.Он располагался на спине дракона Гриауля, чудовищного зверя длиной в добрую милю, навеки обездвиженного колдовскими чарами; впрочем, слабая искорка жизни в нем все-таки теплилась: он правил долиной Карбонейлс, вмешивался в судьбы населявших ее людей и диктовал свою волю, внушая те или иные мысли. От плеча до хвоста тело дракона было покрыто землей, поросло травой и деревьями, а потому издалека он представлялся деталью пейзажа, одним из множества окружавших долину холмов. Если не считать участков, ободранных добытчиками чешуи, то вблизи взгляд наблюдателя различал лишь правую заднюю лапу, массивную шею и голову, причем последняя лежала на земле; пасть была наполовину раскрыта, так что ноздри находились вровень с вершинами окрестных холмов. Хэнгтаун помещался сразу за лобной костью, что нависала подобием замшелого утеса на высоте почти восьмисот футов над долиной, и насчитывал несколько десятков хижин с гонтовыми крышами. Хижины выстроились вдоль берега озера, которое питал ручей, сбегавший на спину Гриауля с соседнего холма; домишки прятались в зарослях черемухи и боярышника, скрывались за стволами чахлых дубков, над ними витало ощущение некоторой призрачности, сродни тому трепетному покою, что присущ древним руинам. Если бы не это ощущение, то всякому, кто вышел к озеру, могло показаться, что он глядит на обычное поселение, в котором разве что чуть меньше порядка: улицы усыпаны костями шипунов, липов и прочих драконьих паразитов, жители ходят в рванье и откровенно враждебны к чужакам.

Большинство горожан составляли добытчики чешуи, мужчины и женщины; они сновали по телу Гриауля и даже проникали под его крылья в поисках треснувших или разломившихся чешуек, отка-

лывали их, целиком или частями, и продавали в Порт-Шантей, где те шли нарасхват из-за целебных свойств, которыми якобы обладали. Платили добытчикам весьма щедро, но люди из долины, сами редко отваживались подниматься на дракона, относились к ним презрительно, к тому же жили обитатели Хэнгтауна недолго и частенько гибли при несчастных случаях — так, по мнению молвы, выражал свое недовольство Гриауль. Боясь его гнева, они тратили немалые деньги на всевозможные амулеты, которые должны были предохранить их от темных драконьих чар. Кое-кто носил на шее кусочки чешуи, уповая на то, что Гриауль воспримет подобный талисман как проявление безграничного уважения к себе. Дальше всех в попытках умилостивить дракона зашел, пожалуй, вдовец Райэлл. В день рождения дочери Кэтрин, который совпал с днем смерти его жены, он выкопал под полом своей хижины глубокую яму, добрался до шкуры дракона и обнаружил золотоносную чешуйку размером пять на пять футов. И до восемнадцати лет его дочь спала на той чешуйке: отец надеялся, что дух Гриауля войдет в нее и поможет впоследствии. Кэтрин сперва сопротивлялась, но постепенно увлеклась яркими снами, которые были заполнены полетами в неведомые края (по легенде, драконы явились в мир из иной вселенной, пролетев сквозь Солнце). Лежа на дне ямы, глядя на доски, что крепили стены колодца, девочка чувствовала порой, что под ней не твердая поверхность, а золотистая бездна.

Достиг Райэлл желаемого или нет, сказать трудно, однако никто из жителей Хэнгтауна не сомневался, что близость к дракону наложила на Кэтрин свой отпечаток, ибо если Райэлл и его жена были низкорослыми и смуглыми, то их дочь выросла настоящей красавицей, длинноногой и стройной, с чудесными слегка рыжеватыми волосами и гладкой кожей; черты лица ее были не только правильны, но отмечены особой утонченностью: высокие скулы, чувственный рот, большие выразительные глаза, чьи радужные оболочки казались настолько темными, что при тусклом освещении как бы сливались со зрачками. Но не только красота отличала ее от жителей городка: у нее начисто отсутствовали их мрачный взгляд на жизнь и пугливая настороженность. Уже в раннем детстве она без страха бродила по телу дракона, забиралась даже в черные полости под крыльями, на что отваживались весьма немногие из добытчиков чешуи. Она верила, что защищена, по крайней мере, от заурядных опасностей, что между нею и драконом установилась незримая, магическая связь, и находила подтверждение тому в своей привлекательности и ошеломляющих снах; однако ощущение собственной неуязвимости, вкупе с самоуверенностью, породили некоторую ограниченность и даже эгоизм. Она жестоко играла со своими поклонниками и хотя не лицемерила, ибо в том не было нужды, получала удовольствие, похищая сердца мужчин. Тем не менее она считала себя добродетельной, пускай не святой, но вполне порядочной, поскольку заботилась об отце, поддерживала чистоту в доме, не чуралась работы и пыталась — с грехом пополам — избавиться от не-

достатков. Подобно большинству людей, она не имела четких моральных принципов, подстраивалась, насколько считала нужным, под обстоятельства и существовавшие в обществе нормы, а «добро» было для нее чем-то вроде интеллектуального загробного мира, куда она со временем уйдет, но не раньше, чем утолит свою жажду наслаждений и приобретет посредством их необходимый опыт. Как и все, кто находился под влиянием Гриауля, она была подвержена приступам угрюмости, но гораздо чаще улыбалась и смотрела на мир с радостью во взоре. За годы, проведенные в Хэнгтауне, она познала измену, горе, смерть и успела к своему восемнадцатилетию переменить достаточно любовников. Такая вольность нравов была, в общем-то, типичной для Хэнгтауна, но людская зависть и красота Кэтрин создали ей репутацию шлюхи. Она посмеивалась, и ей это даже отчасти льстило, но слухи становились все оскорбительнее, теряя всякую связь с действительностью, и наконец однажды обрушились на нее с яростью, какой она никак не ждала.

За лобным рогом Гриауля, громадным костяным шпилем, основание которого располагалось между глаз дракона, а конец загибался в сторону Хэнгтауна, лоб покато переходил в рыло. Именно туда и пришла как-то туманным утром Кэтрин, одетая в свободные брюки и блузу, с мотком веревки на плече, крюками за поясом и инструментами в мешке. Она намеревалась отколоть кусок треснувшей чешуйки поблизости от губы дракона, прямо над одним из клыков. Закрепив веревку, она принялась за дело, которое заняло несколько часов. В пасти Гриауля росли зловещего вида растения, среди листвы проглядывала веточками красного коралла неровная поверхность раздвоенного языка, клыки прятались под узорным покровом лишайника, вокруг них вились струйки тумана и кружили хищные птицы, порой камнем падая в кусты, чтобы закогтить какую-нибудь ящерицу или полевку. Из трещин в костях выглядывали эпифиты, их длинные перевитые плети усеивали алые и сиреневые цветы. Зрелище впечатляло, и Кэтрин время от времени бросала работу и спускалась ниже, зависала футах в пятидесяти над кустами и вглядывалась в пасмурную глубь драконьего горла, гадая, что за существа обитают в его вековечном сумраке.

Солнце рассеяло утренний туман, и Кэтрин, потная и утомленная, взобралась на верхнюю челюсть и растянулась на чешуе. Жуя медовую грушу, она лениво рассматривала долину с ее зелеными холмами, пальмовыми рощами и далекими белыми домиками Теочинте, куда собиралась отправиться вечером, чтобы потанцевать и вскружить голову очередному ухажеру. Солнце припекало, поэтому Кэтрин сняла блузу и, обнаженная до пояса, улеглась на спину и зажмурила глаза. Она провела на грани между сном и явью едва ли не целый час. Из сладкой дремоты ее вырвал какой-то посторонний звук. Она, еще в полудреме нащупала блузу и села, но прежде чем успела определить, откуда донесся звук, что-то тяжелое рухнуло на нее и придавило к чешуе. На грудь девушки опустилась ладонь, в нос ударил едкий запах винного перегара.

— Ну-ну, — произнес мужской голос, хрипловатый от напряжения, — хочу всего лишь того, чем обладала половина Хэнгтауна.

Кэтрин повернула голову и увидела худощавое и бледное лицо Кея Уиллена. На губах мужчины играла ироническая улыбка.

— Я же говорил, что мы с тобой позабавимся, — прибавил он, возясь с поясом ее брюк.

Она начала отбиваться, взмахнула рукой, норовя попасть пальцем в глаза Уиллену, захватила в кулак прядь его длинных черных волос и дернула изо всех сил, перевернулась на живот и, цепляясь за чешую, попыталась высвободиться. Но он ударил ее в висок, и она на мгновение потеряла сознание, а когда пришла в себя, то поняла, что Кей перевернул ее обратно на спину, стянул брюки и шарит по ее телу своими грубыми ручищами, хрипло и учащенно вбирая воздух в легкие. Кэтрин закричала пронзительно и дико, задергалась, лихорадочно молотя Уиллена то по телу, то по голове, а когда он накрыл ей рот ладонью, укусила его.

— Ах ты, сука! Ты... черт! — он с размаху стукнул ее затылком о чешую, взгромоздился на девушку, надавил ей на плечи своими коленями, ударил, запустил руку в волосы, наклонился поближе и проговорил, брызгая слюной в лицо: — Слушай, ты, шлюха! Мне плевать, хочешь ты или нет — я свое получу! — С глухим стуком он вновь опустил ее затылок на чешую. — Слышишь? Слышишь?

— Пожалуйста, — взмолилась она. Ее мутило.

— Пожалуйста? — Уиллен рассмеялся. — Значит, тебе мало. — Пощечина. — Ну как, нравится? — Еще одна пощечина. — Хорошо, да?

Кэтрин удалось высвободить руку, и она в отчаянии зашарила позади себя, надеясь отыскать хоть что-нибудь. В момент, когда Уиллен с ухмылкой отвел кулак для очередного удара, ее пальцы нащупали какую-то палку. Не раздумывая, девушка огрела ею противника. Острие — а это оказался крюк — вонзился Кею под левый глаз. Уиллен рухнул навзничь, издав короткий тут же оборвавшийся крик, из раненого глаза брызнула кровь, и Кэтрин почудилось, будто глазница вспухла огненно-красным резиновым мячиком. Она взвизгнула, оттолкнула Кея и поползла прочь. Тело Уиллена содрогнулось, пятки выбили дробь на драконьей чешуе.

Кэтрин долго сидела, глядя на него. Дыхание никак не восстанавливалось, мысли путались. Над окровавленным лицом Кея роем кружили черные мухи, в прозрачных крылышках насекомых, как в призме, преломлялись солнечные лучи. Кэтрин было худо. Она кое-как добралась до края рыла и уставилась вниз, на шахматную доску полей, на Порт-Шантей и на гряду кучевых облаков вдали. Внутри у нее все словно заледенело, она задрожала. Дрожь, потрясшая ее тело, была эхом той, которая прошла через Кея, когда ему в лицо врезался остро заточенный крюк. Тошнота подкатила к горлу девушки, встала огромным комом и наконец прорвалась наружу. Опустошив желудок, Кэтрин натянула брюки и завязала пояс. Надо смотать веревку и сложить в мешок снаряжение, вяло подумала она. Однако размышлять было намного легче, нежели выполнить задуманное. Она вздрогнула, обхватив себя руками за плечи, необыкно-

венно отчетливо ощутив, как далеко отсюда до долины. Щеки горели, по груди и ногам будто ползали радужные мошки. Кэтрин казалось, что время замедлило свой ход: потревоженное, оно теперь оседало, подобно тому, как опускается взбаламученный речной ил. Она поглядела на драконий рог. Там кто-то стоял, нет, — двигался по направлению к ней. Поначалу она наблюдала за приближением человека с полным равнодушием, потом встрепенулась, ибо хотела сейчас быть одна, зная, что, заговори она с кем-нибудь, тут же утратит самообладание. Вскоре стало понятно, что к ней направляется соседка, Брианна, высокая молодая женщина, привлекательная, по меркам Хэнтауна, с темно-русыми волосами и смуглым лицом. Кэтрин расслабилась. Подружками они с Брианной не были, когда-то даже соперничали, добиваясь внимания одного и того же парня, однако то было год с лишним назад, так что Кэтрин обрадовалась, увидев именно ее. У Брианны можно было искать сочувствия.

— Боже мой! Что случилось? — Брианна опустилась на колени и откинула волосы, упавшие Кэтрин на глаза. Та, перемежая рассказ рыданиями, поведала свою историю.

— Я не хотела убивать его, — проговорила она. — Я... я не поняла, что схватила крюк.

— Кей давно напрашивался, — отозвалась Брианна. — Но как некстати ты ему подвернулась! — Она озабоченно нахмурилась. — Наверное, надо кого-нибудь позвать.

— Конечно, — Кэтрин ощутила прилив сил и приподнялась, но Брианна удержала ее.

— Тебе лучше подождать здесь. Ты же знаешь наших. Они заметят твое лицо, — Брианна коснулась ее распухших щек, — и такого понапридумывают! Нет, я приведу мэра, уж он-то сообразит, что делать.

Кэтрин отнюдь не стремилась к тому, чтобы остаться наедине с мертвецом, но сочла решение Брианны разумным.

— Хорошо, — согласилась она. — Но поторопись.

— Уже бегу, — Брианна встала. Волосы, взметнувшиеся на ветру, закрыли ее лицо. — Ты в порядке? — В ее голосе слышались странные нотки, как будто она спрашивала о чем-то другом, или, как подумалось Кэтрин, словно она мысленно уже беседовала с мэром.

Кэтрин кивнула и дотронулась до руки Брианны.

— Не говори ничего моему отцу. Я сама. Если он узнает, то наверняка бросится к Уилленам.

— Обещаю.

Брианна улыбнулась, ободряюще коснулась плеча Кэтрин и двинулась в направлении Хэнгтауна. Вскоре ее высокая фигура исчезла в кустарнике за лобным рогом Гриауля. Кэтрин на некоторое время перестала обращать внимание на то, что творится вокруг, однако резкие порывы ветра и прохлада, наступившая после того, как облака закрыли солнце, вернули ее к действительности, и она пожалела о том, что послушалась Брианны и не пошла вместе с ней в Хэнгтаун. Она крепко зажмурилась. Тут же, сменяя друг друга, перед глазами всплыли две картины: лицо Кея, когда он хватал ее, и его же лицо с торчащим из глаза крюком.

Наконец она решила, что теперь уж Брианна, вне всякого сомнения, добралась до городка. Кэтрин поднялась на рог и взглянула на тропинку, что вилась меж деревьев и кустов по спине дракона. Минут через десять она различила в отдалении трех человек, двух мужчин и женщину. В этот миг сквозь просвет в облаках пробился одинокий солнечный луч — ей пришлось заслониться рукой, чтобы определить, кто идет. Ни один из мужчин не походил на хэнгтаунского мэра: ни седой шевелюры, ни присущей ему осанистости. Когда мужчины приблизились, Кэтрин рассмотрела их получше: долговязые, бледные, черные волосы до плеч, в руках — обнаженные ножи. И хотя лиц было не разглядеть, Кэтрин догадалась, что Брианна не забыла-таки старой вражды и привела с собой братьев Кея.

Владевшее ею оцепенение сменилось страхом, она попыталась сообразить, что делать. Других тропинок, кроме той, что вела в Хэнгтаун, не было, а в кустарнике не спрячешься. Переступив через подсыхающую лужицу крови, Кэтрин попятилась к краю рыла. Единственная возможность — спуститься на веревке в пасть Гриауля и затаиться. Но при мысли, что она окажется в столь зловещем месте, куда рисковали проникать разве что безумцы, Кэтрин заколебалась. Однако иного выхода, похоже, не было. Брианна наверняка раззадорила Уилленов, обвинив во всем Кэтрин, так что братья пылают жаждой мести и не позволят сказать ей и слова. Она подбежала к краю и, закрепив веревку, скользнула вниз, действуя с лихорадочной поспешностью. Спуск проходил рывками — по десять-пятнадцать футов: драконья пасть словно в прыжке пыталась дотянуться до нее. Перед глазами девушки плясали то кроны деревьев, то высокие, в рост человека, папоротники, то огромные клыки, то вдруг она погружалась в непроглядный мрак чудовищной глотки. Кэтрин преодолела расстояние примерно в пятьдесят футов, когда веревка мягко завибрировала. Девушка подняла голову: один из Уилленов старался перепилить веревку ножом. Сердце Кэтрин бешено заколотилось, ладони взмокли от страха. Она совершила затяжной прыжок, едва касаясь веревки, и остановилась так резко, что позвоночник пронзила боль, а перед глазами все поплыло. Еще один прыжок, уже короче, но тут веревка оборвалась. Кэтрин пролетела последние двадцать футов до нижней челюсти и грохнулась о нее с такой силой, что потеряла сознание.

Очнувшись, она обнаружила, что лежит на ложе из папоротников и смотрит на кирпично-красный небный свод Гриауля, поросший темно-зелеными эпифитами и напоминающий купол собора, расписанный растительным орнаментом.

Кажется, она ничего себе не сломала. Правда, на затылке набухла шишка, а основательнее всего она приложилась задом, который, впрочем, хоть и болел, но вряд ли сильно пострадал. Кэтрин моргнула, осторожно встала на колени и хотела было выпрямиться, но тут сверху раздались крики.

— Видишь ее?

— Нет. А ты?

— Наверное, она забралась глубже.

Кэтрин выглянула из-за папоротника. На фоне синего небосвода, в сотне футов над ее головой, раскачивались две темные фигуры, похожие на пауков. Вот они спустились; девушка в панике упала на живот и поползла к горлу дракона, хватаясь за сухие стебли и подтягиваясь. Продвинувшись таким образом ярдов на пятьдесят, она оглянулась. Уиллены висели в какой-нибудь дюжине футов над макушками кустов, мгновение — и они скрылись из вида. Что-то подсказывало ей, что нужно продолжать движение. Здесь уже было мрачно и темно; ее окружал серовато-зеленый полумрак, ориентироваться в котором было невозможно. Она прислушалась и разобрала диковинные звуки: шелест, шорохи, приглушенный свист. Кэтрин вообразила, что шум производят не неведомые крохотные существа, что обитают в глотке Гриауля, а может быть, это дышит сам дракон. Внезапно она замерла, пораженная тем, насколько велик Гриауль и насколько мала она в сравнении с ним. Не решаясь двигаться глубже, девушка повернула вбок, туда, где маячили в тени густые заросли папоротника. Достигнув места, где челюсть загибалась кверху, она залегла в папоротнике и стала ждать.

Возле ее головы виднелось бледно-красное пятно: должно быть, некое растение оторвалось вместе с землей и обнажило плоть Гриауля. Кэтрин притронулась к пятну указательным пальцем. Оно было холодным и сухим, словно дерево или камень. Она почувствовала разочарование, ибо, как неожиданно поняла, рассчитывала, что прикосновение одарит ее чем-то необычным. Она приложила к пятну ладонь, пробуя уловить биение пульса, но плоть дракона пребывала в нерушимом покое, а признаками жизни в его пасти служили только шорохи да случайный шелест птичьих крыльев. Кэтрин охватила дремота. Пытаясь побороть ее, девушка стала обдумывать случившееся. Конечно, Уиллены не посмеют преследовать ее дальше. Их смелости достанет лишь на то, чтобы дожидаться ее снаружи: ведь рано или поздно ей понадобятся еда и питье. При этой мысли Кэтрин тут же захотелось пить, но она совладала с собой. Прежде всего ей нужно отдохнуть. Она вытащила из-за пояса один из своих крюков, стиснула его в правой руке — на случай, если у какого-нибудь зверя храбрости будет больше, чем у Уилленов, — прислонилась головой к бледно-красной плоти Гриауля и вскоре крепко заснула.

Глава II

За прошедшие годы Кэтрин видела много снов, которые представлялись ей скорее посланиями, нежели отражением пережитого. Но подобного тому, что явилось ей в пасти Гриауля, она никогда еще не видела, хотя сам по себе сон был вполне заурядным. В нем словно звучал некий голос, он произносил слова, которые как бы обволакивали Кэтрин. Не слыша звуков, девушка впитывала смысл слов: суля безопасность, они придавали ей уверенности. И это ощущение не развеяло даже пробуждение. Вокруг было темным-темно, только по поверхности одного из драконьих клыков скользили блики света, который исходил от горевшего где-то в отдалении костра. Огромный клык, казалось, был охвачен яростным пламенем, и при иных обстоятельствах Кэтрин наверняка испугалась бы, но теперь лишь порадовалась тому, что правильно предугадала действия Уилленов. Они развели костер у губы Гриауля и дожидаются, пока она к ним выйдет. Ну что ж, пускай подождут. Решимость Кэтрин то угасала, то вспыхивала вновь. Забираться в недра дракона мнилось девушке безумием, однако она сознавала, что в ином случае ее ожидает удар ножом в горло. Кроме того, в ней зрело убеждение, что ее ведет воля Гриауля. Перед глазами девушки на миг встало лицо Кея Уиллена с разинутым ртом и окровавленной глазницей, она припомнила свой ужас, но воспоминания эти больше ее не терзали, наоборот, поддерживали, помогая найти ответ на вопросы, которыми она задавалась с момента убийства. Нет, она ни в чем не виновата, она не соблазняла Кея. Но то, что произошло, не могло не произойти, и причину тому Кэтрин отыскала в бесцельности своей жизни, в уповании на то, что судьба рано или поздно явит ей какой-то смысл. А сейчас, судя по всему, зов судьбы незримо приближается, и девушка неожиданно поняла, что все могло бы сложиться иначе, будь иной она сама, не подчиняясь безвольно обстоятельствам, а владея ими. Быть может, внезапное прозрение хотя бы чуть-чуть изменит цвета, в которые окрашена судьба; но вряд ли, подумала Кэтрин, слишком уж далеко отклонилась она от истинного пути.

Первый шаг дался ей с немалым трудом. Она двинулась вглубь драконьего горла, касаясь рукой его стенки, чтобы не заплутать в темноте; папоротники хлестали ее по лицу, в глаза лезла паутина, пальцы иногда натыкались на такое, от чего по спине Кэтрин пробегали мурашки. Уши различали жужжание насекомых и звуки, издаваемые прочими ночными тварями. Был момент, когда она совсем уже решила повернуть обратно, но тут сзади раздались крики, и, боясь, что Уиллены все-таки возобновят преследование, она изменила решение. Земля под ногами пошла под уклон, вдали замерцали розоватые отблески невидимого огня. Они становились все ярче, и Кэтрин устремилась вперед, не обращая внимания на цеплявшиеся за лодыжки плети растений. Наконец спуск завершился, и девушка очутилась в просторной пещере, почти круглой, свод ее терялся во мраке, а по полу растекались лужи черной жидкости; над ними нависал туман, и когда он соприкасался с поверхностью жидкости, вверх взметался язычок желтоватого пламени, рассекавший тени и открывавший взгляду многочисленные бугорки между луж — темно-красные, с дырочками по бокам, откуда просачивались бледные нити тумана. В дальней стене пещеры виднелось отверстие, которое, как заключила Кэтрин, было проходом в нутро дракона. Воздух сделался сырым и теплым, и вскоре девушку прошиб пот. Она колебалась: хотя здесь и светло, но чувствуешь себя тут гораздо хуже, чем в пасти. Однако замешательство длилось недолго, и Кэтрин зашагала дальше, лавируя среди огней и старательно обходя бугорки, — от

тумана у нее кружилась голова. Из-под свода пещеры донесся пронзительный свист. Подумав о нетопырях, девушка заторопилась и преодолела едва ли не половину расстояния, которое отделяло ее от отверстия, когда в пещере вдруг прозвучал голос.

— Кэтрин! — окликнул он ее. — Не спеши так!

Она обернулась, стискивая в кулаке крюк. К ней ковылял седовласый старик, одетый в лохмотья, которые явно знавали лучшие дни: потрепанный сюртук с поблекшим золотым шитьем, рваная рубашка с некогда пышными брыжами, дырявые атласные рейтузы. В левой руке он держал трость с золотой рукояткой, а на костлявых пальцах поблескивала добрая дюжина колец и перстней. Он остановился в нескольких шагах от Кэтрин и оперся на трость. Девушка не опустила крюк, но страх ее куда-то улетучился. Разумеется, наряд старика был весьма необычен, однако по сравнению с другими обитателями чрева Гриауля он хотя бы производил впечатление обыкновенного человека, которого следовало, пожалуй, остерегаться, но никак не бояться.

— Обыкновенный? — хихикнул старик. — Ну да, ну да! Обыкновенный, как ангелы, заурядный, как представление о Боге! — Прежде чем Кэтрин успела удивиться тому, что незнакомцу известны ее мысли, он хихикнул снова. — Как же мне их не знать? Все мы — порождение его разума, выражение его желаний. Все, что наверху казалось невозможным, здесь становится явью, что было догадкой, здесь оказывается истиной. Ибо здесь, — он взмахнул своей тростью, — мы живем в самом средоточии его воли. — Старик пододвинулся поближе и вперил в девушку взгляд слезящихся глаз. — Тысячи раз я грезил о нашей встрече. Мне ведомо все: что ты скажешь, о чем подумаешь, как поступишь. Он известил меня о тебе и доверил быть твоим пастырем.

— О чем вы говорите? — Кэтрин вновь стиснула крюк. Ее тревога нарастала.

— Не о чем, — поправил старик, — о ком! — Он усмехнулся, и бледная морщинистая кожа его лица сморщилась еще сильнее. — Естественно, о Его Чешуйчатости.

— О Гриауле?

— О ком же, как не о нем? — старик протянул руку. — Идем, девушка. Нас ждут.

Кэтрин отпрянула. Старик поджал губы.

— Ладно, если так, ступай, откуда пришла. То-то будет радости Уилленам.

— Я не понимаю, — проговорила Кэтрин. — Как вы можете...

— Знать твое имя и то, что тебе грозит? Ты что, не слышала моих слов? Ты посвящена Гриаулю, девушка, тебе снились его сны. Вся твоя жизнь была предвкушением этого мига, ты не узнаешь своей судьбы, пока не побываешь там, где зарождаются его грезы, — в сердце дракона. — Он взял ее за руку. — Меня зовут Молдри. Капитан Эймос Молдри к твоим услугам. Я ждал тебя годы... годы! Я должен подготовить тебя к твоему жребию. Следуй за мной, я отведу тебя к филиям, и мы начнем подготовку. Впрочем, — он пожал плечами, — выбор за тобой. Неволить тебя я не стану, скажу лишь одно: если пойдешь со мной, то, возвратившись, ты не будешь испытывать никакого страха перед братьями Уилленами.

Он отпустил ее руку, но взгляда не отвел. Она предпочла бы забыть его слова, однако они подтверждали присутствие связи между нею и драконом, связи, которую она ощущала на протяжении всей своей жизни.

— А кто такие филии? — спросила Кэтрин вместо ответа.

— Безвредные создания, — фыркнул Молдри. — Заняты исключительно спариванием и препирательством по всяким пустякам. Если бы они не служили Гриаулю, не избавляли его от паразитов, от них и вовсе не было бы толку. Недостатков у них в избытке, но есть и достоинства, — старик переступил с ноги на ногу и постучал тростью по полу пещеры. — Ты скоро их увидишь. Ну что, идем?

Настороженно, не выпуская из руки крюк, Кэтрин последовала за Молдри в отверстие в дальней стене пещеры, за которым начинался узкий извилистый проход, освещенный пульсирующим золотистым сиянием, исходившим от плоти Гриауля. Как объяснил Молдри, это светилась драконья кровь; когда она пребывала в неподвижном состоянии, ее свечение меняло яркость из-за химических процессов. Во всяком случае так полагал старый капитан, к которому вернулось прежнее добродушие. Он рассказал Кэтрин, что командовал грузовым судном, совершавшим рейсы из Порт-Шантея на Жемчужные острова и обратно.

— Мы перевозили скот, плоды хлебного дерева, китовый жир, словом, все что угодно. Скучать не приходилось, но служба была тяжелая, а когда я вышел в отставку... Что ж, жены у меня никогда не было, зато свободного времени стало хоть отбавляй. Я решил отдохнуть, поездить по свету, а больше всего мне хотелось поглядеть на Гриауля. Я слыхал, будто он — первое чудо света. Так оно и оказалось. Я был поражен, оглушен, потрясен — не могу подобрать слов. Он был истинным чудом, венцом творения. Люди советовали мне держаться подальше от пасти и оказались правы. Но я не слушал советов. Однажды вечером я прогуливался по губе, и тут на меня напали двое добытчиков чешуи. Они избили меня, ограбили и оставили лежать, посчитав мертвым. Да я бы и умер, если бы не филии. — Молдри прищокнул языком. — Сдается мне, тебе полезно будет узнать о том, откуда они взялись, чтобы ты была готова к встрече с ними — а самообладание наверняка понадобится. На вид они не слишком-то привлекательны. — Старик искоса посмотрел на Кэтрин, прошел с десяток шагов и спросил: — Ты, что, не собираешься упрашивать, чтобы я продолжил?

— Мне показалось, вы не нуждаетесь в подбадривании, — сказала девушка.

Он хмыкнул и одобрительно кивнул:

— Умница, — и замолчал.

Сутулый, со склоненной головой, он напоминал старую черепаху, которая научилась ходить на двух ногах.

— Ну? — не выдержала Кэтрин.

— Я знал, что ты не выдержишь, — произнес Молдри и подмигнул ей. — Сначала они привели

меня в замешательство. Но если бы мне было известно, кто они такие, думаю, я пришел бы в ужас. В колонии пять-шесть сотен филиев. Их численность ограничивается детской смертностью и прочими обстоятельствами. В большинстве своем они являются потомками дебила по имени Фили, который забрался в пасть Гриауля добрую тысячу лет тому назад. По всей видимости, он расхаживал поблизости, когда из пасти начали вылетать стаи птиц и рои насекомых. Заметь, не отдельные птицы или жучки, а целые стаи. Естественно, Фили перепугался. Он был уверен, что животные спасаются бегством от какого-то страшного зверя, и тоже попытался удрать. Но мозгов в его голове было настолько мало, что вместо того чтобы бежать наружу, он кинулся внутрь и спрятался в кустах. Он просидел в них чуть ли не день напролет, а зверь все не показывался. Единственным признаком неведомой опасности был глухой стук, который раздавался из недр дракона. Наконец любопытство пересилило страх, и Фили пролез в горло. — Молдри откашлялся и сплюнул. — Там он почувствовал себя в безопасности, во всяком случае в большей безопасности, чем снаружи. Это чувство, спорю на что угодно, ему внушил Гриауль. Ему нужно было, чтобы кто-то поселился внутри него и разобрался бы с паразитами, вот он и завлек Фили. А тот первым делом привел в свое убежище сумасшедшую из Теочинте, а впоследствии к ним присоединились и другие чокнутые. Кроме меня, среди них не было и нет ни единого здравомыслящего человека. Кстати говоря, в том, что касается здравомыслия, они отъявленные шовинисты. Но, разумеется, они должны были подчиниться Гриаулю, а потому беспрекословно приняли меня. Он знал, что тебе будет нужен кто-нибудь, с кем ты сможешь поговорить. — Старик ткнул тростью в стену прохода. — Так что теперь это мой дом, моя истина и моя любовь. Жить здесь, значит, преображаться.

— Как-то не верится, — проговорила Кэтрин.

— Да? Уж кому, как не тебе, разбираться в его добродетелях, в его достоинствах! Нет защиты прочнее той, чем предлагает он, нет понимания точнее того, каким он наделяет!

— Вас послушать, так он Бог.

Молдри остановился. На лице его, вдоль многочисленных морщин, залегли тени. В золотистом сиянии он выглядел дряхлым старцем.

— А что, ты думаешь иначе? — справился он с ноткой раздражения в голосе. — И кто же тогда, по-твоему, Гриауль?

Десять минут спустя они достигли пещеры, куда более внушительной по своим размерам, нежели предыдущая. Овальной формы, она походила на яйцо, которое поставили на тупой конец, примерно ста пятидесяти футов высотой и чуть больше половины этой величины в диаметре. В пещере, как и в проходе, мерцал золотистый свет, но тут его пульсация сделалась упорядоченней и насыщенней, меняясь от тусклого блеска до ослепительного полдневного сияния. Две трети одной из стен пещеры, считая сверху вниз, занимали плотные ряды крохотных лачуг, нависавших над полом под самыми разными углами; в расположении их не было и следа аккуратности, присущей пчелиным сотам, однако чем-то они все же напоминали внутренность улья, обустроенного хмельными пчелами. Дверные проемы были занавешены шторами, к косякам крепились канаты, веревочные лестницы и привязанные к тем же канатам корзины, которые, очевидно, использовались в качестве подъемников. Некоторые из них как раз находились в движении: их поднимали или опускали мужчины и женщины, одетые примерно так же, как и Молдри. Кэтрин припомнила картину, на которой были изображены трущобы на крышах зданий Порт-Шантея. Но даже те, хотя и свидетельствовали о бедности и отчаянии, не побуждали в стороннем наблюдателе чувства отвращения, ибо в них не ощущалось столь отчетливо убогости и вырождения. Нижняя треть пещеры, в которую выводил проход, — ее пол и склоны — были устланы разноцветным ковром из обрывков шелка, атласа и прочих дорогих тканей, по нему бесцельно бродили люди, человек семьдесят или восемьдесят. Посредине пещеры ковер неожиданно обрывался, там зияло отверстие, сквозь которое, наверное, можно было приникнуть еще глубже в дракона. Из этого отверстия высовывались трубы; позднее Молдри объяснил, что они служат для сброса отходов в полость в теле дракона, заполненную кислотой, которая когда-то помогала Гриаулю выдыхать огонь. Свод пещеры был затянут туманом, той же белесой пеленой, какую испускали бугорки, увиденные Кэтрин при входе в драконье горло. Чуть ниже, то залетая в туман, то выныривая из него, кружили птицы с черными крыльями и красными полосками на головах. Сладковато пахло гнилью; Кэтрин слышала характерное журчание воды.

— Ну, — осведомился Молдри, обводя тростью пещеру, — нравится тебе наш приют?

Филии уже заметили их и приближались маленькими группками, останавливаясь, принимаясь оживленно шептаться, потом возобновляя движение, словом, вели себя точь-в-точь как любопытствующие дикари. Хотя никто не давал никакого сигнала, из-за штор на дверях показались головы, крохотные фигурки устремились вниз по веревкам, полезли в корзины, поползли букашками по лестницам. Сотни людей ринулись к Кэтрин, и она невольно подумала о бегущих из муравейника муравьях. Как ни странно, с первого взгляда у нее сложилось впечатление, что они и впрямь смахивают на муравьев: худые, бледные, сутулые, все поголовно почти лысые, с покатыми лбами, водянистыми глазами и пухлыми губами. В своем рванье из шелка и атласа они походили на некрасивых детей, маленьких уродцев. Задние напирали на передних, и Кэтрин, приведенная в смятение их манерами, начала, несмотря на уговоры Молдри, отступать к проходу. Молдри повернулся к филиям, взмахнул тростью, словно жезлом и воскликнул:

— Она с нами! Он наконец-то привел ее к нам! Она с нами!

Услышав его слова, те, кто находился в передних рядах, вскинули головы и счастливо засмеялись; смех сопровождался завываниями, которые становились все громче по мере того, как золотистое све-

чение усиливалось. Другие воздели руки, вывернув их ладонями наружу, потом крепко прижали к груди, затем запрыгали на месте от восторга; прочие же крутили головами из стороны в сторону, скашивая глаза то туда, то сюда, по всей видимости, они никак не могли сообразить, что происходит. Это зрелище, убожество и скудоумие филиев, поразило Кэтрин. Однако Молдри казался счастливым и продолжал подбадривать их своими криками: «Она с нами! Она с нами!» Постепенно его голос утихомирил филиев, задал ритм их движениям. Они принялись раскачиваться то вправо, то влево, и повторять за ним: «Она с нами!», причем у них выходило нечто вроде: «Онасми!». По пещере пошло гулять раскатистое эхо, словно внутри дракона внезапно проснулся и часто задышал некий великан. Звук накатывался на Кэтрин приливной волной, захлестывал ее, едва ли не сбивая с ног своим напором, и она прижалась спиной к стенке прохода, ожидая, что строй филиев вот-вот распадется и они бросятся к ней. Но филии, поглощенные массовым действом, как будто забыли про девушку. Они сталкивались друг с другом, порой колотили тех, кто преграждал путь, обнимались, хихикали, обнажались и раздевали соседей, но из их глоток по-прежнему вырывался все тот же крик.

Молдри обернулся к Кэтрин — в глазах его отражалось золотистое сияние, лицо приобрело свойственное филиям выражение бессмысленного восторга — и простер руки, а затем произнес тоном истово верующего жреца:

— Милости просим домой!

Глава III

Кэтрин выделили две комнатушки в средней части настенных сот, по соседству с обителью Молдри, в избытке украшенных шелками, мехами и расшитыми подушечками; на обтянутых тканями стенках висели зеркало с отделанной самоцветами рамой и две написанные маслом картины. Молдри пояснил, что все предметы роскоши добыты из клада Гриауля, основная часть которого находится в пещере к западу от долины; а где она, известно только филиям. В одной из комнатушек помещалась большая ванна для купания, но поскольку воды было в обрез — ее собирали там, где она просачивалась снаружи сквозь трещины в чешуе, — то мыться Кэтрин позволили всего лишь раз в неделю. Впрочем, как бы то ни было, жилищные условия в горле Гриауля мало отличались от хэнгтаунских, и если бы не филии, Кэтрин, возможно, чувствовала бы себя здесь, как дома. Однако девушка никак не могла справиться со своим отвращением к ним и лишь скрепя сердце согласилась взять в услужение женщину по имени Лейта. Она бессильна была разобраться в том, почему филии поступают именно так, а не иначе, почему они то и дело останавливаются и прислушиваются, словно к некоему зову, или всматриваются в нечто, хотя перед ними пустота. Они сновали вверх-вниз по веревкам, смеялись, болтали и устраивали совокупления прямо на полу пещеры. Говорили они на диковинном наречии, которое она едва понимала, и часами висели напротив ее жилища, препирались, обсуждали свои наряды и поведение, цеплялись к сущим мелочам и судили соплеменников по чрезвычайно сложному моральному кодексу, который Кэтрин, как ни старалась, не в состоянии была постичь. Они следовали за ней по пятам, куда бы она ни направлялась, но никогда не подсаживались в ее корзину, жадно глазели на нее и тут же отворачивались, если она смотрела на них. Обноски и драгоценности, детская застенчивость и ревность — филии одновременно раздражали и пугали Кэтрин. Ей не нравилось то, как они глядят на нее; она боялась, что их благоговение может в любой момент смениться неприкрытой ненавистью.

Поэтому первые недели своего пребывания в теле дракона она провела в отведенном ей помещении за размышлениями о том, как бы отсюда сбежать; ее одиночество нарушали только Лейта и Молдри. Последний приходил по два раза на дню, усаживался на подушки и принимался вещать о величии Гриауля. Кэтрин с трудом выносила его. Патетическая дрожь его голоса внушала ей отвращение, ибо напоминала о бродячих монахах, что время от времени проходили через Хэнгтаун, оставляя после себя незаконорожденных детей и пустые кошельки. Рассуждения Молдри наводили на нее скуку, а то и вселяли страх, когда он пускался в разговоры об испытании, которое якобы предстояло девушке у сердца дракона. Она не сомневалась, что за всеми событиями ее жизни стоит Гриауль. Чем дольше она оставалась в колонии, тем ярче становились ее сны и тем сильнее Кэтрин убеждалась, что ее присутствие зачем-то нужно дракону. Однако филии придали ее старым фантазиями о связи между нею и Гриаулем новый оттенок, в результате чего она стала презирать себя с тем неистовством, как и всех вокруг.

— В тебе заключено наше спасение, — сказал ей как-то Молдри. Он сидел в ее жилище, а она шила себе брюки, поскольку отказывалась носить лохмотья, в которые облекались филии. — Лишь тебе доступна тайна драконьего сердца, только ты способна открыть нам, чего же он хочет на самом деле. В этом твое предназначение.

Сидя среди разбросанных по полу шелков и мехов, Кэтрин выглянула в щелку между шторами и заметила, что золотистое свечение меркнет.

— Вы держите меня в плену, — ответила она. — С какой стати мне помогать вам?

— Ты хочешь покинуть нас? — спросил Молдри. — А как же Уиллены?

— Вряд ли они до сих пор дожидаются меня. Но даже если и так, то вопрос лишь в том, какую смерть я предпочту — медленную или быструю.

— Ты права, — сказал Молдри, погладив рукоять трости. — Уиллены тебе больше не страшны.

Кэтрин пристально посмотрела на него.

— Они умерли в тот миг, когда ты сошла в горло Гриауля, — добавил старик. — Он наслал на них свои создания, ибо ты наконец пришла к нему.

Кэтрин припомнила крики, которые слышала, когда спускалась.

— Какие создания?

— Неважно, — отозвался Молдри. — Думай о другом: ты должна постичь утонченность его власти,

его абсолютное превосходство, должна осознать что ему подвластны не только твои мысли, но и все естество.

— Зачем? — спросила она. — И почему я должна? — Молдри замялся, словно подыскивая слова, и она рассмеялась. — Что, Молдри, твой бог отвернулся от тебя? Или он не может подсказать тебе, что говорить?

— Тебе, а не мне дано понять, зачем ты здесь, — проговорил Молдри. — Ты должна изучить Гриауля, узнать загадки его плоти, может статься, даже слиться с ним.

— Если вы не отпустите меня, я умру! — Кэтрин в раздражении отпихнула от себя подушку. — Это место прикончит меня! Так что изучать твоего дракона будет некому.

— Уверяю тебя, ты не умрешь, — Молдри одарил девушку елейной улыбкой. — Это мне ведомо.

Заскрипели подъемные тали; мгновение спустя шторы разошлись, и в комнатку, неся перед собой поднос с едой, вошла Лейта, молодая женщина в платье из небесно-голубой тафты с глубоким вырезом на груди. Поставив поднос на пол, она спросила:

— Еще, мэм? Или зайтить пожее? — Она неотрывно глядела на Кэтрин; ее близко посаженные карие глаза то и дело мигали, пальцы мяли складки платья.

— Как хочешь, — ответила Кэтрин.

Лейта продолжала смотреть на нее, и понадобилось вмешательство Молдри, чтобы она повернулась и вышла. Кэтрин бросила угрюмый взгляд на поднос. К ее удивлению, там в дополнение к обычной порции овощей и фруктов, что собирали в пасти дракона, лежали и несколько кусков слегка поджаренного мяса, красноватый оттенок которых незамедлительно напомнил девушке плоть Гриауля.

— Что это? — поинтересовалась она, дотронувшись до одного куска.

— Охотникам сегодня повезло, — сказал Молдри. — Филии часто отправляют охотников в желудок. Опасно, конечно, но там обитают звери, которые могут причинить вред Гриаулю. Мы избавляем его от них, а их мясо идет в пищу. — Он подался вперед, всматриваясь в ее лицо. — Завтра как раз выходит очередная охотничья партия. Если желаешь, я устрою так, что они возьмут тебя с собой. И, кстати, будут беречь, как зеницу ока.

Первым побуждением Кэтрин было отказаться, но потом она подумала, что ей, быть может, представится случай сбежать; она догадалась, что с ее стороны мудрее всего будет соглашаться на все предложения Молдри и выказывать интерес к изучению дракона. Чем больше она узнает о географии Гриауля, тем вероятнее найти путь к спасению.

— Ты упомянул об опасности. Что ты имеешь в виду?

— Для тебя? Никакой. Гриауль всегда защитит тебя. А вот что касается охотников... Нескольких они наверняка недосчитаются.

— Они выходят завтра?

— Или послезавтра.

— А кого они будут ловить?

— Змей.

Энтузиазма у Кэтрин немного убавилось, но выбора не было.

— Отлично. Я пойду с ними.

— Чудесно, чудесно! — Молдри удалось подняться на ноги лишь с третьей попытки. Отдуваясь, он навалился на трость. — Я загляну к тебе рано утром.

— Так ты тоже идешь? С твоим-то здоровьем...

— Я, конечно, немолод, — хихикнул Молдри, — но рядом с тобой, девушка, я не чувствую возраста. - Он галантно поклонился и поковылял вон из комнаты:

Вскоре после его ухода возвратилась Лейта. Она задернула на двери вторую штору, отчего внутри воцарился полумрак. Стоя у входа, она уставилась на Кэтрин.

— Хошь меть Лейту? — справилась она.

Этот вопрос не был для Кэтрин неожиданностью. Лейта неоднократно пыталась прикоснуться к ней. Полумрак скрадывал уродство филийки, и она выглядела сейчас девочкой в бальном платьице, и на какой-то миг, захваченная одиночеством и отчаянием, остро сознавая собственное одиночество, Кэтрин ощутила странное возбуждение. Но мгновение миновало, она разозлилась на себя за проявленную слабость, рассердилась на Лейту и подумала мельком, что постепенно утрачивает, похоже, человеческий облик. «Убирайся!» — холодно приказала она, а когда Лейта замешкалась, прикрикнула на нее, и та стремглав вылетела из комнаты. Кэтрин улеглась на живот и оперлась локтями о подушку. К горлу подступили слезы — и встали там свинцом, девушка рухнула навзничь, чувствуя, что недостойна даже того, чтобы выплакаться.

За одной из лачуг в нижней части пещеры скрывался вход в широкий обрамленный хрящами коридор. Именно по этому коридору и направился на следующее утро на охоту отряд, состоявший, помимо Кэтрин и Молдри, из тридцати мужчин-филиев. Они были вооружены мечами и освещали себе дорогу факелами, ибо тут кровеносные сосуды Гриауля залегали слишком глубоко, чтобы давать достаточно света. Отряд шел в молчании, которое нарушалось разве что кашлем да топотом ног. Тишина столь разительно не соответствовала характеру филиев, что Кэтрин начала волноваться. Чад факелов. едкий, все усиливающийся запах, озаренные пламенем бледные лица охотников — все наводило на мысль, что она очутилась в преисподней, среди грешников, обреченных на вечные муки.

Уклон сделался круче, и какое-то время спустя они достигли места, откуда Кэтрин могла видеть впереди завесу непроглядного мрака, в которой, словно золотая паутина на фоне ночного неба, искрились и переплетались диковинные золотистые нити. Молдри велел девушке обождать. Охотники с факелами разошлись, и только теперь Кэтрин поняла, что они очутились в большой пещере. однако об истинных размерах ее не догадывалась, пока среди мрака не вспыхнул вдруг костер, сложенный из стволов молодых деревьев и целых кус-

тов. Костер был огромен, но пещера, малую часть которой он худо-бедно освещал, потрясала воображение. В длину в ней было никак не меньше двухсот ярдов, а стенки образовывала свисавшая тонкими складками белесая кожа, сквозь которую проступала сетка капилляров и вен; эта кожа облегала поверх еще более тонкой пленки кривые ребра. Пол пещеры плавно понижался и кончался озером, заполненным черной жидкостью. Костер разожгли на самом берегу озера, его дым тянулся к поврежденному участку драконьей кожи, где виднелось лиловатое пятно футов пятидесяти в диаметре, с прорехой посредине. На глазах Кэтрин пятно заколыхалось. Охотники выстроились у костра и подняли мечи. Из прорехи с торжественной медлительностью выползло нечто длинное и белое. Гигантская слепая змея повела из стороны в сторону головой, разинула пасть, которую трудно было разглядеть под множеством извивавшихся вокруг нее щупалец, и испустила пронзительный вопль. От стен отразилось эхо, Кэтрин зажала руками уши. Змея неторопливо выбиралась из своего логова; девушка восхитилась мужеством охотников, которые, судя по всему, ничуть не боялись ужасной твари. Дым костра обволок змею, и ее вопли сделались непереносимыми. Она металась то туда, то сюда, крутила головой и в конце концов с резким криком рухнула в огонь, из которого дождем полетели искры. Содрогнувшись всем телом, она выкатилась из костра, придавила нескольких охотников, но остальные кинулись на нее, рубя мечами. Клинки оставляли на мертвенно-бледной шкуре кровавые следы. Кэтрин внезапно заметила, что ее ладони сжаты в кулаки, а из горла рвется воинственный клич. Кровь змеи растеклась по полу пещеры, на шкуре пузырились многочисленные ожоги, с головы лохмотьями свисала отрезанная плоть. Однако вопли ее не смолкали, громадное тело выгибалось дугой и раз за разом обрушивалось на охотников. Уже треть отряда лежала неподвижно, среди тел дотлевали угли. Уцелевшие сражались со змеей, которая мало-помалу становилась все более вялой. Наконец змея взметнулась под потолок, на мгновение безмолвно застыла, потом издала шипящий звук, похожий на свист вскипевшего чайника — пещера словно завибрировала — упала на пол и, дернувшись, замерла. Пасть ее была полуоткрыта, щупальца все еще судорожно подрагивали.

Охотники в изнеможении столпились вокруг, многие стояли, опираясь на мечи. Пораженная внезапной тишиной, Кэтрин шагнула вперед. Молдри следовал за ней по пятам. Она было заколебалась, но мысль о том, что кому-то, возможно, нужна помощь, заставила ее отбросить страх. Однако пострадавшие, все до единого, были мертвы и лежали на полу пещеры бесформенными окровавленными обрубками. Кэтрин прошлась вдоль тела змеи — она была втрое толще человека; поблескивающая кожа, вся в морщинках, отливала голубым и казалась от того тем более отвратительной.

— О чем ты думаешь? — справился Молдри.

Кэтрин покачала головой. Она попросту не могла ни о чем размышлять, настолько поразило ее открывшееся величие дракона. Раньше она полагала, что знает Гриауля, и только теперь поняла, что знание было, мягко говоря, поверхностным, а потому пыталась приспособиться к новой перспективе. Позади послышался шум. Охотники принялись отсекать от тела змеи куски мяса. Молдри обнял девушку за плечи, и когда прикоснулся к ней, она вдруг осознала, что дрожит.

— Пойдем, — сказал он. — Я отведу тебя домой.

— В мою клетушку? — спросила она с горечью.

— Быть может, ты никогда не думала о ней как о доме, — произнес Молдри, — но лучшего места тебе не найти. — Старик подозвал жестом одного из охотников; тот приблизился, зажигая потухший факел.

— Ты будто видишь меня насквозь, — проговорила Кэтрин со смешком.

— Я знаю не тебя, — отозвался Молдри, — хотя кое-что мне, разумеется, известно. Понимаешь, за годы, проведенные здесь, я хорошо узнал его, — он постучал тростью по полу пещеры, — того, кто читает в тебе, словно в книге.

Глава IV

На протяжении двух следующих месяцев Кэтрин трижды пыталась бежать, но в итоге была вынуждена отказаться от этой затеи: когда за тобой следят сотни глаз, любая попытка заведомо обречена на провал. После того как ее поймали в третий раз, она совсем пала духом и почти шесть месяцев не выходила из своего жилища. Здоровье ее расстроилось, и она дни напролет валялась в постели, вспоминая свою жизнь в Хэнгтауне, которая теперь представлялась ей исполненной радости и веселья. Праздность, в которой пребывала Кэтрин, привела к тому, что девушка осталась в одиночестве. Молдри, правда, часто навещал ее и старался как мог подбодрить, но из-за склонности к мистическому обожествлению Гриауля старик оказался бессилен утешить Кэтрин. И вот, не имея ни друзей, ни возлюбленных, ни даже врагов, она все глубже погружалась в пучину жалости к себе и начала поигрывать с мыслью о самоубийстве. Жить, не видя солнца, не посещая в пору карнавала Теочинте, — вынести такое было чрезвычайно трудно. Однако в последний миг ей не хватило то ли храбрости, то ли глупости; она решила, что каким бы нелепым и омерзительным ни казалось ей теперешнее существование, оно все же лучше вечного мрака, а потому всецело предалась единственному занятию, которое, не возбранялось филиями, — исследованию Гриауля.

Подобно грандиозным тибетским изваяниям Будды, помещенным в башнях, которые лишь на самую малость превосходят размерами их самих, недвижное сердце Гриауля — золотистая громада высотой с собор — находилось в полости, стенки которой отстояли от него всего-навсего на шесть футов. Проникнуть в полость можно было по вене, которая разорвалась и ссохлась еще в незапамятные времена; она выводила в крохотный закуток позади сердца. Ползти по ней было для Кэтрин сущим наказанием, но постепенно девушка притерпелась. Горячий воздух полости был насыщен

едким запахом, который напомнил зловоние, что возникает, когда молния попадает в скопление серы; сердце окружала атмосфера тревоги, словно где-то поблизости затаилась неведомая угроза. Кровь в сердце не только пульсировала (причем менялась как насыщенность цвета, так и частота пульсации), но и циркулировала, благодаря колебаниям температуры и давления внутри огромного органа. Приливая к стенкам, она как бы наносила на них узоры из света и тени, замысловатые и причудливые, будто арабески. Мало-помалу Кэтрин стала догадываться, какой узор придет на смену предыдущему, стала замечать их некую загадочную последовательность. Словами этого было не выразить, но игра света и тени вызывала у девушки диковинные ощущения. А если она разглядывала узоры дольше обычного, ее обволакивали грезы, необычайно яркие и отчетливые. Один из снов повторялся снова и снова.

События начинались с восходом солнца. Светило поднималось на юге, заливало своими лучами побережье, на котором громоздились черные скалы. На скалах дремали драконы. Разбуженные солнцем, они с ворчанием задирали головы, издавая звук, похожий на тот, который исходит от наполненных ветром парусов, раскидывали крылья и взмывали в фиолетовое небо, где тускло мерцали нездешние созвездия. Драконы кружили в поднебесье и ревели от восторга — все, кроме одного, который, едва взлетев, замер в воздухе, а потом камнем рухнул в воду и исчез среди волн. Зрелище было впечатляющим: трепет крыльев, разинутая пасть с громадными клыками, когти царапают пустоту в тщетном поиске опоры. Однако какое отношение имел этот сон к Гриаулю? Во всяком случае ему-то опасность падения явно не грозила. Но многочисленные повторы убедили Кэтрин в том, что сон должен что-то означать. Быть может, Гриауль боится той воли, которая низвергла дракона. Или то был сердечный приступ? Кэтрин тщательно обследовала сердце, вскарабкалась с помощью своих крючьев на самый его верх, этакий светловолосый паучок на огромном сверкающем валуне. Но никаких внешних признаков болезни ей отыскать не удалось, а сон перестал повторяться и сменился другим, куда более простым, в котором Кэтрин наблюдала за дыханием спящего дракона. Новое сновидение представлялось ей бессмысленным, а потому она уделяла ему все меньше внимания. Молдри, который ожидал от нее чудесных озарений, был разочарован.

— Наверное, я ошибался, — проговорил он. — Или впал в детство. Да, вероятно, я впал в детство.

Несколько месяцев назад Кэтрин, истерзанная отчаянием, уверила бы старика, что так оно и есть, но исследования драконьего сердца успокоили ее, внушили ей смирение и даже некоторое сочувствие к ее тюремщикам — ведь в конце концов их нельзя было винить в том, что они стали тем, кем стали.

— Я только начала учиться, — ответила она Молдри. — Сдается мне, пройдет много времени, прежде чем я пойму, чего он добивается. И потом, разве спешка в его характере?

— Пожалуй, ты права, — призвал старик.

— Конечно, я права, — сказала Кэтрин. — Рано или поздно ответ будет найден. Но Гриауль не из тех, кто раскрывает свои тайны всем и каждому. Дай мне время.

Она хотела всего лишь поднять настроение Молдри, но внезапно собственные слова прозвучали для нее чем-то вроде откровения.

На первых порах она изучала дракона без особого чувства, но Гриауль с его многочисленными и экзотическими паразитами и симбиотами оказался столь интересным объектом для исследований, что Кэтрин и не заметила, как промелькнули шесть с лишним лет. За работой она и думать забыла о том, что когда-то жизнь чудилась ей пустой и бесполезной. В сопровождении Молдри и любопытствующих филиев она излазила внутренности дракона и нанесла их на карту. От проникновения в череп ее удержало нарастающее с каждым шагом чувство тревоги. Выбрав среди филиев наиболее толковых, она отправила их в Теочинте с наказом приобрести мензурки, колбы, книги и бумагу для записей. Так у Кэтрин появилась возможность создать примитивную химическую лабораторию.

Она установила, что, если бы дракон ожил, пещеру, в которой располагалась колония, заполнили бы кислоты и газы; под воздействием сокращений сердечной мышцы они затем перетекли бы в соседнюю полость и смешались там с прочими жидкостями, а в итоге возникла бы горючая смесь, которую Гриауль мог бы по желанию воспламенить и выдохнуть или вывести из организма иным путем. Девушка взяла образцы всех этих жидкостей и получила из них сильный наркотик, который назвала по имени своей недоброжелательницы брианином. Из мха, что рос на наружной поверхности легких дракона, удалось извлечь вещество, которое оказалось отличным возбуждающим средством. Она составила каталог гриаулевой флоры и фауны; стены жилища Кэтрин со временем покрылись разнообразными таблицами и рисунками. Животные в большинстве своем были ей знакомы — пауки, летучие мыши, ласточки и тому подобное. Однако некоторые из них вряд ли принадлежали нашему миру, и самым примечательным из таких был метагекс (так назвала его Кэтрин) — существо с шестью одинаковыми телами, обитавшее в брюхе Гриауля и питавшееся его желудочным соком. Каждое тело метагекса напоминало размером и цветом истертую монету, было немногим плотнее медузы, имело множество ресничек и пребывало в состоянии постоянного возбуждения. Сперва девушка подумала, что перед ней шесть представителей одного вида, но изменила свое мнение, когда, исследовав со скальпелем первого, убедилась, что остальные пятеро тоже мертвы. Тогда она провела ряд экспериментов и в итоге выяснила, что между телами метагекса существует определенная связь, своего рода поле, которое позволяет, так сказать, сущности животного перемещаться из одного тела в другое, а наличие целых шести тел является уникальной формой мимикрии. Но даже метагекс казался заурядным в сравнении с призрачным виноградом, растением, которое Кэтрин обнаружила только в одном месте — в пещере у основания черепа.

Филии не отваживались забредать туда, ибо испытывали то же чувство страха, что и Кэтрин. Считалось, что если кто-либо подберется чересчур близко к мозгу дракона, Гриауль нашлет на неразумного какую-нибудь тварь из числа своих паразитов-хищников. Однако Кэтрин превозмогла страх. Расставшись с Молдри и отрядом филиев, она двинулась по проходу, который выводил к пещерке. В руке у нее был факел. Проход заканчивался отверстием не шире окружности ее бедер. Кэтрин кое-как протиснулась в него. Света в пещерке было вполне достаточно, он исходил от многочисленных кровеносных сосудов, бегущих по потолку. Девушка погасила факел. Оглядевшись по сторонам, она удивилась: вся пещерка футов двадцати в длину и восьми в высоту заросла, кроме потолка, диким виноградом, лозы которого были усеяны темно-зелеными, глянцевитыми листьями; на их поверхности проступали бесчисленные капилляры. Подъем по проходу утомил Кэтрин, причем, подумалось ей, утомил гораздо сильнее, чем можно было ожидать, и она села, привалившись к стене пещерки, чтобы перевести дыхание, а потом глаза ее сами собой закрылись, и она задремала. Разбудили ее отдаленные крики Молдри. Сонная, недовольная его нетерпением, она отозвалась:

— Ну что тебе? Могу я отдохнуть хотя бы пару минут?

— Пару минут? — донеслось издалека. — Да ты пробыла там три дня! Что случилось? С тобой все в порядке?

— Не говори глупостей! — Она было приподнялась, но тут же снова опустилась на пол. В углу пещерки, не далее, чем в десяти футах, лежала, свернувшись калачиком, обнаженная женщина с длинными светлыми волосами. Плети винограда ниспадали на ее тело и не давали увидеть лицо.

— Кэтрин! — крикнул Молдри. — Ответь мне!

— Я... Подожди, я сейчас.

Женщина шевельнулась и застонала.

— Кэтрин!

— Я сказала, подожди!

Женщина потянулась. На правом ее бедре розовел шрам в форме крюка. Точно такой же шрам имелся и у Кэтрин: она заработала его еще в детстве. А с тыльной стороны правого колена кожа женщины была бурой и сморщенной — опять же, как у Кэтрин: год назад она облила себя кислотой. Девушка пришла в смятение, но тут женщина села, и Кэтрин поняла, что смотрит на своего двойника, схожего с ней не только обликом, но и выражением лица, и смятение переросло в страх. Она готова была поклясться, что ощущает, как сокращаются лицевые мускулы незнакомки, как делит с той ее чувства — радость и надежду.

— Сестра, — произнесла женщина. Она оглядела свое тело, и Кэтрин на мгновение почудилось, будто ее зрение раздвоилось: девушка видела, как женщина наклонила голову и одновременно как бы созерцала обнаженные грудь и живот своей собеседницы ее собственными глазами. Но вот зрение восстановилось, и она посмотрела на лицо женщины... на свое лицо. Хотя она ежедневно изучала себя по утрам в зеркале, Кэтрин до сих пор не замечала тех перемен, какие произошли с ней за время жизни внутри дракона. Очертания губ приобрели резкость, в уголках глаз появились морщинки, щеки слегка запали, а скулы стали от того казаться выше. Сияние и свежесть юной красоты померкли сильнее, чем она думала, и это ее опечалило. Однако главная перемена, которая и поразила ее больше всего, произошла с выражением лица: теперь оно передавало характер, тогда как раньше, до того как Кэтрин попала в дракона, на лице девушки можно было прочесть только высокомерие. Она никак не ожидала, что ей столь язвительно напомнят, какой она была дурой, и потому смутилась. Женщина словно услышала ее мысли, протянула руку и сказала: — Не кори себя, сестра. Мы все жертвы своего прошлого.

— Кто ты? — спросила Кэтрин, отшатываясь. Она чувствовала, что женщина чем-то для нее опасна.

— Ты, — женщина вновь попыталась дотронуться до нее, и Кэтрин вновь отпрянула. Женщина улыбалась, но Кэтрин ощущала ее разочарование. Она заметила, что незнакомка как будто вобрала в себя виноградные лозы и, похоже, не в силах оторваться от них.

— С какой стати? — Кэтрин снедало любопытство, однако ощущение того, что прикосновение женщины таит в себе угрозу, постепенно становилось убеждением.

— Так оно и есть! — воскликнула женщина. — Я — это ты, но не только.

— Что значит «не только»?

— Виноград извлекает из тела некую эманацию, из которой творит новое тело, лишенное недостатков прежнего. А поскольку тело хранит в себе и прошлое и будущее, то я знаю, что с тобою случится... пока знаю.

— Пока?

— Между нами установилась связь, — женщина вдруг заволновалась, — ты ее наверняка чувствуешь.

— Да.

— Чтобы выжить, чтобы укрепить связь, я должна дотронуться до тебя. И тогда знание о будущем исчезнет. Я стану тобой, но другой. Не тревожься, я не буду тебе мешать. Я заживу своей жизнью, — она вновь подалась вперед, и Кэтрин увидела, что к ее спине словно приросли виноградные плети, и снова испытала прежнее чувство: уверенность в том, что прикосновение женщины таит угрозу.

— Если тебе известно мое будущее, — произнесла Кэтрин, — скажи мне, покину ли я когда-нибудь Гриауля?

В этот миг ее окликнул Молдри. Она отозвалась на крик, сообщив, что занята делом и скоро спуститься, а потом повторила вопрос.

— Да-да, — проговорила женщина, — ты покинешь дракона. — Она попыталась схватить Кэтрин за руку. — Не бойся, я не причиню тебе зла.

Кожа женщины ссыхалась прямо на глазах. Страх Кэтрин ослабел.

— Пожалуйста! — молила незнакомка, заламывая руки. — Твое прикосновение спасет меня. Иначе я умру!

Кэтрин отказывалась верить ей.

— Ты должна понять! — крикнула женщина. — Я

твоя сестра! У нас одна кровь, одни воспоминания! — Ее кожа покрылась густой сетью морщин, лицо чудовищно исказилось. — Ну пожалуйста! Помнишь: тогда, под крылом, со Стелом... Ты была девственницей... Ветер срывал со спины Гриауля цветки чертополоха, и они осыпались вниз серебристым дождем... А помнишь тот праздник в Теочинте? Тебе исполнилось шестнадцать лет. Ты надела маску из оранжевых цветов и золотой проволоки, и трое мужчин просили твоей руки. Ради Бога, Кэтрин! Послушай меня! Мэр... Ты не забыла его? Молодой мэр? Ты отдалась ему, но не по любви. Ты боялась любви, ты не доверяла своим ощущениям, не доверяла самой себе.

Связь между ними становилась все более зыбкой. Кэтрин с трудом удерживалась от того, чтобы не броситься к женщине, чьи слова разбередили ее. Та вся обмякла, черты расплылись, словно были из воска и начали таять. А потом она улыбнулась, и ее губы будто растворились в воздухе, а следом, один за другим, стали исчезать зубы.

— Я понимаю, — проговорила женщина хрипло и издала короткий смешок. — Теперь я понимаю.

— Что? — спросила Кэтрин. Но женщина вместо ответа повалилась набок. Скорость гниения нарастала. За какие-то минуты от нее осталась лишь лужица белого желеобразного вещества, которая сохранила очертания фигуры. Кэтрин испытала одновременно ужас и облегчение. Неожиданно пробудилась совесть. Она никак не могла решить, правильно ли поступила и не погубила ли своей трусостью существо, которое заслуживало смерти не более, чем она сама. Пока женщина была жива — если здесь годится это слово, — Кэтрин опасалась ее, но сейчас невольно восхитилась совершенством своего двойника и тем растением, которое сумело его воспроизвести. Она подумала, что женщину отличало не только внешнее сходство с ней. Ведь она, как выяснилось, обладала воспоминаниями Кэтрин! Кэтрин заставила себя взять образцы вещества из лужицы и срезала плеть винограда с намерением разгадать его загадку. Впрочем, она сомневалась, что с ее примитивными инструментами удастся чего-то достичь. Таким образом она убеждала себя, а в глубине души сознавала, что на самом деле не хочет узнать тайну растения, ибо страшится того, что может ей открыться. С течением времени она хотя и продолжала думать об изучении призрачного винограда и даже советовалась с Молдри, но все дальше и дальше отодвигала от себя эту идею.

Глава V

Температура внутри дракона была постоянной, ритм, в котором пульсировало золотистое свечение, не знал колебаний, не могло здесь быть ни дождя, ни снега, а потому смену времен года для тех, кто жил в Гриауле, знаменовали перелеты птиц, плетение коконов и дружное появление на свет миллионов насекомых. Именно по этим признакам Кэтрин через девять лет после того, как вступила в пасть Гриауля, поняла, что снаружи осень. Той осенью к ней пришла любовь. Три года назад ее исследовательский пыл начал понемногу иссякать. Энтузиазм Кэтрин мало-помалу сходил на нет, и это стало особенно заметно после смерти капитана Молдри, скончавшегося просто от старости. Теперь оберегать ее от филиев было некому, и Кэтрин чувствовала, что их безумие исподволь проникает в ее рассудок. Откровенно говоря, она маялась от безделья, ибо карты были нарисованы, образцы перенесены в хранилище, которое занимало уже несколько комнат. Она по-прежнему заглядывала в полость, где помещалось сердце дракона, но толковать сны больше не пыталась, а лишь коротала с их помощью медленно текущее время. От нечего делать она вновь обратилась к мыслям о побеге. Кэтрин полагала, что тратит жизнь впустую, и рвалась возвратиться в мир; Гриауль был для нее многокамерной тюрьмой, она стремилась на свободу, но не могла не признать, что кое-чему научилась. Убеги она отсюда вскоре после того, как очутилась здесь, жизнь ее стала бы непрерывной чередой увеселений и загулов. Иное дело сейчас: вооруженная знаниями, сознающая свои сильные и слабые стороны, она наверняка добилась бы успеха. Но прежде чем Кэтрин определилась в своих намерениях, колония пополнилась новым членом, мужчиной, которого группа филиев, собиравших ягоды в пасти дракона, подобрала неподалеку от нижней губы. Когда они принесли его в пещеру, он был без сознания. Звали его Джон Колмакос, и в свои тридцать лет он занимал пост преподавателя ботаники в университете Порт-Шантея. Он спустился в пасть вместе с проводниками, которые потом сбежали, а затем угодил в лапы обосновавшихся у губы обезьян. Это был худой, даже тощий человек с мускулистыми руками и копной непокорных темно-русых волос. На его лошадином лице с довольно-таки своеобразными чертами застыло слегка удивленное выражение, словно он не переставал изумляться тому, что видел вокруг. Радужная оболочка больших голубых глаз отливала зеленым и карим; надо сказать, лишь глаза нарушали общее впечатление топорности и заурядности, которое производил Джон Колмакос.

Кэтрин донельзя обрадовалась тому, что у нее появился собеседник, тем более — профессионал в области ее увлечения, и взялась выхаживать его. У Джона были сломаны рука и нога, и исцарапано все лицо. За лечением она постепенно начала представлять его в роли своего возлюбленного. Она впервые встретила мужчину столь обходительного и отнюдь не честолюбивого; к тому же он совершенно не старался чем-либо ее поразить. До сих пор она отождествляла всех мужчин с солдатами из гарнизона Теочинте и головорезами из Хэнгтауна, поэтому не было ничего странного в том, что Джон ее попросту очаровал. Она попробовала было переубедить себя: дескать, в ее положении поневоле влюбишься в кого угодно. Кэтрин боялась того, что любовь только усилит ее отвращение к темнице, в которой она томилась, а также того, что Джон, вне всякого сомнения, послан ей Гриаулем, который тем самым хочет примирить ее с судьбой и меняет Молдри на любовника. Но так или иначе, она не могла отрицать, что ее влечет к

Джону Колмакосу, и не в последнюю очередь из-за того, что он восхищался проделанными ею исследованиями. Кроме того, не приходилось сомневаться, что влечение было взаимным. Несмотря на возникавшую иногда неловкость, они не торопили события и терпеливо наблюдали за происходящим.

— Невероятно, — произнес однажды Джон, оторвавшись от чтения одной из записных книжек Кэтрин. — Кто бы мог подумать, что вы не получили специального образования!

— Знаете, — проговорила Кэтрин, покраснев от удовольствия, — на моем месте и обладая тем запасом времени, какой был у меня, всякий добился бы похожих результатов.

Он отложил блокнот и поглядел на девушку так выразительно, что она потупилась.

— Вы ошибаетесь, — сказал он. — Большинство людей в похожих ситуациях опускается. Мне трудно вас с кем-либо сравнить. Вы совершили подвиг.

Его похвала подействовала на Кэтрин весьма странным образом: ей показалось вдруг, что ее хвалит умудренный годами взрослый, а сама она превратилась в неумелого ребенка, который неожиданно сделал что-то правильно. Ей хотелось объяснить ему, что научные исследования были для нее разновидностью терапии, занятием, которое помогало справиться с отчаянием, однако она не смогла подыскать слов, от каких не веяло бы ложной скромностью, а потому ограничилась тем, что воскликнула: «О!» — и принялась готовить брианин, чтобы смазать больную лодыжку Джона.

— Я, наверное, не то сказал, — пробормотал он. — Простите. Я не хотел вас смущать.

— Я не... То есть... — она рассмеялась. — Я отвыкла от нормального общения.

Он улыбнулся, но промолчал.

— Что такое? — спросила она резко, решив, что он смеется над ней.

— Извините?

— Чему вы улыбаетесь?

— Если вам будет приятнее, я могу нахмуриться.

Кэтрин опустила голову, чтобы он не видел краски, которая бросилась ей в лицо, растерла пасту на медной тарелке, отделанной по ободу неограненными бриллиантами, и скатала ее в шарик.

— Я пошутил, — сказал Джон.

— Знаю.

— Что случилось?

Она помотала головой.

— Ничего.

— Послушайте, — не отступал он. — Я не хотел сделать вам больно, честное слово. Что я такого натворил?

— Вы тут ни при чем, — Кэтрин вздохнула. — Я просто никак не могу привыкнуть к вашему присутствию здесь, вот и все.

Снаружи донеслось лепетание филиев, спускавшихся по веревкам на дно пещеры.

— Понимаю, — проговорил он. — Я... — Он замолчал и уставился в пол, его толстые пальцы ощупывали записную книжку.

— Что вы собирались сказать?

— Вы заметили, чем мы занимаемся? — он откинул голову и расхохотался. — Только и делаем, что объясняемся, как будто боимся обидеть друг друга не тем словом.

Она посмотрела на него, встретилась с ним взглядом и отвернулась.

— Но не такие уж мы и хрупкие, — продолжал он, потом добавил, словно пояснил: — Не такие уж уязвимые.

Они вновь встретились взглядами, и на этот раз отвернулся Джон, а улыбнулась Кэтрин.

Если бы она и не догадывалась о том, что влюблена, то рано или поздно сообразила бы, как обстоят дела, хотя бы по тому, как изменилось ее отношение к Гриаулю. Она как бы видела все в новом свете. К ней возвратилось давнее восхищение размерами и чудесами Гриауля, и она с удовольствием открывала тайны дракона Джону, показывала ему ласточек, которые никогда не взмывали в небо, сверкающее драконье сердце, пещерку, где рос призрачный виноград (и откуда она поспешила удалиться), и крохотную полость у самого сердца, освещенный не золотистой кровью Гриауля, а тысячами белых паучков-светляков, что сновали по ее потолку, образуя на нем своего рода созвездия. Именно в той полости они впервые поцеловались. Кэтрин поначалу целиком отдалась охватившему ее восторгу, но потом вырвалась из объятий Джона, ошеломленная чувствами, которые внезапно нахлынули на нее, знакомыми и давно позабытыми, обескураженная тем, как быстро ее фантазии слились с действительностью. Она выбежала из полости, предоставив Джону, который все еще прихрамывал, добираться домой самому.

Остаток того дня она избегала его и сидела, поджав колени, на лоскуте персикового шелка у отверстия посредине пещеры, в которой располагалась колония, а вокруг мельтешили одетые в роскошные лохмотья филии. Некоторые из них угадали настроение Кэтрин и теперь толпились рядом с ней, изредка прикасаясь к ее одежде. Они издавали скулящие звуки, которые на их языке выражали сочувствие. Собачьи лица филиев были грустными, и, словно заразившись их печалью, Кэтрин заплакала. Она оплакивала свою неспособность совладать с любовью, всю свою безрадостную жизнь, дни, недели, месяцы и годы, проведенные в теле дракона; и в то же время чувствовала, что ее тоска — это тоска Гриауля, обреченного на вечную неподвижность. При мысли о том, что дракон, подобно ей, страдает от безысходности, слезы Кэтрин высохли сами собой. Она никогда раньше не воспринимала Гриауля как существо, которое заслуживает сострадания, да и сейчас не стала относиться к нему иначе, но подумав о том, в какой паутине волшебства он запутался, девушка устыдилась своих слез.

Она осознала вдруг, что плакать можно по любому, даже самому счастливому, поводу, если видишь мир не таким, какой он есть; но когда ты различаешь все многоцветие тонов и оттенков, то, понимая, что всякий человеческий поступок может обернуться бедой, хватаешься за первую подвернувшуюся возможность действовать, сколь бы нереальной она ни казалась. Так и поступил Гриауль, который, будучи обездвиженным, сумел найти

способ воспользоваться своей силой. Это сравнение себя с Гриаулем рассмешило Кэтрин. Стоявшие поблизости филии тоже расхохотались. Один из них, самец с клочьями седых волос на голове, придвинулся к девушке.

— Кэтрин щас веселить с мы, — проговорил он, крутя пальцами пуговицу своего грязного расшитого серебром камзола. — Хнычь уже нет.

— Нет, — сказала она. — Хныкать я больше не буду.

На другом краю отверстия обнимались множество раздетых догола филиев, мужчины натыкались на мужчин, приходили в раздражение, колошматили друг друга, но тут же успокаивались, едва им попадались самки. Раньше Кэтрин наверняка бы возмутилась, но то было раньше. С точки зрения стороннего наблюдателя обычаи филиев не вызывали ничего, кроме отвращения. Кэтрин жила вместе с ними и наконец-то приняла это как данность. Она поднялась и направилась к ближайшей корзине. Старик последовал за ней, чинно расправляя на ходу отвороты камзола; он как будто назначил себя глашатаем и объявлял всем встречным:

— Хнычь уже нет! Хнычь уже нет!

Подъем в корзине походил на перемещение от одной театральной сцены к другой, причем на каждой разыгрывалась, похоже, та же самая пьеса: бледнокожие существа валялись на шелковых подстилках и забавлялись драгоценными безделушками. Кэтрин подумала, что, если не обращать внимания на вонь и атмосферу обветшания, можно представить, будто находишься в каком-нибудь экзотическом королевстве. Прежде ее поражали размеры колонии и свойственная ей гротескность, а сейчас сюда добавилось богатство. Интересно, мелькнула у девушки мысль, у филиев просто не было возможности раздобыть другую одежду, или тут опять вмешался Гриауль и по странной прихоти облачил отребье рода человеческого в наряды королей и придворных? На душе у Кэтрин было легко, но когда корзина почти достигла того уровня, где помещалось ее жилище, она заволновалась. Сколько лет прошло с тех пор, как она была с мужчиной! Быть может, она не сумеет его удовлетворить...

Она привязала корзину к специальному крюку, выбралась на помост, глубоко вздохнула, проскользнула в дверь между занавесок и плотно задернула их за собой. Джон спал, укутавшись до подбородка в меха. В полумраке, который царил в комнате, его лицо, покрытое отросшей за несколько дней щетиной, приобрело выражение необычной умиротворенности, какая присуща, разве что, погруженному в молитву святому. Она решила было не будить его, но сообразила, что это — проявление нервозности, а никак не участия. Нужно было как-то преодолеть ее, справиться с нею как можно быстрее. Кэтрин разделась и встала над Джоном, чувствуя себя так, будто сняла гораздо больше, чем просто одежду. Потом она скользнула под мех и прижалась к Джону. Он пошевелился, но не проснулся, и она обрадовалась, ибо мысль, что она придет к нему как бы во сне, доставила ей необъяснимое наслаждение. Но вот ресницы Джона дрогнули, он открыл глаза и изумленно уставился на нее. Его кожа в полумраке отливала золотом.

— Кэтрин, — выдохнул он, и она коротко рассмеялась, потому что ее имя прозвучало в его устах как заклинание.

Его голос отдалился и умолк, и воздух словно затвердел и приподнял Кэтрин над полом. Их окружал свет, странное сияние, от которого не исходило ни толики тепла. Она слышала свои слова: она называла Джона по имени, говорила ему, какой он хороший, как ей с ним приятно и прочее, и прочее, — слова, похожие на те, которые звучат во сне, где звуки гораздо важнее смысла. И вновь на нее накатила волна, и на этот раз она не стала убегать, а рванулась навстречу подступающему валу.

— Любовь глупа, — сказал Джон однажды, несколько месяцев спустя. Они сидели в полости, где помещалось сердце дракона, и следили за игрой золотистого света и причудливых теней. — Я чувствую себя паршивым студентишкой, который размышляет о том, каких наделает добрых дел. Накормит голодных, исцелит страждущих! — Он фыркнул. — Как будто я только что проснулся и обнаружил, что в мире полным-полно неурядиц, а поскольку я люблю и любим, мне хочется, чтобы все вокруг тоже были счастливы. Но приходится торчать...

— Порой я испытываю то же самое, — перебила она, удивленная его вспышкой. — Может, любовь и глупа, но она дарит счастье.

— ... торчать тут, — продолжал он, — не имея возможности помочь себе, не говоря уже о том, чтобы спасти мир. А что касается счастья, оно не вечно... по крайней мере, здесь.

— Наше длится уже полгода, — возразила Кэтрин. — А если оно не устоит здесь, с какой стати ему сохраниться в другом месте?

Джон подтянул колени к подбородку и потер лодыжку.

— Что с тобой случилось? Когда я попал сюда, ты только о бегстве и рассуждала, уверяла, что готова отдать что угодно, лишь бы выбраться отсюда. А теперь, похоже, тебе все равно?

Она поглядела на него, заранее зная, чем кончится разговор.

— Да, я рвалась на волю. Твое появление окрасило мою жизнь, но это вовсе не означает, что я примирилась с жизнью здесь. Просто сейчас мысль о существовании внутри дракона не приводит меня в отчаяние.

— А меня приводит! — Внезапно он поник головой. — Прости, Кэтрин, — выдавил он, все еще потирая лодыжку. Нога что-то снова разболелась, ну и настроение, понятно, паршивое. — Он исподлобья взглянул на нее. — Та штука у тебя с собой?

— Да, — ответила она.

— Пожалуй, временами я перехожу границу разумного, — признал он. — Зато хоть ненадолго избавляешься от скуки.

Кэтрин вспыхнула, ее так и подмывало спросить, не в ней ли причина его скуки, но она сдержалась, сознавая, что сама отчасти виновата в том, что Джон пристрастился к брианину, ибо уже не раз,

словно потеряв от любви рассудок, потакала ему и исполняла те же просьбы.

— Дай мне! — воскликнул он нетерпеливо.

Она, с неохотой повиновавшись, извлекла из своего мешка фляжку с водой и несколько завернутых в ткань шариков брианина. Джон выхватил у нее наркотик, отвинтил колпачок фляжки, сунул в рот два шарика — и только тогда заметил, что Кэтрин наблюдает за ним. Его лицо исказилось от гнева, он как будто хотел прикрикнуть на нее, однако быстро успокоился, проглотил свои шарики и протянул Кэтрин ладонь, на которой лежали два оставшихся.

— Присоединяйся, — пригласил он. — Я знаю, мне пора остановиться. Когда-нибудь я соберусь с силами. Но сегодня давай расслабимся, сделаем вид, что у нас все нормально. Ладно?

Это была уловка, к которой он стал прибегать не так давно: окажись Кэтрин втянутой в эту страсть, она утратила бы всякое право упрекать его. Она сознавала, что должна отказаться, но спорить с ним сейчас у нее не было сил, а потому она взяла шарики запила их водой и улеглась у стенки полости. Джон пристроился рядом; он улыбался, зрачки его помутнели.

— Пора заканчивать, — проговорила она.

Его улыбка на мгновение исчезла, потом восстановилась, как будто внутри него находились батарейки, энергия которых, впрочем, постепенно иссякла.

— Пожалуй, — согласился он.

— Если мы собираемся бежать, — сказала она, — нам понадобятся ясные головы.

— Неужели?

— Я забыла о побеге. Он казался мне невозможным... и не столь уж важным... Да, я отступилась от своей затеи. Перед самым твоим появлением, я, правда, вновь принялась строить планы, но не всерьез...

— А теперь?

— Теперь всерьез.

— Из-за меня? Из-за того, что я день за днем твержу о бегстве?

— Из-за нас обоих. Я не уверена, что у нас получится, но вот отступаться мне не следовало.

Он перекатился на спину и прикрыл глаза рукой, словно ослепленный светом, который исходил от сердца Гриауля.

— Джон? — Язык не слушался Кэтрин, и она поняла, что брианин потихоньку начинает действовать.

— Проклятая дыра! — пробормотал он. — Гнусная, проклятая дыра!

— Я думала, — произнесла она с запинкой, — я думала, тебе тут нравится. Ты ведь говорил...

— Конечно, мне нравится! — он криво усмехнулся. — Кладовая чудес! Фантастика! Но неужели ты не чувствуешь?

— Чего?

— Как ты могла прожить здесь столько лет? Или тебе безразлично?

— Я...

— Господи! — Он отвернулся от нее и уставился на сердце. — Тебе по-моему, ничто не мешает. Но взгляни на это, — он показал на сердце, — самое настоящее волшебство! Попадая сюда, я всякий раз пугаюсь того, что на нем проявится узор, который прикончит меня, расплющит в лепешку, что-нибудь со мной сделает. А ты рассматриваешь его так, будто размышляешь, стоит ли завесить его шторами или, может быть, перекрасить!

— Хорошо, больше я тебя сюда не поведу.

— Тогда я приду один, — сказал он. — Оно притягивает меня, как брианин.

Наступила тишина, которая продолжалась то ли какие-то секунды, то ли несколько минут. Время потеряло смысл, Кэтрин ощущала, что ее куда-то уносит, обдает жаром. В ее сознании мелькали диковинные образы: чудовищное лицо клоуна, незнакомая комната с косыми стенами и обитыми голубой тканью стульями на трех ножках, картина, краски которой растекаются и капают на пол. Неожиданно ее мысли перескочили на Джона. Она осознала вдруг, что он с каждым днем становится все слабее, лишается жизнерадостности и погружается в уныние, осознала и попробовала убедить себя, что рано или поздно он привыкает к существованию в теле Гриауля, однако почти сразу сообразила, что на это вряд ли можно надеяться. Из чего проистекает его слабость, может быть, как утверждал он сам, из-за угнетающего влияния дракона или вследствие какого-то заболевания? Скорее всего из-за того и другого одновременно. Значит, спасти его может только побег. Под действием наркотика побег представлялся ей легко осуществимым, но она все же догадывалась, что, когда помутнение рассудка пройдет, ей придется столкнуться с многочисленными сложностями.

Чтобы отвлечься от неприятных мыслей, она стала всматриваться в узоры на стенке драконьего сердца. Сегодня они выглядели куда более замысловатыми, чем обычно, и Кэтрин мало-помалу уверилась, что в них проступает нечто новое, чего раньше никогда не было: ощущение необъяснимой угрозы, которое всегда присутствовало в сердечной полости, сделалось сейчас давящим, но брианин все полнее завладевал сознанием Кэтрин, а потому она не могла сосредоточиться на своих впечатлениях. Ее веки дрогнули и опустились, и она провалилась в сон о спящем драконе, на груди которого виднелся участок, где не было ни единой чешуйки; белесая кожа словно обволокла ее, втянула в мир белизны, что вздымалась и опадала с бесперебойностью, свойственной звуку хорошо отлаженных часов.

В течение шести последующих месяцев Кэтрин составила множество планов побега, но в итоге отвергла их все, кроме одного, который, хотя и далекий от совершенства, был чрезвычайно прост и сулил наименьший риск. Без брианина осуществить его было невозможно, однако Кэтрин предпочла бы на время забыть о том, что наркотик существует, ибо Джону удалось-таки совратить ее: она стала наркоманкой и большую часть времени проводила в сердечной полости дракона, где лежала бок о бок с Джоном, слишком обессиленная даже для того, чтобы искать близости с ним. Ее отношение к нему изменилось, чего, впрочем, следовало ожидать, поскольку изменился сам Джон. Он

потерял в весе, утратил прежде присущую ему бодрость, и Кэтрин тревожилась за его здоровье, как физическое, так и душевное. С определенной точки зрения он стал ей еще ближе, поскольку невольно пробудил в ней инстинкт материнства, однако она не могла не возмущаться тем, что он подвел ее и, вместо того чтобы помогать, превратился в обузу. Однако Кэтрин продолжала цепляться за надежду, что побег позволит им начать жизнь заново.

Наркотик полностью подчинил ее себе. Она повсюду носила с собой запас шариков брианина, мало-помалу увеличивала дозу и, вполне естественно, со временем лишилась ясности мысли. Сон ее сделался беспокойным, а наяву ее стали посещать галлюцинации. Она слышала голоса и какие-то непонятные звуки, а однажды увидела среди филиев, что копошились на дне пещеры, старого Эймоса Молдри. Отупение заставляло ее не доверять сведениям, которые сообщали ей чувства, и отвергать, полагая это бредом, значение приходящих снов и смысл игры света на стенке драконьего сердца. Наконец она сообразила, что становится похожей на филиев — слышит то, чего не слышат другие, видит то, чего видеть не дано, — и испугалась, но не так, как испугалась бы раньше. Теперь она старалась приноровиться к ним, пыталась воспринимать их как неразумных исполнителей воли Гриауля и не находила никакого утешения в ненависти к ним и дракону. Гриауль и его порождения были чересчур величественными и диковинными, чтобы служить объектами ненависти, а потому Кэтрин обратила всю свою злобу на Брианну, женщину, которая когда-то ее предала. Филии как будто заметили перемену в ее чувствах, они перестали шарахаться от нее, бежали за ней, куда бы она ни шла, задавали вопросы, дотрагивались до нее; словом, о личной жизни не могло быть и речи. Но в конце концов именно возросшая привязанность филиев к Кэтрин и подала ей идею.

Однажды она в сопровождении компании хихикавших и болтавших филиев направилась к черепу дракона и подошла к проходу, что выводил в пещерку, где рос призрачный виноград. Она заглянула в проход, но не поддалась искушению навестить пещерку и выбралась из туннеля — и обомлела: филии исчезли! Внезапно на нее накатила слабость, как будто присутствие филиев придавало ей сил; она опустилась на колени и поползла по узкому коридору в бледно-розовой плоти, продолжение которого скрывала золотистая дымка, словно где-то вдалеке лежала груда сокровищ. Кэтрин переполнял гнев на филиев. Однако она и сама виновата: знала ведь, как они боятся заходить сюда... Вдруг ее осенило: интересно, насколько далеко они ушли? Может статься, они отступили за тот боковой проход, который ведет к горлу? Кэтрин торопливо вскочила и осторожно двинулась в нужном направлении. Достигнув склона, она огляделась, никого не увидела и продолжила путь, невольно затаив дыхание. Из-за поворота донеслись голоса, и чуть погодя Кэтрин различила восемь филиев, что столпились у отверстия, которым начинался тот самый боковой проход; на их живописных шелковых лохмотьях и на лезвиях обнаженных клинков мерцали блики золотистого света. Кэтрин прижалась к стене и попыталась обдумать случившееся, но мысли никак не желали выстраиваться в логическую последовательность, и она по привычке полезла в мешок за брианином. Прикосновение к одному из шариков успокоило ее, а когда она проглотила наркотик, ей сразу стало легче дышать. Она уставилась на проступавшую на потолке коридора вену и, позволив пульсирующему свету загипнотизировать себя, ощутила, как становится чем-то золотистым, медленным и текучим, и внезапно преисполнилась уверенности и надежды.

Выход есть, сказала она себе. Господи Боже, выход есть!

Три дня спустя план был разработан до мельчайших подробностей, но душа Кэтрин пребывала в смятении: она опасалась, что Джон в очередной раз ее подведет. Он выглядел просто ужасно, глаза его ввалились, щеки запали, а когда она захотела рассказать ему о своем замысле, он моментально заснул. Поэтому Кэтрин принялась исподтишка уменьшать дозу брианина, от которого он не мог и не стремился оторваться, она смешивала наркотик с возбуждающим средством, тем, что добыла из мха, росшего на поверхности легких дракона. Так минуло несколько дней и, хотя внешне Джон попрежнему производил ужасающее впечатление, он слегка приободрился и стал понемногу соображать. Кэтрин понимала, что улучшение будет кратковременным, а возбуждающее средство представляет для Джона в его нынешнем состоянии немалую угрозу, но выбора не было. Если оставить его здесь, то, учитывая степень причиненного брианином физического разрушения, он не протянет и шести месяцев.

Придуманный Кэтрин план был до смешного прост, и она подивилась тому, как он не пришел ей в голову раньше. Впрочем, одна она вряд ли отважилась бы на его осуществление, а вдвоем они все-таки могут на что-то рассчитывать. Джон пришел в восторг. Когда она растолковала ему свою затею вплоть до тонкостей, его глаза засверкали, на щеках заалел румянец. Слушая ее, он ходил по спальне, размышлял, отпускал порой замечания и уточнял детали.

— Филии, — проговорил он. — Мы... не причиним им вреда?

— Я же сказала тебе... Нет, если нас к тому не принудят.

— Хорошо, хорошо, — он приблизился к занавескам на двери. — Разумеется, это не моя область, но...

— Что?

Он поглядел в щелку между занавесками, золотистое свечение на его лице чередовалось с полумраком.

— Джон, о чем ты?

— Да так... ни о чем, — ответил он после долгой паузы.

— Ты говорил о филиях.

— Они любопытны, — Джон пошатнулся, потом проковылял к Кэтрин, рухнул на кипу мехов ря-

дом с ней и устремил на нее тоскливый взгляд.

— Все переменится, — произнес он. — Когда мы выберемся отсюда, я... Я знаю, мне недоставало силы... Мне...

— Не надо, — прошептала она, гладя его по голове.

— Нет, надо, надо, — он попытался сесть, но она удержала его в лежачем положении, и он подчинился. — Как ты можешь меня любить? — спросил он, помолчав.

— А что еще мне остается? — она нагнулась и поцеловала его.

Он раскрыл было рот, потом тихо рассмеялся. Кэтрин поинтересовалась, что его развеселило.

— Я думал о свободе воли, — ответил он. — Сейчас она кажется сущей нелепицей.

Кэтрин улеглась на меха. Ей надоело поднимать его дух. Она вспомнила, каким он был, когда только-только очутился здесь: веселый, энергичный, пытливый. Теперь же в редкие моменты просветления он занимался тем, что высмеивал моральные ценности. Она устала спорить с ним, устала доказывать, что не стоит огульно отрицать жизнь во всех ее проявлениях. Джон повысил голос; Кэтрин знала, что сейчас благодаря возбуждающему средству он испытывает прилив сил.

— Гриауль, — произнес он. — Ему принадлежит все, что находится здесь, даже самые мимолетные желания и надежды. Он стоит за тем, о чем мы думаем и что мы чувствуем. Когда я впервые, еще в бытность студентом, услышал о Гриауле, о его могуществе и о том, как он управляет людьми, то решил, что с большей глупостью мне сталкиваться не доводилось. Тогда я был оптимистом, а ты знаешь, кто такие оптимисты? Неопытное дурачье. Конечно, я не признавался себе в том, что я оптимист, я мнил себя реалистом, я считал, что совершаю те или иные поступки лишь по собственной воле, то бишь воспринимал себя этаким благородным красавцем из пьесы, который ни от кого и ни от чего не зависит. Я осуждал людей за то, что они полагаются на богов и на демонов, ибо понятия не имел, как угнетает человека сознание того, что его дела лишены какой-либо значимости, что все: любовь, ненависть, привязанность, отвращение — составляющие чьего-то непостижимого промысла. Я не мог представить, каким никчемным начинаешь тогда себя чувствовать.

Джон довольно долго распространялся на эту тему, его слова обрушивались на Кэтрин увесистыми камнями, отгоняли надежду и вселяли в ее сердце отчаяние.

Следующие десять дней ушли на подготовку к выполнению плана. Она испекла сладких пирожков и стала угощать ими филиев, которые сопровождали их с Джоном на ежедневной прогулке, причем всякий раз поворачивала обратно у туннеля, что выводил в пещерку призрачного винограда. Кроме того, она принялась усердно распускать слухи о том, что многолетнее изучение дракона все же принесло желаемые плоды. В день побега, перед тем как тронуться в путь, она обратилась к филиям, которые стояли вокруг нее и висели гроздьями на веревках:

— Сегодня мне откроется истина! Гриауль будет говорить со мной. Созовите охотников и тех, кто собирает ягоды, пускай они дожидаются моего возвращения. Я вернусь скоро, очень скоро и передам вам волю Гриауля.

Филии зашумели, запрыгали, начали колотить друг дружку, а те, что висели на веревках, разволновались настолько, что разжали руки и посыпались вниз, прямо на головы своих собратьев, и на полу пещеры образовались многочисленные кучи копошащихся и орущих филиев, которые, повопив, стали сдирать один с другого одежду. Кэтрин помахала им и пошла прочь. Ее сопровождали Джон и шестеро филиев с мечами в руках.

Джон нервничал, всю дорогу искоса посматривал на филиев и донимал Кэтрин вопросами.

— Ты уверена, что они их съедят? Может, они не голодны?

— Ты думаешь, я даром их приучала? Съедят как миленькие.

— Да, конечно, только... Я не хочу, чтобы нам что-либо помешало. — Пройдя с пяток шагов, он осведомился: — А снадобья ты положила достаточно?

— Вполне, — она посмотрела на него, отметив про себя, что щека у него подергивается, на лбу выступил пот, а в лице ни кровинки, и взяла Джона за руку. — Ты как?

— В порядке, — ответил он. — В полном порядке.

— Все получится, так что не беспокойся, пожалуйста ..

— Я в порядке, — повторил он ровным голосом, глядя прямо перед собой.

Филии остановились у поворота. Кэтрин улыбнулась им и раздала пирожки, а потом они с Джоном миновали поворот и заползли в туннель. Какое-то время они сидели в молчании, затем Джон прошептал:

— Не пора?

— Еще немножко, для верности.

Он вздрогнул, и она вновь спросила, как он себя чувствует.

— Мне слегка не по себе, — признался он, — но это ерунда.

Кэтрин положила ладонь ему на локоть и шепотом велела успокоиться. Он кивнул, но она ощущала, что мышцы его по-прежнему напряжены. Секунда канула в небытие с неторопливостью капли, что сочится из пореза на коре дерева. Кэтрин не сомневалась, что план сработает, и все же не могла не тревожиться. Перед глазами у нее плавали какие-то светящиеся червячки, ей казалось, что в коридоре снаружи кто-то шепчется, она попробовала отвлечься, однако мысли неуклонно возвращались к тому, что им с Джоном предстояло совершить. Наконец оно подтолкнула Джона, выбралась следом за ним из туннеля и, подкравшись к повороту, остановилась, прислушиваясь. Все было тихо. Тогда она рискнула высунуть голову и увидела у отверстия бокового прохода шесть неподвижных тел; даже на таком расстоянии она разглядела в руках филиев недоеденные куски пирожков. Кэтрин подумалось, что в неподвижности охранников есть что-то неестественное. Она осторожно приблизилась к филиям, опустилась на колени возле моло-

дого самца и, с первого взгляда распознав на его лице печать смерти, с ужасом поняла, что не учла при дозировке брианина слабости организмов филиев. Наркотик убил их, вместо того чтобы усыпить.

— Пошли! — торопил ее Джон. Он подобрал два меча, таких коротких, что они казались игрушечными, помог ей встать и вручил один из клинков. — Идем. Не дай Бог, поблизости бродят другие!

Он облизнул губы и огляделся по сторонам. Туго обтянутое кожей лицо напоминало череп, и на какой-то миг, ошеломленная сознанием того, что она погубила живых существ, которые, несмотря на всю свою звероподобность, были людьми, Кэтрин отказалась узнать в нем Джона Колмакоса. Она недоуменно воззрилась на тела шестерых филиев, похожих в своих обносках на уродливых кукол, и вновь испытала то чувство, которое пережила после гибели Кея Уиллена. Джон схватил ее за руку и потащил в боковой проход. Со стен складками свисала плоть дракона, и Кэтрин неожиданно испугалась. Джон раздвинул складки, протолкнул ее в проход, и она поползли сквозь золотистый полумрак по извилистому, уводящему вниз коридору.

Местами проход был немногим шире окружности ее бедер. Кэтрин воображала себе, что дракон давит на нее всем своим колоссальным весом, что стенки прохода из-за сокращения какого-нибудь мускула вот-вот сожмутся и они с Джоном будут раздавлены. Джон дышал так громко, что она слышала его дыхание лучше, чем свое собственное, но вдруг этот звук пропал. Она обернулась и увидела, что Джон отстает. Кэтрин окликнула его.

— Ползи! — буркнул он.

Она перекатилась на спину, чтобы как следует разглядеть его. Он задыхался, лицо его перекосилось словно от боли.

— Что с тобой? — воскликнула она и попыталась развернуться головой к нему, но узость прохода помешала ей.

— Ничего, — проговорил он и легонько пихнул ее. — Давай ползи!

— Джон! — она протянула ему руку, но он уперся плечом в ее ступню, побуждая двигаться дальше.

— Ползи, тебе говорят! — прикрикнул он. Поняв, что бессильна что-либо сделать, Кэтрин подчинилась. Больше она не оборачивалась, но перед ее мысленным взором маячило изможденное лицо Джона.

Если бы ее спросили, сколько минут ей понадобилось, чтобы добраться до конца прохода, то вряд ли сумела бы ответить. Время сжалось до пределов одного-единственного, невыразимо долгого мгновения, в течение которого не существовало ничего, кроме резких, судорожных движений. Очутившись в горле дракона, она забыла о своем сердце, которое норовило выскочить из груди, о Джоне и обо всем остальном. От того места, где она стояла, горло плавно восходило к пасти; там, впереди, сверкало и переливалось золотистое сияние, разительно отличавшееся от свечения, к которому она привыкла в теле Гриауля. То был дневной свет, его лучи проникали сквозь заросли кустарника, подчеркивая белизну загнутого кверху огромного клыка. Высоко над Кэтрин свешивались с драконьего небного свода виноградные лозы и стебли эпифитов. Пораженная, она уронила меч и сделала несколько шагов по направлению к свету. Он был таким свежим, таким чистым, он пленял, манил и завораживал. Вспомнив о Джоне, Кэтрин обернулась. Ее спутник опирался на клинок и тяжело дышал.

— Смотри! — воскликнула она, указывая на свет. — Господи, ты только посмотри! — Она подставила Джону плечо и повела его к пасти.

— Получилось, — выдавил он. — А я не верил...

Его пальцы стиснули ее руку. Она восприняла это как выражение признательности, но потом почувствовала, что с ним не все ладно.

— Джон! — крикнула она. Он рухнул навзничь, глаза его закатились.

Кэтрин, упав на колени, принялась расстегивать рубашку. «Джон, Джон», — повторяла она. По его телу прошла дрожь, из горла вырвался невнятный звук. Она слишком хорошо знала, что это означает. Кэтрин отпрянув, взглянула ему в лицо, в надежде развеять сомнения, в ожидании, что ошиблась, что он вот-вот разомкнет веки. Этому не суждено было сбыться.

— Джон? — проговорила она и удивилась своему спокойствию, тому, как ровно звучит собственный голос. Она жаждала пробиться сквозь толщу невозмутимости, выразить то, что переполняло ее, однако ее волю словно подчинил себе некий невидимый двойник. Лицо ее заледенело, она встала, мельком подумав о том, что холод, должно быть, исходит от тела Джона. Она не могла смотреть на него, а потом повернулась спиной и скрестила руки на груди. Солнечный свет слепил ее, густой кустарник сбивал с толку хитроумным переплетением веток. Она не способна была решить, как ей поступить. «Иди отсюда, — сказала она себе. — Ступай прочь». Она шагнула было в сторону пасти, но остановилась, ибо не знала, правильное ли направление избрала.

Кусты шевельнулись, но она не обратила на это никакого внимания. Ее спокойствие начало рушиться, что-то неудержимо влекло Кэтрин обратно, к телу возлюбленного. Она молча сопротивлялась. Зашелестела листва. Кэтрин потерла глаза. Слез в них не было, однако ей почудилось, будто на них опустилось нечто легкое и прозрачное. Быть может, подумала она, обрывки спокойствия, и засмеялась, но смех больше походил на икоту. Присмотревшись, она различила в кустах десять — двадцать — нет, две или три дюжины крошечных, почти детских фигурок, облаченных в сверкающие на солнце лохмотья. Кэтрин снова икнула, теперь уже не от смеха, а от подступившего к горлу рыдания или тошноты. Филии медленно надвигались. Выходит, их с Джоном поджидали, и у них не было ни малейшей надежды на успех...

Кэтрин попятилась: наклонившись, она подобрала меч Джона и погрозила им филиям.

— Не подходите, — предупредила она. — Не подходите.

Но те, не вняв ее предупреждению, подкрадывались все ближе.

— Стойте! — крикнула она. — Иначе, клянусь, я перебью вас, всех до единого! — Она взмахнула клинком. — Клянусь!

Филии словно не слышали. Кэтрин, рыдая, снова крикнула им, чтобы они уходили. Но те окружили ее, остановившись за пределами досягаемости меча.

— Вы не верите мне? — спросила она. — Не верите, что я убью вас? А что меня удержит?

Горе и ярость наконец-то выплеснулись наружу, и она, издав пронзительный вопль, ринулась на филиев, ударила одного в живот, рассекла другому камзол на груди. Они повалились наземь, а остальные набросились на Кэтрин. Она обрушила клинок на голову третьему, расколов ему череп так легко, как будто это была не голова, а дыня, увидела, как хлынула из раны кровь, успев заметить, что рассекла лицо врага почти надвое, но тут филии навалились на нее всей гурьбой, и она упала. Сопротивление ничего бы не дало, однако она продолжала отбиваться, сознавая, что, если перестанет биться, к ней возвратятся те чувства, которые сильнее боли. Филии глупо таращились на нее, словно не понимали, почему она ведет себя так, и их бестолковость распалила ее еще сильнее. Уж смерть-то, казалось бы, должна была научить их чему-то, должна была заронить в их сердца — как и в ее собственное — стремление убивать! Коротко вскрикнув, она исхитрилась встать на колени и попыталась стряхнуть с себя тех филиев, что держали ее за руки. Она кусала их, царапалась, лягалась и пиналась. Что-то тяжелое ударило ее по затылку. Она обмякла, перед глазами все поплыло, зрение помутилось, и теперь она видела только сумрачный туннель, в конце которого блестели чьи-то водянистые зрачки. Они расширились, слились в один, который вдруг обрел кожистые крылья, раздвоенный язык и раздутое брюхо, где клокотал огонь. Он разинул пасть, чтобы проглотить ее и отнести домой.

Глава VI

Худо-бедно справиться с горем Кэтрин помог наркотик. Однако с уходом Джона у нее заболела грудь, а руки и ноги словно налились непомерной тяжестью. Чтобы избавиться от неприятных ощущений, она раз за разом увеличивала дозу брианина, грызла шарики, как конфетки, и влачила свои дни в одиночестве и тоске. Жизнь утратила для нее всякую ценность. Она поняла, что умрет здесь, в теле дракона, знала это наверняка и считала, что такая смерть назначена ей Гриаулем в наказание за попытку нарушить его волю.

Филии теперь относились к ней с подозрением и враждебностью, они сторонились ее и даже откровенно избегали. Лишившись общества их и Джона, Кэтрин находила единственное утешение в созерцании узоров на стенке драконьего сердца, а потому проводила у него долгие часы, лежа в полости дни напролет в полубессознательном состоянии и следя прищуренными глазами за непрерывной игрой теней. По мере того как росло ее пристрастие к наркотику и она теряла вес и силу, она все лучше истолковывала узоры и, рассматривая изгиб сердца, схожий с изгибом поверхности колокола, вскоре поняла правоту Молдри, назвавшего дракона богом, ибо Гриауль был целым миром со своими собственными, в том числе и физическими законами. Но богом, которого она ненавидела. Ей хотелось излить свою ненависть, направить ее прямо в сердце дракона, разрушить его, однако она догадывалась, что Гриауль неуязвим для любого человеческого оружия и расходовать на него злобу — все равно что посылать наугад стрелу в бездонность неба.

Однажды, почти год спустя после смерти Джона, что-то вырвало ее из сна, в который она погрузилась, лежа возле сердца. Кэтрин села. По спине ее побежали мурашки. Она потерла глаза, чтобы отогнать сонливость — результат брианина. Воздух в полости был пронизан ощущением опасности. Кэтрин взглянула на сердце и застыла в неподвижности. Узор на стенке менялся гораздо быстрее прежнего и был куда замысловатее всего, что ей доводилось видеть до сих пор, и тем не менее она читала его с той же легкостью, с какой могла бы разбирать свой почерк в записной книжке. Послание было чрезвычайно простым, однако несколько секунд сознание Кэтрин отказывалось его принять, отказывалось поверить тому, что близится кульминация всей ее жизни, что она погубила свою молодость ради такой ерунды. Но тут ей вспомнились сны о спящем драконе, о пятне на его груди, вспомнился рассказ Молдри о первом Фили, об исходе животных, насекомых и птиц из пасти дракона, о странном звуке, который раздается единожды в тысячелетие, и она вынуждена была поверить. Как было тысячу лет назад и как будет через тысячу лет в грядущем, сердечная мышца дракона собиралась сократиться.

Кэтрин пришла в ярость: неужели все испытания, через которые она прошла, все горести, которые она пережила, имели целью спасение филиев?! Она наконец поняла, в чем дракон видел ее задачу: вывести филиев из пещеры, где они обитали, прежде чем она окажется заполненной горючими жидкостями, а потом, когда жидкости уйдут, возвратить их, чтобы они продолжали нести службу, истребляя паразитов. Должно быть подумалось ей, недавний переполох среди них, причину которого они ей так и не открыли, объясняется тем, что они предчувствовали это событие. Гриауль предостерег их, но они из-за робости своей решили пропустить его предостережение мимо ушей, ибо их страх перед наружным миром не шел ни в какое сравнение со страхом перед тем, что мог наслать на них дракон. Чтобы спастись, им нужен вожатый; когда-то им оказался Молдри, теперь Гриауль избрал ее, Кэтрин.

Она поднялась на ноги, смятенная, как птица, что угодила в клетку, замерла в нерешительности, а затем, когда ярость возобладала над страхом, забарабанила кулаками по стенке драконьего сердца, выкрикивая оскорбления, упрекая Гриауля в том, что он разрушил ее жизнь. Растеряв остатки сил, она утихомирилась и снова уселась на пол пещеры, попытавшись собраться с мыслями. Нет, филиям она ничего не скажет, пускай перемрут, как мухи.

Да, пусть, так она отомстит им через Гриауля. Однако мгновение спустя она переменила решение, так как сообразила, что гибель филиев не исправит положения. Гриаулю нужны слуги, и он без труда завлечет сюда очередную толпу идиотов; кроме того, она и так уже погубила слишком многих. Значит, выбора ей, как всегда, не остается. Она отдала почти одиннадцать лет для того, чтобы исполнить волю ненавистного ей существа.

Преисполненная благих, полуосознанных намерений она направилась в пещеру, где располагалась колония, а следом за ней шагали охранники. Добравшись до пещеры, она встала спиной к проходу, который выводил к горлу, и задумалась над тем, как ей повести дело. Две-три сотни филиев суетились на полу пещеры, прочие висели на веревках, напоминая усыпанные плодами ветви фруктовых деревьев. Эта суматоха отнюдь не придала Кэтрин смелости. Она окликнула филиев, но голос изменил ей и она закашлялась, однако, набравшись мужества, громко закричала и не умолкала до тех пор, пока филии не окружили ее густой толпой. Они молча разглядывали ее, задние напирали на передних, а те поневоле заставляли Кэтрин пятиться, хотя отступать ей было особо некуда, ибо позади нее, у стены, помещались сундуки, где хранилось оружие, факелы и охотничье снаряжение. Филии глазели на нее, ощупывая свои лохмотья, тишина становилась все напряженнее. Кэтрин раскрыла рот, но голос снова подвел ее. Она глубоко вдохнула, с шумом выпустила воздух и повторила попытку.

— Мы должны уйти, — произнесла она неуверенно. — Мы должны выйти наружу. Ненадолго. Всего лишь на несколько часов. Нашу пещеру... — Она остановилась, сообразив, что филии не понимают ее. — Я узнала то, чему хотел научить меня Гриауль. Я знаю, зачем он привел меня к вам. Я знаю, зачем случилось все то, что случилось. Сердце Гриауля скоро начнет биться, и, когда это произойдет, пещеру зальет горючая жидкость. Надо уходить, иначе мы утонем.

Передние зашевелились, некоторые из них переглянулись, но никакого иного отклика не последовало.

— Вы погибнете, если не послушаетесь меня! — воскликнула Кэтрин потрясая кулаками. — Вы должны уйти! Пещеру затопит! — Она ткнула пальцем в затянутый дымкой потолок. — Смотрите! Птицы улетели! Они умнее вас! Следуйте за ними! Или вы не чувствуете опасности?

Филии подались назад, кое-кто отвернулся и принялся перешептываться с соседями. Кэтрин схватила за грудки молодую самку, облаченную в наряд из алого шелка.

— Слушай меня! — крикнула она.

— Врать, Кэтрин врать, — буркнул один из самцов и оттеснил от нее самку. — Мы больше дураки нет.

— Я не лгу! Клянусь вам, я не лгу! — она бросилась в толпу. — Сердце начнет биться! — Она клала им руки на плечи, заглядывала в глаза, стараясь убедить в своей искренности. — Оно ударит всего один раз. Вы будете снаружи совсем недолго! Совсем чуть-чуть!

Толпа распалась. Филии занялись делами, от которых она их оторвала. Кэтрин перебегала от одного к другому, умоляла их, твердила:

— Пожалуйста, послушайте меня!

Она пускалась в объяснения, а ответом ей были недоуменные взгляды. Кто-то из самцов грубо оттолкнул ее и оскалил зубы, и она, утомленная и обескураженная, вернулась к проходу и проглотила очередной шарик брианина. Мысли ее путались. Она оглядывалась по сторонам, как будто надеялась увидеть нечто такое, что придаст ей сил, и неожиданно на глаза Кэтрин попались сундуки с мечами и факелами. Она ощутила, как внутри нее зреет холодная решимость, и безошибочно истолковала ее как проявление воли Гриауля. Однако мысль о том, чтобы совершить столь серьезное деяние, внушала ей ужас, она заколебалась, осмотрелась, чтобы удостовериться, что никто из филиев за ней не наблюдает. Потом подкралась к сундукам, притворившись на всякий случай, будто оказалась рядом с ними без какого-либо умысла. В одном из сундуков вместе с факелами лежали трутницы. Кэтрин нагнулась, подобрала факел и трутницу и торопливым шагом двинулась к жилым постройкам. Некоторые из филиев повернулись, а когда она зажгла факел, на их лицах отразилась тревога, и они кинулись к ней. Но она уже поднесла факел к занавескам на двери в одну из клетушек. Филии шарахнулись. Кто-то пронзительно завизжал.

— Пожалуйста! — воскликнула Кэтрин. Колени ее подгибались от страха. — Я не хочу делать этого. Но вы должны уйти! — Малая часть филиев побрела в направлении прохода. — Да! — закричала Кэтрин. — Да. Если вы уйдете отсюда, на короткое время, мне не придется делать этого!

Первые филии уже скрылись в проходе. Орава у ног Кэтрин таяла на глазах. Поскуливая, заливаясь слезами, филии то впятером, то вшестером удалялись из пещеры. Мало-помалу, кроме Кэтрин, в ней остались только самые упорные — кучка не более чем из тридцати особей. Кэтрин была бы рада выполнить свое обещание, но догадывалась, что все, кто ушел, затаились в проходе или в соседней пещере и дожидаются, пока она погасит факел. И она ткнула факелом в занавеску.

Вспыхнуло пламя. Оно перекидывалось с занавески на занавеску, поглощало клетушку за клетушкой, вздымалось над ними изжелта-оранжевой стеной и потрескивало, будто смеялось. Уж оно-то обладало собственной волей, высвечивая все укромные закутки пещеры, его языки весело гонялись друг за дружкой, попутно поджигая деревянные опоры, помосты и многочисленные веревки.

Кэтрин была настолько захвачена этим зрелищем, что совершенно забыла о филиях, и, когда ее левый бок пронзила вдруг острая боль, она никак не связала ее с ними, подумала, что тело наказывает ее за наркотик. Пошатнувшись, она упала на колени и тут увидела возле себя лысоватого филия, который сжимал в руке окровавленный меч. Внезапно ей до безумия захотелось задать ему один лишь вопрос, но слова почему-то не шли с языка, хотя ее снедало любопытство; она стремилась узнать будущее и почему-то полагала, что ее палач может помочь ей, ибо, будучи посредником

между ней и Гриаулем, он ведает то, что скрыто от нее. Филий буркнул что-то неразборчивое, то ли обругал ее, то ли в чем-то упрекнул, и побежал прочь, бросив на произвол судьбы. Она перекатилась на спину и уставилась на огонь, пытаясь не обращать внимания на боль и нарастающую слабость. Постройки рушились, под потолком пещеры клубился черный дым, по воздуху летали искры, временами из пламени проступал остов догоравшего сооружения; у Кэтрин закружилась голова, она вообразила, что вот-вот окажется проглоченной огнем, и потеряла сознание.

Должно быть, обморок продолжался всего лишь несколько секунд, ибо когда она открыла глаза, ей почудилось, что ничего не изменилось, разве только загорелись шелка на полу пещеры. Сквозь рев пламени пробивался изредка треск древесины, по пещере распространялась отвратительная вонь. Сделав над собой усилие, которое едва снова не повергло ее в беспамятство, Кэтрин поднялась на ноги, прижала к ране ладонь и заковыляла к проходу. Споткнувшись, плюхнулась на живот, преодолела накатившую слабость и двинулась дальше уже ползком, кашляя от дыма, который стелился по проходу. Глаза ее слезились, не раз и не два она была на грани забытья, но все же достигла соседней полости, миновала ее, каким-то образом умудрившись не свалиться ни в одну из множества ям, в глубине которых полыхал огонь, и очутилась в горле. Ее так и подмывало задержаться там, насладиться покоем темноты, но она пересилила себя, подгоняемая отнюдь не страхом, а неким побуждением двигаться, пока есть возможность. В глазах у нее потемнело, однако она сумела различить проблески дневного света и решила, что теперь можно и остановиться, что она добилась того, к чему стремилась, — увидела перед смертью свет дня, столь непохожий на золотистое сияние гриаулевой крови.

Кэтрин улеглась на ложе из папоротников, прижалась спиной к стенке драконьего горла, то есть приняла, как ей неожиданно вспомнилось, то же самое положение, в каком провела свою первую ночь в теле дракона много-много лет тому назад. Она задремала, но ее вырвал из дремоты странный шелест, который становился все громче и громче. Внезапно из горла вылетела наружу громадная туча насекомых, их было столько, что они, пролетая над Кэтрин, почти затмили собой дневной свет. Под небным сводом перепрыгивали с лозы на лозу обезьяны, а сквозь кусты ломились, не разбирая дороги, другие животные. Заметив все это, Кэтрин окончательно уверилась в правильности своего поступка, легла поудобнее и зажмурила глаза; голова ее соприкасалась с плотью Гриауля, и она откровенно радовалась тому, что ее жизни, с одиночеством, грубостью и пристрастием к наркотику, похоже, наступает конец. На какой-то миг она встревожилась за филиев, забеспокоившись о том, куда они могли деться, но потом сообразила, что они, вероятно, последуют примеру своего далекого предка и отсидятся в кустах.

Боль в ране утихла, превратившись в неназойливый зуд, который, как ни странно, придавал Кэтрин сил. Кто-то заговорил с ней, окликнул ее по имени, но она не желала открывать глаза, ибо вовсе не жаждала возвратиться в ненавистный мир. Наверное, подумала она, мне послышалось. Однако голос раздался снова, и она разомкнула веки и тихо рассмеялась, узрев рядом с собой Эймоса Молдри. Тот стоял на коленях, очертания его фигуры были зыбкими, как у призрака, и она поняла, что грезит наяву.

— Кэтрин, — проговорил Молдри, — ты меня слышишь?

— Нет, — ответила она, снова засмеявшись, но поперхнулась и закашлялась. Силы стремительно таяли, и вот теперь ей стало страшно.

— Кэтрин?

Она моргнула, надеясь, что Молдри исчезнет, однако его облик, наоборот, приобрел четкость, словно она наконец-то переступила порог, который отделял мир жизни от того, куда ушел капитан.

— Что тебе нужно, Молдри? — спросила она, давясь кашлем. — Ты пришел, чтобы проводить меня на небеса?

Его губы шевелились, ей показалось, он хочет сообщить ей нечто важное, но она не слышала его слов, как ни напрягала слух. Внезапно фигура Молдри сделалась прозрачной, расплылась, как и положено фантому, но перед тем, как погрузиться во мрак, Кэтрин ощутила — и готова была в том поклясться, — что он взял ее за руку.

Она очнулась в помещении, заполненном пульсирующим золотистым сиянием, и осознала, что глядит на чье-то лицо, однако прошло немало времени, прежде чем она поняла, что это ее собственное лицо, и подивилась тому, насколько изменились за прошедшие годы его черты. Она лежала, боясь шелохнуться, и размышляла о том, что могло произойти, почему она все еще жива, откуда у нее объявился двойник и почему она чувствует себя бодрой и свежей. Наконец она села, и тут выяснилось, что на ней ни лоскутка одежды и сидит она в крохотной пещерке, которую освещают проступающие во множестве на потолке золотистые прожилки, а вдоль стен протянулись виноградные лозы с глянцевитыми темно-зелеными листьями. Невдалеке на полу лежало тело — ее тело, — и рубашка с одного бока была красная от крови. Рядом с телом были сложены в стопку чистая рубашка, брюки и сверху пара сандалий.

Она осмотрела свой бок — ни намека на рану. Кэтрин испытала одновременно облегчение и презрение к себе. Каким-то образом она добралась до пещеры призрачного винограда, где и произошло это странное перерождение; однако все как будто осталось по-прежнему, разве только в душе ее воцарился покой и, по-видимому, исчезла всякая привязанность к брианину. Она попыталась убедить себя, что бредит, что она — это прежняя Кэтрин, а не исчадие гнусного растения, и мысли, которые текли привычной чередой, как бы подтверждали ее правоту. Но тело говорило об ином. Она попробовала найти убежище в страхе, однако восстановившееся душевное здоровье, судя по всему, лишило страх силы. Кэтрин начала мерзнуть, на коже выступили пупырышки, и она с неохотой облачилась в одежду, любезно доставлен-

ную кем-то в пещерку. В нагрудном кармане рубашки находилось что-то твердое. Она расстегнула карман, извлекла оттуда маленький кожаный мешочек и развязала его — на ладонь высыпалась пригоршня ограненных самоцветов: алмазов, изумрудов, рубинов. Вдоволь налюбовавшись ими, она ссыпала их обратно и сунула мешочек обратно, а потом взглянула на мертвое тело. Ей пришлось признать, что она сильно постарела и похудела, а черты утратили былую утонченность. Наверное, подумалось Кэтрин, она должна что-нибудь почувствовать, должна, по крайней мере, огорчиться подобным зрелищем, но горечи не было и следа: она словно просто-напросто поменяла кожу.

Кэтрин не имела ни малейшего понятия, куда идти, но сообразила, что не может оставаться тут вечно, а потому, бросив прощальный взгляд на свою старую оболочку, выползла из пещеры в коридор. Здесь она заколебалась, какое направление избрать, не зная, куда ей разрешено идти. В итоге она решила, что не стоит искушать Гриауля, и двинулась в сторону колонии, считая, что поможет филиям отстроить ее заново, но не сделала и десяти шагов, как услышала голос Молдри.

Он стоял у входа в пещеру, одетый точно так же, как в ночь их встречи — атласный сюртук, рубашка с брыжами, рейтузы, трость с золотой рукоятью. Когда она приблизилась, на его морщинистом лице заиграла улыбка, и он кивнул, как будто одобряя ее возрождение.

— Не ожидала встретить меня? — спросил он.

— Я... не знаю, — пробормотала она. — Там, в горле... был ты?

— К твоим услугам, — заявил он и поклонился. — Когда все успокоилось, я велел филиям отнести тебя сюда. Вернее, я исполнил повеление Гриауля. Ты заглядывала в карман рубашки?

— Да.

— Значит, камушки нашла? Хорошо, хорошо.

— Мне показалось, я видела тебя, — произнесла она после паузы. — Несколько лет назад.

— Разумеется. Вернувшись к жизни, — он взмахом руки указал на пещеру, — я понял, что отныне ты обойдешься без меня. Мое присутствие было бы для тебя помехой, так что я спрятался среди филиев и коротал дни в их обществе, зная, что когда-нибудь тебе понадобится моя помощь. — Он прищурился. — Тебя что-то тревожит?

— Я не в состоянии всего этого постичь, — произнесла она. — Мне чудится, я стала совсем другой.

— Разве? — спросил он. — Ты ощущаешь себя другой, а что в действительности? — Он взял ее за руку и повел прочь от колонии. — Ты привыкнешь, Кэтрин, уверяю тебя. Твои чувства мне знакомы, я сам испытал их при первом пробуждении. — Он развел руки в сторону, как бы приглашая ее обследовать его. — Ну что, по-твоему, я не тот старый глупец, которого ты знала?

— Вроде тот, — ответила она сухо и, помолчав, спросила: — Филии... они тоже?..

— Возрождение даровано только избранным. Филии же получают иное вознаграждение, суть которого мне не известна.

— Ты называешь это вознаграждением? Выходит, быть игрушкой Гриауля — награда? Тогда скажи, что мне еще предстоит? Может, я должна установить, когда он собирается опорожнить кишечник?

— Еще? — Молдри остановился и нахмурился. — Ты вольна в своих поступках, Кэтрин. Я догадывался, что ты хочешь уйти, но решать, разумеется, тебе. На те самоцветы, которые я тебе дал, ты сможешь жить, как только пожелаешь.

— Я могу уйти?

— Совершенно верно. Ты осуществила свое предназначение, и тебя отпускают. Ну как, ты идешь?

Язык не повиновался Кэтрин, поэтому она просто кивнула.

— Что же, — он снова взял ее за руку. — Тогда тронулись.

Они миновали пещеру, за которой располагалось горло дракона, и вышли в него, и всю дорогу Кэтрин чувствовала себя так, как человек (если верить молве), которого приговорили к смерти: перед ее мысленным взором пронеслась вся долгая жизнь внутри дракона, побеги, исследования, охотничья экспедиция, Джон и то, что было с ним связано, нескончаемые часы у сердца Гриауля... Она и впрямь ощущала себя осужденной на смерть, ибо ей мнилось, что жизнь вне Гриауля будет для нее разновидностью загробного существования, настолько она от нее отвыкла. Кэтрин с изумлением осознала, что возвращение в мир людей пугает ее, что то, к чему она так стремилась, сейчас таит угрозу, а ненавистный дракон представляется единственным надежным убежищем. Она не раз подумывала о том, чтобы повернуть вспять, но обуздывала страх. Однако когда они с Молдри достигли пасти и двинулись по тропинке сквозь заросли кустарника, она едва не ударилась в панику. Солнечный свет, который какие-то месяцы назад зачаровывал ее, теперь слепил глаза и как будто прогонял обратно в тускло-золотистое сияние, исходившее от кровеносных сосудов Гриауля. Поблизости от губы, очутившись в тени клыка, Кэтрин начала дрожать от холода и обхватила себя за плечи, чтобы согреться.

Молдри пристально посмотрел на нее и подтолкнул локтем.

— Что с тобой? — спросил он. — Тебе страшно?

— Да, — ответила она. — Может...

— Не глупи — буркнул он. — Стоит тебе уйти отсюда, как все образуется. — Он наклонил голову и поглядел на заходящее солнце: — Тебе следует поторопиться, ибо скоро стемнеет. Вряд ли кто-то причинит тебе зло, но от греха подальше... Ведь ты уже исполнила то, чего хотел Гриауль. Ну так ступай.

— А ты со мной не идешь?

— Я? — Молдри хмыкнул. — А что мне там делать? Я старик, у меня свои привычки, а переучиваться мне поздно. Я остаюсь с филиями. Откровенно говоря, за те годы, что провел с ними, я и сам стал наполовину филием. Но ты молода, перед тобой вся жизнь. Слушайся меня, девочка. Иди, нечего тебе тут оставаться.

Она сделала два шага по направлению к губе и

остановилась. Ей жаль было расставаться с Молдри. Сейчас он казался ей почти отцом. И тут она вспомнила своего настоящего отца, давным-давно позабытого и незримо далекого, и это воспоминание разбудило в ней память обо всем, что она когда-то потеряла, обо всем, что ей суждено обрести заново. Поступь ее сделалась тверже; из-за спины раздался голос Молдри.

— Молодец! — крикнул старик. — Иди, все будет в порядке! Бояться тебе нечего, по крайней мере пока. Счастливо!

Она оглянулась, помахала ему и рассмеялась, ибо вид у Молдри был чрезвычайно комичный: невысокий, в экзотических лохмотьях, он прыгал в грандиозной тени драконьих клыков и потрясал над головой своей тростью. Кэтрин вышла на солнце, и лучи светила обогрели ее, обдали теплом, разом уничтожив холод, затаившийся в ее костях и мыслях.

— Счастливо! — кричал Молдри. — Счастливо! Не грусти! Ты взяла с собой все, что было для тебя важно. Подумай лучше о том, что ты расскажешь людям. Подумай о том, какой прием тебя ожидает. Они умрут от зависти! Расскажи им про Гриауля! Расскажи, что он такое, поведай обо всем, что видела и узнала, поделись с ними своим Приключением!

Глава VII

Возвращение в Хэнгтаун было с известной точки зрения куда более волнующим, чем проникновение в дракона. Кэтрин предполагала, что городок изменился, что он, подобно ей самой, мало чем напоминает прежний. Однако, очутившись на окраине, она увидела те же развалюхи на замусоренных берегах озера, те же хилые дымки из жестяных труб, ту же мрачную тень лобного выступа, те же заросли боярышника и черемухи и бурую грязь на улицах. Перед одной из хижин сидели на плетеных стульях трое пожилых мужчин, они курили трубки и беззастенчиво глазели на Кэтрин. В общем и целом Хэнгтаун выглядел так же, как и десять лет назад, и словно подтверждал своим обликом, что годы заключения в драконе, смерть и воскрешение имели значение только для самой Кэтрин. Она ничуть не претендовала на то, чтобы заинтересовать и разжалобить своими страданиями других, однако при мысли о том, что ее мучения прошли для мира незамеченными, она ощутила нарастающую ярость. Она разозлилась — и испугалась. Испугалась того, что, стоит ей войти в городок, некое волшебство перенесет ее во времени и вернет в прошлую жизнь. Наконец она справилась с собой, подошла к курильщикам и пожелала им доброго утра.

— И вам того же, — ответил толстый старик с лысой головой и седой бородой; Кэтрин узнала в нем Тима Уидлона. — Чем могу помочь, мэм? Если хотите, у меня есть отличные чешуйки.

— Вон тот дом, — она показала на одну из хижин, с провалившейся крышей и выбитой дверью, — где я могу найти хозяина?

Ей ответил другой мужчина, Мардо Корен, тощий как богомол, с покрытыми оспинами лицом:

— Никто не знает. Старый Райэлл умер... Лет, наверное, уже девять или десять...

— Умер? — переспросила она недоверчиво.

— Ага, — вмешался Тим Уидлон. Он внимательно разглядывал ее, на лбу его залегли глубокие морщины, на лице было написано недоумение. — Его дочка прикончила местного парня из семьи Уилленов и сбежала, пропала неизвестно куда. А следом за ней пропали и братья Уиллены, ну, люди решили, что их убил Райэлл. Он не стал отпираться и вообще вел себя так, будто ему все равно, чем это кончится.

— И чем это кончилось?

— Его судили и признали виновным. — Уидлон подался вперед и сощурил глаза. — Кэтрин... Это ты?

Она кивнула, пытаясь сохранить самообладание.

— Что сталось с моим отцом?

— Ты вернулась. Где ты была?

— Что сталось с моим отцом?

— Господи, Кэтрин, ты же знаешь, как поступают с теми, кого обвиняют в убийстве. Утешение, конечно, слабое, но в конце концов правда выплыла наружу.

— Его отвели под крыло? Его оставили под крылом? — Она стиснула кулаки, почувствовав, как ногти впиваются в мякоть ладони.

Уидлон опустил голову, погладил вместо ответа потертость на брючине. Глаза Кэтрин наполнились слезами, она отвернулась и уставилась на лобный выступ дракона.

— Ты сказал, что правда выплыла наружу?

— Ну да. Одна девица призналась в том, что все видела. По ее словам, Уиллены загнали тебя в пасть Гриауля. Она уверяла, что открылась бы раньше, но старик Уиллен угрожал убить ее, если она откроет рот. Ты, наверное, ее помнишь, вы с ней как будто дружили. Брианна.

Услышав ее имя, Кэтрин круто развернулась и повторила его, вложив в слово всю свою ненависть.

— Разве она не была твоей подружкой? — справился Уидлон.

— А что с ней стряслось?

— Да вроде ничего. Вышла за Зева Маллисона, обзавелась детишками. Сдается мне, сейчас она дома. Ты знаешь, где дом Маллисонов?

— Да.

— Тогда ступай туда, она расскажет тебе лучше моего.

— Пожалуй, пойду.

— Так где же ты была, Кэтрин? Десять лет! Какая такая важность так долго не пускала тебя домой?

Она ощущала, как внутри у нее все замерзает.

— Знаешь, Тим, я вот о чем подумала. Раз уж я здесь, то почему бы не вспомнить прошлое и не пособирать чешую? — Голос ее предательски задрожал, и она постаралась исправить впечатление улыбкой. — По-твоему, кто-нибудь одолжит мне крючья?

— Крючья? — Уидлон поскреб в затылке, лицо его по-прежнему выражало озадаченность. — Да возьми хотя бы у меня. Но послушай, расскажи

нам, где ты была. Мы ведь решили, что ты умерла.

— Расскажу, честное слово. Вот вернусь и все расскажу. Договорились?

— Ладно, — Тим, кряхтя, поднялся со стула. — Но если хочешь знать мое мнение, ты поступаешь жестоко.

— Вовсе нет, — отозвалась она, погруженная в собственные мысли. — Со мной обошлись куда хуже.

— Чего? — переспросил Уидлон.

— А?

Он бросил на нее испытующий взгляд.

— Я говорил, что ты поступаешь жестоко, оставляя стариков в неведении. Или ты не соображаешь, что означает твое возвращение. Все только и будут обсуждать, что с тобой случилось, а ты...

— Извини, Тим, — сказала она. — Я думала совсем о другом.

Дом Маллисонов, один из самых больших в Хэнгтауне, насчитывал с полдюжины комнат, причем все они появились уже после того рокового дня, когда Кэтрин вздумалось позагорать на солнышке над пастью Гриауля. Однако его размеры свидетельствовали не о достатке или о высоком общественном положении хозяев, а всего лишь о безуспешных попытках избавиться от бедности. Возле крыльца, ступени которого вели к скособоченной двери, валялись кости, кожура плодов манго и прочий мусор. Над арбузными корками кружили жирные мухи. Из-за угла высунулась собачья морда, пахнуло жареным луком и вареной зеленью. Изнутри донесся детский плач. Внезапно Кэтрин показалось, что этот дом — сплошное притворство; за непритязательным фасадом прячется чудовищная реальность, а именно — та женщина, что предала ее и убила ее отца; впрочем, убогий вид постройки немного остудил ее гнев. Она взошла на крыльцо и услышала, как за дверью упало что-то тяжелое, потом раздался женский крик. Голос был хрипловатым, чуть более низким, чем помнился Кэтрин, но она знала, что кричит Брианна, и снова преисполнилась злобой. Она постучала в дверь одним из крючьев Тима Уидлона; мгновение спустя дверь распахнулась. На пороге возникла смуглолицая женщина в драной серой юбке, почти такой же серой, как древесина досок, словно сама хозяйка была неотъемлемой частью окружающего; в ее темно-русых волосах виднелись седые прядки. Она оглядела Кэтрин с головы до ног и с выражением крайнего неудовольствия осведомилась:

— Чего надо?

Да, это была Брианна, но Брианна постаревшая, опустившаяся, расплывшаяся, подобно высокой восковой фигуре. Талия у нее исчезла без следа, черты лица огрубели, щеки обвисли. Злость Кэтрин сменилась ужасом, и тот же ужас промелькнул во взгляде Брианны.

— Нет! — взвизгнула она. — Нет! — Она захлопнула дверь. Кэтрин забарабанила по дереву кулаком.

— Брианна! Открывай, черт тебя возьми!

Единственным ответом ей был плач ребенка.

Тогда она вонзила в дверь крюк, а когда попыталась вытащить его, обнаружила, что одна из досок слегка отошла. Кэтрин вставила крюк в образовавшуюся щель, надавила на него, и доска, заскрежетав, оторвалась. Сквозь проем она рассмотрела Брианну: та прижалась к дальней стене бедно обставленной комнатушке, на руках у нее заходился в крике ребенок. С помощью крюка она оторвала другую доску, дотянулась до щеколды на двери, откинула ее и вошла в дом. Брианна схватила метлу.

— Убирайся отсюда! — произнесла она, беря метлу наперевес.

Кэтрин поразилась убожеству обстановки, ощутила себя посреди этой скудости солнечным лучом в темной пещере; глядя в упор на Брианну, она тем не менее заметила краешком глаза дровяную печь, в которой шипел накрытый крышкой чугунок, перевернутый стул с дыркой в сиденье, паутину в углах, крысиный помет у стены, колченогий стол, уставленный потрескавшейся посудой, и толстый слой пыли на полу под ним. Однако жалости она не испытывала, скорее, ненависть к Брианне только усилилась. Она шагнула вперед, и Брианна замахнулась на нее метлой.

— Уходи, — пробормотала она. — Пожалуйста... Оставь нас в покое.

Кэтрин зацепила острием крюка бечевку, что перетягивала прутья метлы, и выдернула «оружие» из рук Брианны. Хозяйка попятилась к печи.

— Пожалей нас! — молила она, обнимая ребенка.

— С какой стати? Из-за твоих детей, из-за того, что твоя жизнь не сложилась? — Кэтрин плюнула в Брианну. — Ты убила моего отца!

— Я испугалась. Отец Кея...

— Заткнись, — проговорила Кэтрин холодно. — Ты убила его и ты предала меня, а из-за чего ты это сделала — мне начхать!

— Вот именно! Тебе на все начхать! — воскликнула Брианна. — Ты первая разрушила мою жизнь. Тебе было начхать на Глинна, но ты отняла его у меня просто потому, что он ухаживал не за тобой!

Кэтрин понадобилось несколько секунд, чтобы догадаться, о ком она говорит. Глинн — ну да, возлюбленный Брианны: значит, причина всех событий десяти последних лет — ее собственные бессердечие и эгоизм? Однако это не помогло унять злобу. Она ведь грешила бессознательно, а Брианна — по расчету. Но Кэтрин пребывала в некоторой растерянности, мысль о воздаянии по заслугам казалась ей все менее привлекательной, она начала подумывать о том, чтобы уйти, швырнуть крюк на пол и уйти, предоставив месть тому, кто определяет судьбу жителей Хэнгтауна. Брианна переступила с ноги на ногу, глухо кашлянула, и Кэтрин вновь захлестнула ярость.

— Не тебе меня учить! — произнесла она ровным голосом. — Все мои поступки не идут ни в какое сравнение с тем, что натворила ты. Ты даже не подозреваешь, что ты натворила! — Она подняла крюк, и Брианна шарахнулась в угол. Ребенок повернул голову и уставился на Кэтрин: его взгляд как бы лишил ее сил.

— Отошли мальчишку, — сказала она.

Брианна послушно опустила ребенка на пол.

— Иди к отцу, — велела она.

— Нет, погоди, — возразила Кэтрин, испугавшись вдруг, что мальчик может привести Зева Маллисона.

— Ты хочешь убить нас обоих? — спросила Брианна хрипло. Ее сын снова заплакал.

— Перестань, — сказала ему Кэтрин, а затем повторила то же самое, срываясь на крик. Брианна притянула ребенка к себе.

— Давай, — проговорила она. Ее лицо исказил страх. — Ну, чего ты ждешь?

Она зарыдала, наклонила голову и застыла. Кэтрин подступила к ней, схватила за волосы, откинула ее голову назад и приставила острие крюка к горлу. Глаза Брианны округлились, дыхание сделалось прерывистым и натужным, а ребенок, зажатый между двумя женщинами, дергался и вопил. Рука Кэтрин дернулась, и острие крюка оцарапало кожу Брианны, оставив кровавую полосу. Брианна напряглась, ее ресницы затрепетали, рот раскрылся в беззвучном крике; Кэтрин почудилось, что на лице ее недоброжелательницы появилось выражение восторженного ожидания. Она глядела в лицо Брианны и чувствовала, что ненависть в ее груди затихает, она наслаждалась тишиной, которая воцарилась в комнате, неподвижностью Брианны, ритмическим биением жилки на горле давней соперницы, пульсом, который передавался по рукоятке крюка; она не торопилась надавливать на крюк, ибо хотела продлить мучения Брианны.

Внезапно крюк сделался неимоверно тяжелым, и Кэтрин поняла, что момент миновал, что жажда мести утратила свою остроту. Она представила себе, как протыкает Брианну, а затем вообразила, что волочет ее на суд, заставляет признаться во лжи, слышит обвинительный приговор, который предписывает связать Брианну и кинуть ее на съедение тем тварям, что обитают под крылом Грианула. Предвкушать в мыслях смерть Брианны доставляло ей удовольствие, однако она осознала вдруг, что для утоления мести достаточно одного этого предвкушения, и если она перейдет от размышлений к действиям, всякое удовольствие будет потеряно. Она вновь разозлилась, ибо выходило, что десять лет, за которые произошло столько смертей, все же потрачены впустую, и подумала, что, должно быть, изменилась сильнее, чем думала, раз так легко отказывается от мщения. Отсюда ее мысли обратились к природе случившейся с ней перемены, и она вновь задалась вопросом, кто она — Кэтрин, дочь Райэлла, или ее искусное подобие? И тут она догадалась, что все так и должно было быть, что стремление отомстить принадлежало ее прошлой жизни, а теперь у нее иные заботы, и ей нет дела до старых обид и страстей. На Кэтрин словно снизошло откровение, она глубоко вздохнула, и этот вздох унес с собой всю печаль былого, все остатки любви и ненависти, и она наконец-то поверила в то, что вырвалась из драконьей темницы. Она почувствовала себя обновленной и сильной, слишком сильной для того, чтобы жить в здешнем убожестве, и с трудом припомнила, что вообще привело ее сюда.

Она посмотрела на Брианну и ее сына; сейчас, когда гнев унялся, они были для нее не объектами ненависти или жалости, а всего лишь чужими, посторонними людьми, которые погрязли в повседневных мелочах. Кэтрин повернулась и, выйдя на крыльцо, вонзила крюк в стену дома — то был жест отчаянной решимости, она как бы запирала дверь перед злобой, выбирая путь, который ведет в неведомые края. Кэтрин покинула Хэнгтаун, так и не удовлетворив законное любопытство Тима Уидлона, взобралась на спину Грианула, двинулась напрямик через лес, пересекла вброд несколько ручьев и не заметила, как ступила с тела дракона на соседний холм. Три недели спустя она достигла Кабрекавелы, небольшого городка на противоположном конце долины Карбонейлс, и там, на камни, которые подарил ей Молдри, купила себе дом, поселилась в нем и принялась писать о Грианула. Из-под ее пера вышли не воспоминания, а научный трактат, в послесловии к которому содержался ряд замечаний чисто метафизического свойства; она не желала расписывать свои приключения, ибо считала, что они значительно проигрывают в сравнении с действительностью, то бишь с физиологией и экологией дракона. После издания книги, названной «Тысячелетие сердца», автор ненадолго стала знаменитостью, но поскольку она, как правило, отказывалась от большинства суливших выгоду предложений, об успехе быстро забыли, а Кэтрин вполне довольствовалась тем, что делилась своими знаниями с учениками местной школы и приезжающими к ней из Порт-Шантея учеными. Среди последних ей встречались коллеги Джона Колмакоса, однако она предпочитала умалчивать о своем знакомстве с ним. Быть может, она хотела помнить Джона таким, каким знала его, и не более, а может, эта частичка ее прошлого до сих пор причиняла ей боль. Но вот через пять лет, после того как Кэтрин возвратилась в мир людей, она по весне сочеталась браком с одним из ученых по имени Брайан Окои, человеком, который сильно напоминал Джона Колмакоса. Далее о ней мало что известно, за исключением того, что она родила двух сыновей и вела дневник, который пока не опубликован. Впрочем, молва утверждает — как и об остальных, кто, вроде Кэтрин, верил в своих драконов, замурованных в толщу земли, верил и был убежден, что связь, пускай даже мнимая, с богоподобным существом позволяет им безгранично расширить пределы этого мира-тюрьмы, — что до конца своих дней она жила счастливо, а умерла оттого, что разорвалось сердце.

Перевел с английского
Кирилл КОРОЛЕВ.

Виктор Ерофеев

СЮРРЕАЛИЗМ РЕАЛЬНОСТИ

В одном из давних интервью писатель и литературовед Виктор Ерофеев заявил, что Россия – рай для писателя, но ад для читателя. Эта мысль неплохо характеризует мир повести Люциуса Шепарда. Роман самого Ерофеева «Русская красавица», с успехом иллюстрируя этот же тезис, построен на том, что автор называет «мифо-поэтическим сознанием народа», он эти мифы обыгрывает и пародирует, делая реальностью самые невероятные фантазии. Представить себе, что в этих фантазиях кому-то приходится жить, трудно, а порой невозможно. По нашей просьбе обозреватель «МН» Елена Веселая беседует с автором о способности народа творить новые мифы. Предлагаем читателям сопоставить интервью со статьей Б.Шлендера «Американский идеал» – весьма занятные могут появиться наблюдения...

Я убежден, что мифы будут всегда – и культурные, и не культурные. Это сама основа человеческого сознания – мифотворчество. Я думаю, что мы сочинили даже реальность, в которой живем. Если на эту реальность посмотреть собачьими или кошачьими глазами, это будет совершенно другое. Во-вторых, мы сочинили собственный язык – это дырявая волейбольная сетка, которая наброшена на мир, и чтобы закрывать эти дыры, нужно создавать определенные мифы. Большие мячи, то есть общие, центральные идеи, не пролетают, а маленькие пролетают, и мы их как-то не замечаем, а маленькие-то самые важные. И для того чтобы не допускать пролета, это все накрывается определенной мифической вуалью, или мифо-поэтическим сознанием.

Меня всегда удивляла разница в восприятии мира между умными и глупыми людьми. Поскольку мир – это торжествующая глупость, я всегда думал: ну какой же должен быть редуцированный и идиотический мир в представлении дурака! А потом я подумал, что умный человек – это тоже не предел, можно идти и дальше, и, видимо, система постижения мира настолько в этом смысле иерархична, что каждый уровень интеллекта рождает свои собственные мифы. Так что это не только языковая проблема, но и проблема ума.

– Мне кажется, мир в представлении дурака предельно ясен. Дурак может все объяснить...

– Мы рассматриваем мир в системе простых оппозиций – тяжелый/легкий, светлый/темный. Наверное, мир строится по какой-то более сложной, не бинарной системе оппозиций. Дурак, объясняя мир, совсем его топит и губит – но еще больше губит мир отсутствие воображения.

Я так воспринимаю зарождение мифа: он рождается в разных уровнях интеллектуального сознания и одновременно в разной степени воображения. Например, литературные критики считают, что очень важна идея влияния, она ставится чуть ли не в центр критики, что свидетельствует просто об отсутствии воображения. На самом деле, писателю не надо ничего заимствовать. Он просто быстро все довоображает. И в общем, меня сейчас очень беспокоит, что в основном все мифы, в которых мы живем, – очень глупые и скучные. Они выпадают в осадок или в форме народных мудростей, или в виде рекламных объявлений. И мы в конце концов живем в жутко редуцированном мире. Это касается и самых мелких проблем: «пойти ботинки почистить», и Бога. Поэтому никакого отношения к реальности, если говорить всерьез, это не имеет. Имеет отношение к выживанию, к самонастраиванию на выживание. Система выживания порождает миф оптимистически-бодрого редуцированного сознания, которое торжествует над всем – в форме американского прагматизма, или русского идеализма, или немецкого отношения к труду...

Вообще реальность, с которой надо считаться, – присутствие бесконечных вульгарных мифов, которые только множатся.

– Но они все же меняются?

– Конечно, в зависимости от культурного контекста они видоизменяются, но эта довольно печальная идея повторения, которая просматривается у Джойса, например, в «Улиссе», к сожалению, слишком верна, потому что повторения больше, чем движения, а идея совершенствования все реже и реже приходит в голову.

Но умный человек с воображением – как красивый и богатый, почти исключение, – этого все равно недостаточно. Поэтому меня поражает наглость людей, которые легко рассуждают о религии, о Боге. Если с точки зрения религиозного сознания Бог существует как реальность, то он все равно никак не связан с тем Богом, который создан людьми. Я сейчас прочитал очень грустную книгу «Исторический путь православия» – священник о.Александр(Шмеман) хотел воспеть путь православия, но, когда читаешь не изнутри, а извне, видно, какой это был бесконечный ужас – все эти споры и трактовки. Удивительно, что человеческое сознание выносило хотя бы приемлемый образ Бога в христианстве, но даже если самым вульгарным способом логически развивать идею Бога, то можно зайти гораздо дальше, чем эти христологические богословские споры. Веками спорили об очевидных вещах и, естественно, создавали миф Христа. Это не было откровением, это был сработанный, при очень большом влиянии византийских императоров, миф о Боге. И этот свежевыкрашенный Бог имеет очень отдаленное отношение к тому, который породил мир.

Есть такое французское слово «питтинесс» – мелочность, ничтожность даже. Мне кажется, что этим сейчас славен человек. Просто поразительно, насколько прочно люди способны находиться в плену своей глупости. И в конце концов то, к чему мы пришли, – демократия, это тоже не только крушение мечты о каком-то другом уровне человека, это просто негодный конец. Из этого уже не выберешься. Из коммунизма можно было выползти, а из этого некуда. Это как бы приговор – демократия. Как Америка – ну куда она вылезет? Уже никуда, все видно. И самое печальное, что нет альтернативы, – как бы по размеру, по ноге эта демократия людям.

– Но это происходит во многих странах. Что все-таки порождает мифы?

– Воля к жизни. Миф – это форма психологической стабилизации.

– У русского народа особая склонность к мифотворчеству. Почему?

– Наверное, из современных народов, которые населяют Европу, у русских наиболее архаичное сознание. Цивилизация и мифы находятся в довольно сложных взаимоотношениях, и

скорее всего цивилизация — это постепенный триумф индивидуализма. А у нас коллективистское сознание, и ему необходимо выстраивать какие-то схемы, которые дают возможность существовать в коллективе. Поэтому у нас мифы власти, мифы любви, мифы смерти достаточно сильны и прямо прослеживаются со времен былин и народных преданий. Потом, Ленин был прав, хотя и не ему эта мысль принадлежала, что у нас до сих пор две культуры. Если одна культура — европеизированная, русская европейская культура, которая с XIX века укреплялась в творческом индивидуализме, то вторая культура — крестьянская, народная, и она принадлежит коллективистскому сознанию. Я думаю, укорененность этой культуры в пословице, частушке, анекдотв — это область, где фиксируется мифологическая мысль русского народа. Вообще, слово «народ» — это тоже великий миф русской культуры. Идея народа — собирательно-ирреальная, но с другой стороны, можно сказать, что он все-таки есть.

Если представить себе, как народ мыслит о власти, как он мыслит о всех наших переменах, которые сейчас происходят, какими формулами он питается, то видно, что любой факт осмысляется мифо-поэтически. Любая перемена воспринимается, как метафора перемены, фактически не наполняется реальным историческим содержанием. Наверное, нужно действительно говорить о том, что народ внеисторичен, поскольку неукоренен в истории, а больше укоренен в поэтике мифа или в поэзии мифа. Это не хорошо и не плохо. То есть хорошо для культуры, потому что здесь можно разыгрывать Бог знает что, это и делалось тем же Пушкиным, и Достоевским, и Толстым. Но плохо то, что от такого архаического народа очень трудно ожидать адекватной реакции на какие-то исторические события. Это исторический паралич воли, который ведет к тому, что самые глубокие события и перемены не замечаются, замечаются какие-то иные вещи. У народа собственные точки отсчета. Собственно, и языки разные: когда разговариваешь, язык русского интеллигента абсолютно неприемлем, приходится переключаться на какие-то другие коннотации. И это не триумф двух культур, а постоянное недопонимание.

—Вы могли бы нарисовать портрет русского человека-мифа? Что русский человек в мифологическом плане думает сам о себе?

— У меня всегда было ощущение, что самосознание не самая сильная черта русского человека. Вообще, самосознание — это проявление глубокого индивидуализма. Я думаю, он как раз ничего этого о себе не думает.

— Значит, он думает о себе коллективном?

— О себе коллективном он думает совершенно полярные вещи. Сейчас, например, он считает, что американцы все скупили или просто у него все забрали. При этом он думает, что он самый лучший, а нынче его обидели. А с другой стороны, он все равно до сих пор себя считает «недоделанным», убежден в том, что у самого ничего не получится, и должен быть кто-то, кто гораздо лучше умеет, — такое абсолютно беспомощное уважение к чужому. Надо сказать, и то, и другое несовместимо, если думать в историческом аспекте. А в мифо-поэтическом плане это нормально. Сила и бессилие, соединение несоединимых качеств. Кстати, это свойство сюрреализма, как учат в учебнике — разорванный образ, не доведенный до общего знаменателя, а подвешенный в воздухе. Для культуры все это очень красиво, из этого можно что угодно лепить, но это не базис для правового государства, не основа парламентаризма...

— При этом есть в народе убеждение, что Россия должна сказать миру новое слово...

— Нам как бы изначально эта идея задана, просто она вечно извращается. Если выбросить все славянофильские измышления, а с другой стороны, освободиться от западнических, то можно сказать, что Россия — замечательная площадка для соединения двух могучих центров культур, западного активистского и восточного созерцательного сознания, которое переходит от созерцания к умному действию, почти к монашескому кодексу. И если представить себе на минуту, что русский человек нашел в себе возможность соединить это, это было бы не такой уж глупой идеей. У нас не только в крови, но и по замыслу русской культуры и русской истории это как бы заложено: хорошая восточная подкладка трехсотлетнего общения с монголами, и с другой стороны, вечная тяга к Западу, связанная всегда с извращением, даже не от Петра, а от Ивана IV, который тоже был своеобразным западником.

Просто, видимо, человек слаб, и русский человек в особенности, потому что ноги разъезжаются, и вместо плюсов, которые могли случиться, все превращается в минусы, то есть все эти возможности оказываются сидением между двух стульев. Вместо большого и неожиданного, нового мифа соединения двух культур создается сюрреалистическое сознание, раздрызг, паралич воли. Люди не те и не другие. В них нет уже той мусульманской жестокости, которую мы наблюдаем на наших южных границах — захватнической энергии, энергии победителя, но нет и всепонимания. Славянофилы, наверное, изначально были более правы, чем западники. Но это крах мечты еще более обидный, чем западнический крах — подумаешь, русские не такие, какими можно их представить. А здесь-то русские как раз прямо противоположны тому, какими можно их представить. Но интересно, что на каких-то вершинах культуры, на высотах ее эти минусы опять оборачиваются плюсами. Эта ситуация и порождает мифо-поэтическое сознание, которое очень стимулируется параличом воли.

Здесь и язык важен. Русский язык очень показателен. Он опять-таки в своем идеале мог бы быть языком, который соединял две суммы культур. Получив в своей основе такие разностилистические, разнолексические формулы, русский язык мог бы быть очень мощным. Но здесь деградация тоже налицо. Языковая магия и бесценная безынформативность языка, которая позволяла ему быть большим, чем он есть, и в этом его литературная сила, — превратились просто в язык дубовый, казенный и мертвый. Это очень интересно, но совершенно не исследовано.

— Другим народам уроки идут впрок, они как-то выкарабкиваются из трудных ситуаций. А мы, несмотря на рефрен «Так жить нельзя!», все на том же месте. Наш народ безнадежен, по-вашему?

— Я не утверждаю, что Россия безнадежна. Думаю, что у России было несколько довольно приятных периодов в истории, но совсем коротких. И начало века явно принадлежит к ним — Серебряный век и строительство Москвы — три четверти города было построено тогда за какие-то 30 лет, и сильные люди были не только в культуре, но и в политике, и в строительстве. Но мне кажется, что это чуть ли не греческий расцвет, после которого наступает полоса затмения. По крайней мере, сейчас, если смотреть на культуру, то это довольно печальное зрелище. Какие-то совсем элементарные страхи, и тоже мифо-поэтические, хотя и связанные с чувством паники по поводу того, что кушать хочется, а в кармане пусто. Потому культура-то была парализована, она паразитировала на несвободе, на безграмотности, люди были неинформированы, значит, можно было паразитировать на информации, люди были несвободны, значит, можно было паразитировать на 1/8 свободы.

Те потенции самостоятельного и оригинального развития, которые у нас есть, уж больно укороченные, а европейское начало все время разражается приступами дурного подражания.

Так что я не знаю, откуда силы возьмутся. Андрей Белый писал: до чего дошли, Гегеля переводят на русский язык. Что же, уже не могут читать в подлиннике? Он писал, совершенно не делая из этого снобистских выкрутасов, просто удивлялся. Бердяев походя нашел 300 с чем-то грубых ошибок в работе Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», не заглядывая в справочники. Все эти люди по сравнению с нынешними умами просто блестящи. И они ошибались, но нам-то еще надо дорасти до их ошибок!

Течет красавица-Ока
Среди красавицы-Калуги
Народ-красавец ноги-руки
Под солнцем греет здесь с утра

Днем на работу он уходит
К красавцу черному станку
А к вечеру опять приходит
Жить на красавицу-Оку

И это есть, быть может, кстати
Та красота, что через год
Иль через два, но в результате
Всю землю красотой спасет

Дмитрий Александрович Пригов.

ГИПОТЕЗА

Клиффорд Саймак

Золотые жуки

День начался отвратительно. Артур Белсен, живущий напротив, по ту сторону аллеи, уже в шесть утра врубил свой оркестр, заставив меня подпрыгнуть в постели.

Белсен, да будет вам известно, инженер, но его страсть — музыка. И поскольку он человек технически подкованный, то не довольствуется тем, чтобы наслаждаться ею в одиночестве. Ему просто необходимо привлечь на свою сторону всех соседей.

Год или два назад его посетила идея создать симфонию, которую исполняли бы роботы и, надо отдать ему должное, оказался близок к ее реализации. Погрузившись в работу, он создал машины, способные читать — да, не просто играть, но читать музыку прямо с нот. Понятно, что попутно он сотворил машину для транскрипции нот. Затем сделал их добрый десяток, разместив в мастерской и подвале.

Теперь он их испытывал.

Плоды его титанических изобретательских усилий требовали, собственно, доводки, настройки, отладки, а Белсен был весьма придирчив к звукам, которые они издавали — совместно и порознь. Он много и подолгу возился с ними (соседи наглухо закрывали ставни) пока не получал тот результата, который его на данный момент устраивал.

Одно время соседи стали поговаривать о линчевании, но дальше разговоров дело, к сожалению, не двинулось. В этом-то и беда наших соседей — на словах они способны на что угодно, но когда доходит до дела, тут же — в кусты.

Так что конца его творчеству не было видно. Белсену потребовалось больше года, чтобы настроить ударные, что само по себе не подарок. Теперь же он взялся за струнные, а это оказалось куда серьезнее.

Элен села на постели рядом, заткнув уши, но это ее не спасло. Белсен врубил свою пыточную машину на полную катушку, чтобы, как он говорил, лучше ее прочувствовать.

По моим прикидкам, к этому времени он наверняка разбудил всю округу.

— Ну началось, — сказал я, вставая с постели.

— Приготовить завтрак?

— А что остается? — отозвался я. — Еще никому не удавалось уснуть, когда Белсен погружен в работу.

Пока она готовила завтрак, я прогулялся в садик за гаражом поглядеть, как поживают мои георгины. Да, не буду скрывать: я просто влюблен в георгины. К тому же приближались выставки, и несколько моих любимцев как раз должно было расцвести к ее открытию.

Словом, я отправился в сад, но не дошел. Это тоже одна из особенностей нашего городка: человек начинает что-то делать без всякой надежды на завершение, потому что всегда найдется кто-то, кто насядет на него со своими разговорами.

Мне выпал Добби. Иначе — доктор Дарби Уэллс, добродушный старый чудак с бакенбардами, сползающими на щеки, живущий в соседнем доме. Мы так зовем его — Добби, и он ничуть не возражает, поскольку это в своем роде знак уважения, которое мы испытываем к нему. В свое время Добби был довольно известным энтомологом и преподавал в университете, а имя «Добби» ему придумали студенты.

Но теперь Добби на пенсии, и заняться ему особо нечем, если не считать длинных разговоров с каждым, кого удастся заполучить.

Едва заметив его, я понял, что погиб.

— По-моему, это прекрасно, — начал Добби, облокачиваясь на свой забор и открывая дискуссию, как только я подошел достаточно близко, чтобы его услышать, — когда у человека есть хобби. Но мне почему-то кажется, что не стоит столь настойчиво демонстрировать его всей округе.

— Вы имеете в виду это? — спросил я, тыча пальцем в дом Белсена, откуда неслись скрежет и кошачьи вопли.

— Совершенно верно, — подтвердил Добби, приглаживая седые бакенбарды с выражением глубокого раздумья на лице. — Но, заметьте, я ни на одну минуту не перестал восхищаться этим человеком...

— Восхищаться? — переспросил я. Бывают случаи, когда я с трудом понимаю Добби. Не столько из-за его манеры разговаривать, сколько из-за его способа мыслить.

— Верно, — подтвердил Добби. — Созданная им машина для чтения нот — весьма хитроумное сооружение. Иногда она мне кажется почти человеком.

— Когда я был мальчишкой, — сказал я, — у нас стояло механическое пианино, которое тоже неплохо играло.

— Да, Рэндолл, вы правы, — признался Добби, — принцип был похож, но все эти старые пианино лишь заученно бренчали, а машины Белсена создают собственную музыку.

— Должно быть, она для такой же механической аудитории, — ответил я, не выразив ни малейшего восхищения. — Все, что я слышал, — это полнейший бред.

Мы спорили о Белсене и его оркестре, пока Элен не позвала меня завтракать.

Едва я уселся за стол, как она принялась зачитывать свой «черный список».

— Рэндолл, — решительно произнесла она, — на кухне опять кишмя кишат муравьи. Они такие маленькие, что их почти не видно, зато пролезают в любую щель.

— Я думал, ты от них избавилась.

— Ну да, я отыскала муравейник и залила кипятком. На сей раз этим придется заняться тебе.

— Ладно, — пообещал я, — займусь.

— То же самое ты говорил и в прошлый раз.

— Я уже собрался, но ты меня опередила.

— Это не все. На чердаке в вентиляции завелись осы. На днях они ужалили девочку Джонсов.

Она собралась произнести еще что-то, но тут по лестнице скатился наш одиннадцатилетний сын Билли.

— Смотри, пап, — восторженно воскликнул он, протягивая небольшую пластиковую коробочку. — Таких я раньше никогда не видел!

Мне не было нужды спрашивать, кого он еще не видел. Я догадывался, что в коробочке очередное насекомое. В прошлом году — марки, в этом — насекомые, потому что рядом живет энтомолог, которому нечем заняться.

Я нехотя взял в руки коробочку.

— Божья коровка, — сказал я.

— А вот и нет! — возразил Билли. — Оно гораздо больше. И точки другие, и цвет. Оно золотое, а божьи коровки оранжевые.

— Ну тогда поищи его в справочнике, — нашелся я.

Парень был готов заниматься чем угодно, лишь бы не брать в руки книгу.

— Уже смотрел, — к моему удивлению, сообщил Билли. — Всю перелистал, а такого не нашел.

— Боже мой, — резко произнесла Элен, — сядь наконец за стол и позавтракай. Мало того, что житья не стало от муравьев и ос, так еще и ты целыми днями гоняешься за всякой мерзостью.

— Мама, это не мерзость, каждый образованный человек должен знать, что его окружает, — запротестовал Билли. — Так говорит доктор Уэллс. Он говорит, что в мире семьсот тысяч видов насекомых...

— Где ты его нашел, сынок? — спросил я, подыгрывая парню, а то Элен слишком круто взялась за него.

— Он полз по полу в моей комнате, — ответил Билли.

— В доме! — завопила Элен. — Мало нам муравьев!

— Покажу его доктору Уэллсу, — сообщил Билли.

— А не надоел ты ему? — спросил я.

— Как же, надоел! — сказала Элен, поджав губы. — Этот Добби и приучил его заниматься разной пакостью.

Я отдал коробочку. Билли положил ее рядом с тарелкой и приступил к уничтожению завтрака.

— Рэндолл, — сказала Элен, дойдя до третьего пункта обвинения, — я не знаю, что делать с Норой.

Нора — наша уборщица. Она приходит дважды в неделю.

— И что она на этот раз натворила?

— В том-то и дело, что ничего. Она ничего не делает. Даже пыль не вытирает. Помашет для вида тряпкой, и все. А уж переставить лампу или вазу, чтобы убрать под ними!..

— Ну, найди вместо нее кого-нибудь.

— Рэндолл, о чем ты говоришь? Попробуй найди в наше время уборщицу!.. Я беседовала с Эми...

Я слушал и вставлял по ходу дела междометия. Все это мне уже приходилось слышать раньше.

Сразу после завтрака я пошел в контору. Для посетителей было рановато, но я хотел заполнить несколько страховых полисов и сделать кое-какую работенку, так что лишний час-другой мне не помешал бы.

Вскоре после полудня позвонила взволнованная Элен.

— Рэндолл, — выпалила она без всяких предисловий, — кто-то швырнул валун в самую середину сада!

— Повтори, пожалуйста, — попросил я.

— Ну, знаешь, такую большую каменную глыбу. Она раздавила все георгины.

— Георгины! — завопил я.

— Самое странное, что нет никаких следов. Такую глыбу можно было привезти разве что на грузовике...

— Ладно, успокойся. Скажи мне лучше, камень большой?

— Да почти что с меня.

— Быть того не может, — возмутился я, но постарался взять себя в руки. — Это чья-то дурацкая шутка. В нашем городе шутников хватает.

Я перебрал в голове тех, кто решился бы на подобную канитель, но так ни на ком не остановился. Джордж Монтгомери? Но он человек занятой. Белсен? Тот слишком поглощен своей музыкой, чтобы отвлекаться на нелепые шутки. Добби? Но я не мог представить себе, чтобы он вообще когда-нибудь шутил.

— Ничего себе шуточка! — отозвалась Элен.

Никто из моих соседей, сказал я себе, на это бы не пошел. Все они знали, что я выращиваю георгины для выставки.

— Слушай, я скоро буду, — сказал я, — и посмотрю, что можно сделать.

Хотя сделать можно немногое — разве что оттащить валун в сторону.

— Я загляну к Эми, — предупредила Элен. — Постараюсь вернуться пораньше.

Я положил трубку и занялся работой, но дело не клеилось. В голове были одни георгины.

Перестав сражаться с собой сразу же после полудня, я бросил бумаги в стол, купил в аптеке баллончик с инсектицидом и отправился домой. Этикетка утверждала, что средство наповал сражает муравьев, тараканов, ос, тлей и кучу другой нечисти.

Когда я подошел к дому, Билли сидел на крыльце.

— Привет, сынок. Нечем заняться?

— Мы с Тонни Гендерсоном играли в солдатики, да надоело.

Я поставил баллончик на кухонный стол и отправился в сад. Билли молча последовал за мной.

Глыба лежала в саду, точнехонько в середине клумбы с георгинами, как и сообщила Элен. Вы-

глядел валун странно, то есть не так, как должен выглядеть кусок скалы. Он был чистого красного цвета и почти правильной шарообразной формы.

Я обошел камень вокруг, оценивая ущерб. Несколько георгинов уцелело, но лучшие погибли. Не было никаких следов, даже намека на то, каким образом эту глыбу доставили в сад. Она лежала в добрых десяти метрах от дороги, и чтобы перенести ее сюда из грузовика, потребовался бы кран, но и это невозможно, поскольку вдоль улицы протянуты провода.

Я подошел к валуну и внимательно рассмотрел его. Всю поверхность усеивали маленькие ямки неправильной формы, около полудюйма в глубину; были заметны и гладкие места, как будто часть первоначальной поверхности откололи. Более темные и гладкие участки блестели, словно полированные, и мне вспомнилась коллекция, которую я видел очень давно, у своего приятеля, увлекавшегося минералами.

Я наклонился поближе к одной из гладких, словно восковых, поверхностей, и мне показалось, что я различаю внутри камня волнистые линии.

— Билли, — спросил я, — сможешь ли ты узнать агат, если увидишь?

— Не знаю, пап. Но Томми сможет. Он собирает всякие разные камни.

Мальчик подошел поближе и стал рассматривать один из гладких участков, потом послюнявил палец и провел им по восковой поверхности. Камень заблестел, как атлас.

— Точно не знаю, — сказал он, — но вроде это агат.

Билли отступил назад и стал рассматривать камень с новым выражением лица.

— Послушай, пап, если это действительно агат — я хочу сказать, если это один большой агат — то он должен стоить кучу денег, правда?

— Не знаю. Возможно.

— Может, целый миллион!

Я покачал головой.

— Ну, не миллион, но...

— Я пойду приведу Томми, прямо сейчас!

Он молнией промчался мимо гаража, и пулей вылетел в ворота, направляясь к дому приятеля.

Я несколько раз обошел валун и попытался прикинуть его вес, хотя и не знал, как это делается.

Потом вернулся домой и прочитал инструкцию на баллончике с инсектицидом, снял колпачок и испробовал распылитель. Он был исправен.

Приготовившись, я опустился на колени у кухонного порога и попытался отыскать дорожку, по которой муравьи проникали в дом. Я не увидел ни одного, но знал по прошлому опыту, что они чуть крупнее песчинки и к тому же почти прозрачные, так что заметить их трудно.

Что-то блеснуло в углу кухни. Я присмотрелся. По полу катилась золотая капля, держась вблизи плинтуса и направляясь к ящику под раковиной.

Это была еще одна божья коровка.

Я направил на нее баллончик и прицельно брызнул, но насекомое, как ни в чем не бывало, продолжало свой путь и скрылось под ящиком.

Я возобновил поиски муравьев, но не обнаружил никаких следов. Ни один не появился на полу. Ни один не вылез из щели. Не было их ни в раковине, ни на столе.

С чувством выполненного долга я вышел, завернул за угол дома и начал операцию «оса». Я знал, что она окажется непростой. Гнездо располагалось в вентиляционном ходе чердака, и добраться до него будет трудновато. Разглядывая его с улицы, я решил: единственное, что мне остается — дождаться ночи, когда все осы уж точно окажутся там. Ну а я приставлю лестницу, подберусь к гнезду и задам им на полную катушку, после чего постараюсь слезть вниз с максимально возможной скоростью, но так, чтобы не свернуть себе шею.

Если честно, у меня было маловато желания выполнять эту работу, но интонации Элен за завтраком подсказывали, что на сей раз мне не отвертеться.

Около гнезда сновало несколько ос. Пока я смотрел, две осы показались из щели и замертво упали на землю.

Удивленный, я подошел поближе и обнаружил, что земля под гнездом усеяна гибнущими осами. Пока я их разглядывал, вниз упала еще одна, вяло дергая крылышками.

Я отступил в сторону, чтобы получше рассмотреть, что же происходит, но увидел лишь, как время от времени вниз падала очередная оса.

Итак, мне крупно повезло. Если кто-то убивает ос прямо в гнезде, то мне не придется возиться с ними.

Я уже было повернулся, чтобы отнести баллончик на кухню, когда с заднего двора прибежали запыхавшиеся Билли и Томми Гендерсон.

— Мистер Мардсен, — воскликнул Томми, — этот ваш камень и в самом деле агат. Ленточный агат.

— Что же, прекрасно, — отозвался я.

— Да вы не поняли! — воскликнул Томми. — Не бывает таких больших агатов, тем более ленточных. Они особенно ценные, а самый крупный — не больше вашего кулака.

Тут до меня дошло. Голова прояснилась, и я рванул бегом в сад. Ребята помчались следом.

Камень был прекрасен. Я протянул руку и погладил его. Это же надо, чтобы так повезло! Про георгины я к тому времени как-то забыл.

— Готов поспорить, — сказал мне Томми, глаза которого стали размером с тарелку, — что вы получите за него кучу денег.

Не стану отрицать: подобная мысль посетила и меня.

Я погладил камень просто для того, чтобы почувствовать его реальность.

Но камень покачнулся!

Удивившись, я толкнул сильнее, и он качнулся вновь.

Томми вытаращил глаза.

— Странно, мистер Мардсен. Вроде бы он не должен двигаться. Весит он с тонну, не меньше. Должно быть, вы очень сильный.

— Я не очень сильный, — ответил я. — По крайней мере, не настолько.

Неверной походкой я вошел в дом и убрал баллончик, потом вышел и уселся на ступеньки обдумать ситуацию.

Мальчишек не было видно. Наверное, они побежали рассказывать обо всем соседям.

Если это агат, как сказал Томми, — если это действительно один большой агат — то он должен представлять огромную музейную ценность, ну и, конечно, стоить соответственно. Но если это агат, почему он такой легкий? Его и десять человек не должны сдвинуть с места.

И еще, подумал я, какие права я могу на него предъявить? Он оказался на моей земле — это уже кое-что. Но если появится кто-нибудь другой и сообщит более веские доводы в пользу своей собственности?

И вообще, как он, в конце концов, попал ко мне в сад?

Все это еще не успело осесть у меня в голове, когда из-за угла выкатился Добби и уселся рядом со мной на ступеньки:

— Удивительные происходят вещи, — сказал он. — Я слыхал, что у вас в саду появился громадный агат.

— Так мне сказал Томми Гендерсон. Думаю, он не ошибся. Билли говорил, что он увлекается камнями.

Добби поскреб бакенбарды.

— Великая вещь — хобби, — сказал он. — Особенно для ребят. Они многое узнают.

— Ага, — вяло отозвался я.

— Ваш сын принес мне сегодня после завтрака насекомое.

— Я велел ему не беспокоить вас.

— Он поступил совершенно правильно, — сказал Добби. — Такого я еще не видел.

— Смахивает на божью коровку.

— Да, — согласился Добби, — определенное сходство есть. Но я не уверен... Честно говоря, я не уверен даже в том, что это насекомое. Оно больше похоже на черепаху, чем на жука. У него нет никакой сегментации тела, которая присуща любому насекомому. Внешний скелет чрезвычайно тверд, голова и ноги прячутся под панцирь, и полное отсутствие усиков!

Он с легким недоумением покачал головой.

— Конечно, визуального обследования недостаточно. Необходимо детальное изучение, прежде чем я попытаюсь классифицировать экземпляр. Вам, случайно, не доводилось найти еще несколько?

— Не так давно я видел, как один полз по полу.

— Вам не трудно будет в следующий раз, когда вы их увидите, поймать для меня одного?

— Ничуть, — сказал я. — Постараюсь отловить для вас парочку.

Я решил сдержать слово. После того, как он ушел, я спустился в погреб. Мне попались на глаза несколько жуков, но поймать я не смог ни одного. Пришлось плюнуть и признать поражение.

После ужина ко мне заглянул Артур Белсен. Он весь дрожал, но в этом не было ничего странного. Он вообще человек нервный, смахивает немного на птицу, и чтобы вывести его из равновесия, больших усилий не нужно.

— Я слышал, что камень в вашем саду оказался агатом, — сказал он. — Что вы собираетесь с ним делать?

— Пока не знаю. Продам, наверное, если кто-нибудь захочет купить.

— Он может стоить приличную сумму, — сказал Белсен. — Вы не должны оставлять его в саду просто так, без охраны. Кто-нибудь может его стащить.

— Ну, знаете, это уж как получится, — сказал я. — Сам я не в состоянии сдвинуть его с места и не собираюсь сторожить его всю ночь.

— А вам и не нужно сторожить его всю ночь, — сказал Белсен. — Я все устрою. Мы сможем окружить его проводами и подключить к ним сигнализацию.

Его слова не произвели на меня большого впечатления, но переубедить его не удалось: он вцепился в эту идею, как клещ. Белсен сходил в свой подвал, вернулся с мотком проводов и инструментами, и мы принялись за работу.

Провозились мы часов до одиннадцати, протягивая провода, и установили сигнальный звонок возле кухонной двери. Элен наблюдала за нами без одобрения. Она не выносила беспорядка и не собиралась менять свои принципы из-за какого-то агата.

В середине ночи звонок выбросил меня из постели, и я долго соображал, что случилось. Вспомнив наконец, в чем дело, я бросился вниз по лестнице. На третьей ступеньке я наступил на что-то скользкое и загремел вниз. Пересчитав все ступени, я уже было смирился с судьбой, но тут на голову мне рухнула лампа. Затихнув, я привалился к стулу.

Мраморный шарик, подумал я.

Проклятый мальчишка опять расшвырял их по всему дому. А мне казалось, он уже вырос из этого возраста. Ну ничего, он узнает, как бросать шарики на лестнице!

В ярком лунном свете, льющемся в окно, я увидел один из этих шариков. Правда, он не лежал себе спокойно, а двигался. Он быстро полз — не катился, а п о л з! И было еще много таких шариков, бегающих по полу. Блестевших в лунном свете золотых шариков.

Но это еще не все. В центре комнаты стоял холодильник!

Звонок продолжал громко трезвонить. Поднявшись, я отшвырнул лампу и двинулся к двери на кухню. Элен что-то кричала за моей спиной, стоя на лестнице.

Открыв дверь, я побежал босиком вокруг дома по мокрой от росы траве.

Возле глыбы дергалась изумленная собака. Она ухитрилась запутаться ногой в одном из дурацких проводов, и теперь танцевала на трех лапах, пытаясь освободиться.

Я заорал на нее, вложив в ругань все свое раздражение. Пес резко дернулся и освободился, потом побежал прочь по улице, болтая ушами.

Звонок захлебнулся.

Повернувшись, я поплелся к дому, чувствуя себя последним дураком.

Неожиданно я вспомнил холодильник, стоявший посереди комнаты. Здесь что-то не так, подумал я. Он был на кухне, и никто его не передвигал. Во-первых, не было никаких причин тащить его в

комнату — его место на кухне. Никому бы и в голову не пришло его двигать, а если бы и пришло, то от поднятого шума проснулся бы весь дом.

Нет, это мне просто почудилось. Проклятый камень и жуки довели до ручки, и мне уже стало мерещиться черт знает что.

Но оказалось, что нет.

Холодильник стоял в центре комнаты. Штепсель был выдернут из розетки, шнур валялся на полу. Вытекшая из холодильника вода впиталась в ковер.

— Мой ковер! — завопила Элен. — И вся еда пропадет...

По ступенькам спускался спотыкающийся и сонный Билли.

— Что случилось? — спросил он.

— Не знаю.

Я чуть было не сообщил ему о бегающих по дому жуках, но вовремя остановился. Не стоило еще больше заводить Элен.

— Давайте поставим этот сундук на место, — предложил я насколько мог небрежно. — Втроем мы справимся.

Пыхтя и сопя, мы водворили холодильник на место и включили. Элен, отыскав тряпку, взялась за спасение ковра.

— А кто был у камня, пап? — спросил Билли.

— Собака, — ответил я. — И никого больше.

— Я с самого начала выступала против этой затеи, — объявила Элен, стоя на коленях и промакая ковер тряпкой. — Сплошная глупость! Никто бы этот камень не украл. Эту штуку просто так не поднять и не унести. Твой Артур Белсен просто псих.

— Тут я с тобой согласен, — уныло подтвердил я, — но он человек добросовестный и целеустремленный, и в голове у него одни механизмы...

— Мы всю ночь не сомкнули глаз, — сказала она. — Нам предстоит еще не раз вскакивать и выпутывать из проводов бродячих кошек и собак. И я не верю, что этот камень из агата. Почему я должна верить Томми Гендерсону?

— Томми разбирается в камнях, — сказал Билли, стойко защищая честь своего приятеля. — Если он увидит агат, то ни с чем не спутает. У него дома этих агатов — целая коробка из-под ботинок! Он их сам нашел!

Спорим-то мы о камне, подумал я, хотя, положим, прежде всего нас должен волновать холодильник, его непонятное перемещение. И тут мне в голову пришла мысль — смутная, ускользающая, возникшая неизвестно откуда.

Я попытался отогнать ее, как назойливую муху, но она вернулась, впилась в меня и зажужжала прямо в голове:

«Что если есть какая-то с в я з ь между холодильником и жуками?

Элен поднялась.

— Вот, — с вызовом произнесла она, — это все, что я смогла сделать. Надеюсь, ковер не придется выбрасывать.

«Но жук, — подумал я, — жук не может сдвинуть холодильник. Ни один жук, ни тысяча. Более того, ни один жук не захочет этого делать. Жукам наплевать, где он стоит — в кухне или в комнате».

Элен вела себя по-деловому. Она повесила сушиться мокрые тряпки, потом прошла в комнату и выключила свет.

— Можно ненадолго прилечь, — сказала она. — Если повезет, может быть, удастся задремать.

Я подошел к приколоченному возле кухонной двери звонку и выдрал из него провода.

— Вот теперь, — сказал я, — мы попробуем уснуть.

Если честно, то на это я не надеялся. Я решил, что всю ночь буду думать о холодильнике...

В половине седьмого меня разбудил оркестр Белсена.

Элен села и заткнула уши.

— Боже, только не это!

Я поднялся и закрыл окно. Стало немного тише.

— Накрой голову подушкой, — посоветовал я.

Одевшись, я спустился вниз. Холодильник по-прежнему стоял на кухне, так что претензий к нему не было. По полу ползало несколько жуков, но они ничего не грызли, не ломали и не дырявили.

Я приготовил завтрак, потом отправился на работу. Уже второй день я приходил в контору спозаранку. Если так пойдет и дальше, сказал я себе, соседи непременно соберутся и вышвырнут отсюда Белсена вместе с его симфонией.

Дела шли неплохо. За утро я заключил три контракта на страховку и договорился о четвертом.

Когда я вернулся в контору после обеда, меня уже поджидал некий тип с безумными глазами.

— Вы Мардсен? — брякнул он. — Тот, у которого агатовая глыба.

— Так мне сказали, — ответил я.

Человек этот был невысок, одет в потрепанные брюки цвета хаки и грубые ботинки. На поясе висел геологический молоток — одна из тех штук с молотком на одном конце головки и острым отбойником на другом.

— Я услышал о нем, — сказал человек возбужденным и немного воинственным тоном, — и не смог поверить. Таких больших агатов не бывает.

Мне не понравился его тон.

— Если вы пришли сюда спорить...

— Вовсе нет, — сказал он. — Меня зовут Кристиан Барр. Как вы поняли, я геолог-любитель. Увлекаюсь этим делом всю жизнь. У меня большая коллекция. Призы на множестве выставок. И я подумал, что если у вас такой образец...

— И что?

— Словом, если у вас такой камень, я мог бы его купить. Но сначала мне надо на него взглянуть.

Я нахлобучил шляпу.

— Пошли.

Увидев камень, Барр закружил вокруг него, впав в транс. Он слюнявил палец, смачивая гладкие места валуна. Он наклонялся, любовно разглядывая его. Он щупал. Он бормотал что-то себе под нос.

— Ну? — спросил я.

— Это агат, — сказал Барр, затаив дыхание. — Очевидно, цельный, одной глыбой. Посмотрите на эту неровную, пупырчатую поверхность — это обратный отпечаток вулканической полости, внутри которой он образовался. А здесь — характерная крапчатость. И в тех местах, где поверхность надколота, видны раковинообразные вкрапления. И, конечно, есть признаки ленточности.

Он отцепил от пояса молоток и слегка стукнул по глыбе. Она загудела, словно огромный колокол.

Барр застыл, у него отвисла челюсть.

— Тут что-то не так, — объяснил он, как только пришел в себя. — Звук такой, словно камень полый.

Он стукнул еще раз. Глыба вновь загудела.

— Агат — удивительный камень, — сообщил он. — Тверже самой лучшей стали. Вы могли бы сделать из него колокол, если бы только сумели его обработать.

Он прицепил молоток к поясу и, пригнувшись, стал осматривать глыбу со всех сторон.

— Возможно, это «громовое яйцо», — пробормотал он. — Нет, не может быть. У «громового яйца» агат находится внутри, а не снаружи. К тому же агат — ленточный, а подобные в «громовый яйцах» не встречаются.

— Что такое «громовое яйцо»? — спросил я, но он не ответил. Сидя на корточках, он разглядывал нижнюю часть глыбы.

— Мардсен, — спросил он, — сколько вы за него хотите?

— Назовите сумму сами, — ответил я. — Понятия не имею, сколько он может стоить.

— Даю тысячу за такой, какой он есть.

— Не согласен, — отрезал я. Не скажу, что этого было мало, но в принципе глупо соглашаться с первой же названной суммой.

— Не будь он полый, — рассуждал Барр, — то стоил бы гораздо дороже.

— Вы не можете знать наверняка, полый он или нет.

— Вы же сами слышали, как он звучал.

— А что если он так и должен звучать.

Барр потряс головой.

— Здесь все неправильно, — пожаловался он. — Ленточные агаты не бывают такими большими. Ни один агат не бывает полым. И вы не знаете, откуда он взялся.

Я не ответил ему. Что я мог сказать?..

— Посмотрите, — заметил он. — Здесь дыра. Вон в самом низу.

Я согнулся и посмотрел туда, куда указывал его палец. Там была круглая аккуратная дырка не более полудюйма диаметром. И с четкими краями, словно ее высверлили.

Барр пошарил вокруг и нашел ветку, которую очистил от листьев. Она вошла в дыру фута на два.

Барр отклонился назад и замер, глядя на валун.

— Он пустой, это точно.

Я не обращал на него особого внимания, потому что меня понемногу стал прошибать пот от еще одной сумасшедшей мысли: «Эта дыра как раз такого диаметра, который нужен для одного из тех чертовых жуков, чтобы они сумели вылезти».

— Вот что я вам скажу, — произнес Барр. — Даю две тысячи и забираю прямо сейчас.

Я затряс головой, пытаясь отделаться от сумасшедшей мысли, которая связала воедино золотых жуков и агатовую глыбу. Я вспомнил, что почти так же соединил жуков и холодильник — хотя каждому нормальному человеку понятно, что жуки не могут иметь никакого отношения к холодильнику. Да и к глыбе.

Пусть это не совсем обычные жуки, но все же жуки. Они задали задачку Добби, но сам же Добби первый и скажет, что есть еще много не известных науке насекомых. Могут быть виды, которые внезапно появляются из ниоткуда и начинают процветать благодаря какому-то капризу экологии.

— Так вы говорите, — спросил удивленный Барр, — что не возьмете две тысячи?

— Что? — спросил я, вернувшись на землю.

— Я только что предложил вам две тысячи за эту глыбу.

Я посмотрел на него, долго и пристально. Он не был похож на человека, способного выбросить две тысячи ради хобби. Скорее всего, он углядел стоющую вещь и хочет приобрести ее за бесценок. Ему хочется захапать эту глыбу раньше, чем я узнаю ее истинную цену.

— Мне хотелось бы подумать, — осторожно произнес я. — Если я соглашусь на ваше предложение, то как смогу с вами связаться?

Он грубовато ответил и попрощался довольно сухо. Барра разозлило, что я отказался от двух тысяч. Его раздраженные шаги разносились по саду. Чуть позже я услышал, как он завел свою машину и уехал.

Я сидел на корточках и гадал, стоит или не стоит соглашаться на две тысячи. Это большие деньги, и они мне пригодились бы. Но слишком уж он разволновался и чересчур жадно смотрел на камень.

Зато в одном я теперь был уверен. Я не должен бросать глыбу в саду. Это слишком ценная штука, чтобы оставлять ее без присмотра. Надо постараться перетащить ее в гараж, который можно запереть. У Джорджа Монтгомери есть блок и тачка. Может, я смогу их одолжить и передвинуть камень.

Я направился к дому, чтобы сообщить Элен хорошие новости, хотя и был уверен, что она прочтет мне целую лекцию о том, чтобы я не продешевил.

Жена встретила меня у двери кухни, обняла и даже поцеловала.

— Рэндолл, — проворковала она, — это просто чудесно!

— Согласен, — ответил я, недоумевая, как она смогла обо всем узнать.

— Ты только посмотри на них! — воскликнула она. — Жуки чистят весь дом!

— Что они делают?! — рявкнул я.

— Пойди посмотри, — настаивала она. — Мог ли ты представить что-нибудь подобное? Все просто сверкает!

Я поплелся за ней в комнату. То, что предстало моему взору, вызывало удивление, граничащее с ужасом.

Они работали целыми батальонами и весьма целеустремленно. Одна группа обрабатывала спинку кресла, взбираясь по ней в четыре шеренги. Зрелище потрясало: верхняя часть спинки была пыльной и тусклой, а нижняя сияла, как новенькая.

Другой батальон полировал стол, еще один трудился в углу над плинтусом, третий — наводил блеск на телевизор.

— Они вычистили весь ковер! — взвизгнула от восторга Элен. — В этом углу уже ни пылинки. Несколько жуков забралось в камин. Нору я не могла

заставить даже наклониться над ним. А теперь мне не нужна Нора. Рэндолл, эти жуки сэкономят нам двадцать долларов в неделю, что мы платили Норе! Ты не будешь против, если я возьму эти двадцать долларов? Мне так много нужно купить! У меня уже тысячу лет не было нового платья, да и еще одна шляпка не помешала бы. А на днях я видела такие прелестные туфельки...

— Но жуки! — рявкнул я. — Ты же боишься жуков. Ты их терпеть не можешь. К тому же жуки не чистят ковров. Они их жрут.

— Эти приличные жуки, — запротестовала Элен. — Они совсем не похожи на муравьев и пауков, такие чистенькие, такие опрятные. Просто прелесть. Мне так нравится следить за их работой. Просто чудо, как они собираются в кучки, чтобы приняться за дело. Они лучше пылесоса. Только проползут над чем-нибудь, и вся пыль и грязь исчезает!

Я стоял, глядя, как усердно трудятся жуки, и чувствуя ледяные пальцы на своем позвоночнике. Неважно, что это противоречит здравому смыслу, только все, что я думал о холодильнике и камне, оказалось чудовищной истиной.

— Я позвоню Эми, — прощебетала Элен, направляясь на кухню. — Глупо скрывать такое счастье. Быть может, мы подарим ей несколько жуков? Как ты считаешь, Рэндолл? Всего пару-тройку, а потом они и у нее разведутся.

— Эй, подожди-ка! — окликнул я. — Это не жуки.

— А мне все равно, кто они такие, — небрежно отозвалась Элен, набирая номер Эми. — Главное — они умеют чистить дом.

— Но, Элен, если ты меня выслушаешь...

— Ш-ш-ш, — игриво произнесла она, — как я смогу разговаривать с Эми, если ты... Алло, Эми, это я!..

Я увидел, что это безнадежно и, признав свое полное поражение, удалился.

Я направился в гараж, намереваясь расчистить место для глыбы.

Дверь была распахнута. Внутри усердно трудился за верстаком Билли.

— Привет, — произнес я насколько мог беззаботно. — Что ты мастеришь?

— Делаю ловушку для жуков, пап. Хочу поймать несколько. Томми мой компаньон. Он пошел домой за приманкой.

— Приманкой?

— Ну, да. Мы выяснили, что им нравятся агаты.

Я ухватился за дверной косяк, чтобы не упасть. События развивались слишком быстро, я не успевал освоиться с ними.

— Мы испытали ловушки в подвале, — сказал Билли. — Перепробовали кучу приманок. Ловили на сыр, на яблоки, на дохлых мух и кучу всякой всячины, но жуки на них не реагировали. У Томми в кармане был агат, маленький камешек. Мы попробовали ловить на него.

— Но почему агат, сынок? Самая неподходящая...

— Ну, понимаешь, мы перепробовали все...

— Да, — сказал я. — Теперь я понял вашу систему.

— Беда в том, — сказал Томми, — что ловушки приходится делать из пластика. Это единственное, что их удерживает. Иначе они тут же буравят дырку.

— Погоди-ка, — перебил я его. — Когда вы наловите жуков, то что сделаете?

— Продадим, конечно, — сказал Билли. — Мы с Томми решили, что они всем будут нужны. Как только люди узнают, что они умеют чистить дом, все захотят их иметь. Пока мы решили так: полдюжины за пять долларов. Куда дешевле пылесоса.

— Но разве могут шесть жуков...

— Они размножаются. Очень быстро, па. Два дня назад их было всего несколько штук, а теперь дом просто кишит жуками.

Билли снова занялся ловушкой. Повозившись немного, он спросил:

— Может, ты хочешь войти в долю? Нам нужен начальный капитал. Надо купить пластик, чтобы смастерить ловушки. Мы сможем на этом хорошо заработать.

— Послушай, сынок, ты уже продал кому-нибудь жуков?

— Знаешь, мы пробовали, но нам никто не поверил. Поэтому мы решили подождать, пока мама не растрезвонит о них на всю округу.

— А что вы сделали с теми, которых поймали?

— Отнесли доктору Уэллсу. Я вспомнил, что он попросил поймать несколько штук. Этих мы отдали бесплатно.

— Билли, я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

— Конечно. Что?

— Не продавай ни одного жука. По крайней мере сейчас. Пока я не дам знать.

— Но послушай, пап...

— У меня предчувствие. Я думаю, что эти жуки не с Земли.

— Мы с Томми решили, что вроде так оно и есть.

— Что?..

— Понимаешь, сначала мы решили продавать их просто как жуков, потому что они будто золотые и вообще забавные. Это еще до того, как мы узнали, что они также уборщики. Мы подумали: надо назвать их как-нибудь по особенному — чтобы лучше брали. И Томми предложил назвать их инопланетными жуками, ну, например, марсианскими. И тут мы задумались, и чем больше думали, тем больше нам казалось, что они и впрямь могли прилететь с Марса. Они же не насекомые, так сказал доктор Уэллс. И вообще ни на что не похожи...

— Ладно, — оборвал я. — Хватит!!!

Таковы современные дети. За ними не поспеваешь. Только сообразишь, как утроить дело, немедленно появляются они и сообщают, что все уже сделали сами.

— Сдается мне, — сказал я, — что, придумывая эту сказочку, вы не оставили без внимания вопрос их появления у нас?

— Знаешь, па, эта глыба в саду... мы нашли в ней дырку как раз размером с жука. Вот мы и решили, что это их корабль.

— Ты мне не поверишь, парень, — сказал я ему, — но я думаю точно так же. Хотя не могу понять, какой энергией они пользовались. Что заставляло глыбу двигаться?

— Ну, па, этого мы не знаем. Но, понимаешь, они

могли питаться глыбой, пока летели. Может, сначала их было всего несколько штук. Глыба была для них и кораблем, и домом, и едой. Они грызли агат изнутри, камень терял в весе, и двигать его становилось все легче. Но они были очень осторожны и не прогрызли в нем ни одной дырки, пока не сели и не пришло время вылезать.

— Но агат же — просто камень...

— Ты забыл, па, — нетерпеливо произнес Билли. — Я ведь тебе говорил, что агат — единственная приманка, на которую их можно поймать.

— Рэндолл, — сказал Элен, направляясь по дорожке к гаражу. — Если ты не возражаешь, я хотела бы взять машину и повидать Эми. Она просит, чтобы я ей рассказала про этих жуков.

— Поезжай, — согласился я. — Как ни крути, все равно день пропал. Могу остаться дома.

Она выехала, направляясь к шоссе, а я сказал Билли:

— Отложи-ка все, пока я не вернусь.

— А куда ты идешь?

— Повидаться с Добби.

Я нашел Добби развалившимся на скамейке под яблоней. Лицо у него прямо-таки сморщилась от раздумий.

— Рэндолл, — начал он, как только заметил меня, — у меня сегодня день печали. Всю жизнь я гордился своей профессиональной точностью в выбранной области науки. Но сегодня я изменил, причем сделал это сознательно, всем принципам экспериментального наблюдения и лабораторной работы.

— Кошмар, — согласился я, абсолютно не понимая, что он имеет в виду. Впрочем, здесь не было ничего необычного. Говоря с ним, частенько приходилось ломать голову над тем, куда же его понесло.

— Это все ваши чертовы жуки! — выпалил он.

— Вы хотели иметь несколько штук. Билли вспомнил и поймал их для вас.

— Я благодарен ему. Мне хотелось продолжить изучение. Вскрыть одного и посмотреть, как он устроен. Возможно, вы помните, что я упомянул о твердости их панцирей?

— Да, конечно, помню.

— Рэндолл, — печально произнес Добби, — поверите ли вы мне: этот панцирь оказался настолько твердым, что я не смог с ним справиться. Я не сумел его ни разрезать, ни проколоть. И знаете, что я тогда сделал?

— Понятия не имею, — буркнул я, надеясь, что он быстро доберется до сути, но торопить его было бесполезно. Отведенное ему время он всегда использовал полностью.

— Ну так я вам скажу! — вскипел Добби. — Я взял одного из этих мерзавцев и положил на наковальню! Затем схватил молоток и отвел душу. Скажу честно, я отнюдь не в восторге от того, что сделал. Молоток — во всех отношениях самая неподходящая лабораторная техника.

— Это как раз волнует меня меньше всего, — сказал я. — Важно то, что вы в итоге узнали о жуке...

И тут мне в голову пришла жуткая мысль.

— Только не говорите, что молоток его не взял!

— Как раз наоборот, — отметил Добби с некоторым удовлетворением. — Он прекрасно сработал. Разнес его в порошок.

Я утер пот со лба, сел на скамейку рядом с Добби и приготовился ждать. Торопить его — занятие бессмысленное.

— Удивительная вещь, — промолвил Добби. — Да, удивительнейшая! Жук состоял из кристаллов, которые выглядели как чистейший кварц. В нем абсолютно не было протоплазмы. Или, по крайней мере, — рассудительно отметил он, — я ее не нашел.

— Кристаллический жук? Это невозможно!

— Невозможно, — согласился Добби. — По всем земным стандартам такая форма жизни не может существовать. Но возникает вопрос: а так ли уж универсальны наши земные стандарты?

Я сидел в молчании, испытывая огромное облегчение только от того, что кто-то еще думает так же, как я. Это доказывало, хотя и не наверняка, что я пока еще не совсем свихнулся.

— Конечно, — сказал Добби, — подобное должно было когда-нибудь случиться. Рано или поздно, но почти неизбежно какой-нибудь инопланетный разум отыскал бы нас. И зная это, мы размышляли о чудовищах и ужасах, но у нас не хватило фантазии представить истинную степень кошма...

— Пока что нет никаких причин, — резко произнес я, — опасаться этих жуков. Они могут оказаться полезными союзниками. Даже сейчас они с нами сотрудничают. Похоже, они предлагают своего рода сделку. Мы предоставляем им место обитания, а они, в свою очередь...

— Вы ошибаетесь, Рэндолл, — с глубокомысленным видом предостерег Добби. — Они — чужие. И не пытайтесь даже на секунду поверить в то, что у них с людьми может быть хотя бы одна общая цель. Их жизненные процессы, какими бы они ни оказались, совершенно не схожи с нашими. Что, понятно, диктует иную точку зрения. По сравнению с ними даже паук покажется нашим кровным братом.

— В нашем доме водились мерзкие муравьи и осы, но жуки прогнали их.

— Допустим, что так. Но с их стороны это, я уверен, не было ни жестом сотрудничества, ни благодарностью к человеку, в доме которого они нашли пристанище, или разбили лагерь, или захватили плацдарм, называйте как хотите. Я очень сомневаюсь в том, что они вообще осознают ваше присутствие, разве что считают таинственным, непонятным чудовищем, которым пока нет времени заняться. Да, они убили насекомых, но преследуя свои личные цели. Насекомые могли просто путаться у них под ногами, или они опознали в них какую-то возможную угрозу, помеху, или еще что-то...

— Но даже если так, мы все равно можем использовать их, — нетерпеливо заметил я, — чтобы уничтожить насекомых-паразитов или переносчиков инфекции.

— А можем ли? Что заставляет вас так думать? Ограничатся ли они паразитами, или возьмутся за всех насекомых разом? Согласитесь ли вы лишить растения тех, кто их опыляет?

— Возможно, вы правы, — согласился я. — Но не станете же вы утверждать, что нам следует бояться

жуков, пусть даже кристаллических? Даже если они опасны, мы сумеем найти способ справиться с ними.

— Я сидел тут и думал, пытаясь во всем разобраться, — сказал Добби, — и мне пришло в голову, что здесь мы, возможно, имеем дело с совершенно новой для нас социальной концепцией. Я убежден, что жуки должны действовать, базируясь на принципе коллективного разума. Мы имеем дело не с индивидуумом, но с массой, не с цифрой, но с сумой. Это единое целое в виде коллективного разума, подчиненного единой идее.

— Если вы действительно считаете их опасными, то что нам следует предпринять?

— У меня пока что есть наковальня и молоток.

— Шутки в сторону, Добби.

— Вы правы. Это не предмет для шуток и даже не для молотка с наковальней. Мое самое здравое предложение: жителей эвакуировать и сбросить атомную бомбу.

Я увидел, как по дорожке сломя голову несется Билли.

— Папа! — вопил он. — Папа!

— Успокойся, — я сжал его руку. — В чем дело?

— Кто-то ломает в доме мебель! — выпалил Билли. — И швыряет обломки на улицу!

— Ты что, серьезно?

— Сам видел! — плакал Билли. — Мама, она же с ума сойдет!

Я не стал ждать продолжения и со всех ног помчался к дому. За мной по пятам топал Билли, а замыкал цепочку Добби, у которого бакенбарды тряслись, как козлиная борода.

Дверь в кухню была открыта, словно кто-то пинком распахнул ее, а возле ступенек валялась куча истерзанной ткани и гора сломанных стульев.

Я перемахнул ступеньки одним прыжком и, как только достиг двери, увидел летящие в меня обломки и едва успел отскочить в сторону. Сплющенное и искореженное кресло, кувыркаясь, пронеслось мимо и приземлилось на кучу хлама.

К этому моменту я успел хорошо разозлиться. Наклонившись, выудил ножку стула. Ухватив ее покрепче, бросился через кухню в комнату. Дубинку я держал наготове, словно уже видел того, на кого жаждал ее обрушить.

Но в комнате никого не было.

Холодильник снова стоял в центре, а вокруг него громоздилась куча кастрюль и сковородок. Из нее под дикими углами торчали пружины от бывшего кресла, а по ковру были рассыпаны болты, гайки и гвозди, а также несколько кусков проволоки.

Я услышал странное потрескивание и резко обернулся на звук.

В одном из углов медленно и умело само собой разбиралось на части мое любимое уютное кресло. Обивочные гвозди плавно вылезали из тех мест, где удерживали ткань, и падали на пол с легким позвякиванием. Из гнезда бодро выкрутился болт и шлепнулся вниз. Кресло, покачнувшись, растерянно осело на пол.

Наблюдая эту картину, я почувствовал, как из меня медленно испаряется злость, а ее место занимает банальный страх.

Я начал потихоньку пятиться, не решаясь повернуться спиной к креслу и выставив перед собой дубинку.

Уткнувшись во что-то мягкое, я заорал и, резко обернувшись, замахнулся...

Это был Добби. Моя рука остановилась вовремя.

— Рэндолл, — спокойно сказал Добби, — кажется, их слишком много!

Он указал на потолок. Я поднял голову. Потолок был покрыт сплошным слоем золотистых спинок.

Увидев их, я снова разозлился. Я отвел руку, прицелился в потолок и уже было собрался швырнуть дубинку, когда Добби схватил меня за руку.

— Не надо их тревожить! — крикнул он. — Откуда мы знаем, что они предпримут в ответ?

Я попытался вырвать руку, но он повис на ней и не отпускал.

— Вот вам мое квалифицированное мнение, — произнес он, продолжая удерживать меня. — Ситуация зашла слишком далеко, чтобы с ней справилось частное лицо.

Я сдался. Было несолидно пытаться вырвать руку из цепких пальцев Добби, и к тому же я сообразил, что дубинка — неподходящее оружие для борьбы с жуками.

— Вероятно, вы правы, — сказал я.

В дверь заглянул Билли.

— Прочь отсюда! — рявкнул я. — Ты — на линии огня. Они почти покончили с креслом и сейчас выбросят его через дверь.

Билли юркнул обратно.

Я пошел на кухню и порылся в выдвижном ящике стола, пока не нашел телефонную книгу.

Отыскал номер и позвонил в полицию.

— Сержант Эндрюс, — раздалось в трубке.

— Выслушайте меня внимательно, сержант. У меня здесь жуки...

— А у меня разве их нет? — весело спросил сержант.

— Сержант, — повторил я, стараясь говорить как можно более рассудительно. — Я знаю, что это звучит смешно. Но это особый вид жуков. Они ломают мою мебель и кидают ее на улицу.

— Вот что я тебе скажу, — все еще весело отозвался сержант. — Отправляйся в постель и постарайся проспаться. Если ты этого не сделаешь, мне придется предоставить тебе кровать в участке.

— Сержант, я совершенно трезв.

В трубке раздался щелчок. Телефон смолк.

Я позвонил снова.

— Сержант Эндрюс, — отозвался голос.

— Вы только что повесили трубку! — заорал я. — Что вы хотели этим показать? Я трезвый, законопослушный гражданин, я аккуратно плачу налоги. Теперь я прошу защиты. Даже если вам все это кажется бредом, то хотя бы ведите себя вежливо. Я вам говорю, что у меня жуки...

— Ладно, — устало произнес сержант, — ты сам напросился. Имя и адрес.

— Я назвал.

— И еще, мистер Мардсен...

— Что?

— Хорошо, если у вас действительно окажутся

жуки. Для вашей же пользы. Не дай Бог, если их не будет.

Я швырнул трубку и обернулся.

В кухню ворвался Добби.

— Посмотрите! Летит! — крикнул он.

Мое любимое кресло — вернее, то, что от него осталось — со свистом пронеслось мимо и застряло в двери. Оно судорожно задергалось, еле высвободилось и грохнулось на кучу мусора около ступенек.

— Изумительно, — пробормотал Добби. — Просто изумительно. Но это многое объясняет.

— Так поведайте мне, — гаркнул я, — что это объясняет!

Мне уже осточертело его глубокомыслие.

— Телекинез, — произнес Добби.

— Теле — что?

— Ну, возможно, всего лишь телепортация, — в раздумье уточнил Добби. — Это способность перемещать предметы усилием мысли.

— И вы считаете, что эта самая телепортация подтверждает вашу теорию коллективного разума?

Добби взглянул на меня с некоторым удивлением.

— Именно это я и имел в виду.

— Чего я не пойму, — отозвался я, — так это смысла их действий.

— И не старайтесь. Невозможно претендовать на понимание мотивов чужого разума. Внешнее впечатление таково, что они собирают металл, и это может объяснить, зачем они сюда прибыли. Но этот голый факт мало о чем говорит.

С улицы донесся вой полицейской сирены.

— Наконец-то! — я бросился к двери.

Полицейская машина остановилась у кромки тротуара. Из нее вылезли двое.

— Вы Мардсен? — спросил один из них.

Я подтвердил.

— Странно, — отозвался второй. — Сержант говорил, что тот парень здорово нализался.

— Послушайте, — сказал первый, разглядывая кучу обломков возле кухонной двери, — что здесь происходит?

Через дверь вылетели две ножки от стула.

— Кто это там буянит? — осведомился второй.

— Жуки, — ответил я. — Там только жуки и Добби. Думаю, он все еще там.

— Пошли, угомоним этого Добби, пока он не разнес весь дом, — сказал первый.

Я остался на улице. Не было смысла заходить. Они лишь задали бы кучу глупых вопросов, многие из которых я готов был задать сам.

Вокруг уже собиралась небольшая толпа. Билли привел своих приятелей, а соседки перебегали от дома к дому, кудахча, как перепуганные наседки. Остановилось несколько машин, пассажиры присоединились к зевакам.

Я вышел на улицу и присел на бордюр.

Кажется, мозаика начинала складываться в картину. Если Добби прав насчет телепортации — а все факты говорят за это — то глыба действительно могла оказаться кораблем, который жуки двигали... как он там выразился? — усилием мысли. Ну да, если они способны крушить мебель и выбрасывать ее на улицу, то с тем же успехом они могут передвигать в пространстве что угодно.

Билли же, вероятно, угадал и другое — они выбрали глыбу, поскольку надо же им было, черт возьми, чем-то питаться.

Пришибленные полисмены вышли из дома и остановились возле меня.

— Скажите, мистер, — очень вежливо спросил один из них, — у вас есть хоть какая-то идея насчет того, что здесь происходит?

Я покачал головой.

— Поговорите с Добби. Он все расскажет.

— Он говорит, что эти жуки с Марса.

— Не с Марса, — возразил второй. — Это ты говорил, что они с Марса. Он сказал: со звезд.

— Это старый чудак так странно рассуждает, — пожаловался первый. — Он говорит сразу обо всем — не успеваешь переваривать.

— Джек, — сказал второй, — надо бы что-то сделать с толпой. Нельзя, чтобы они стояли так близко.

— Я вызову подмогу, — предложил Джейк.

Он подошел к полицейской машине и залез внутрь.

— А вы будьте поблизости, — наказал второй.

— Я никуда не собираюсь уходить.

К этому времени народу собралось прилично. Улица была запружена машинами. Мальчишек набежала стая, а женщины прибывали целыми отделениями, видимо, со всей округи. В нашем городке новости расходятся быстро.

Через двор легкой походкой прошел Добби. Он сел рядом со мной и принялся теребить бакенбарды.

— Глупо все это, — пробормотал он. — Впрочем, по другому и быть не могло.

— Чего я не пойму, — отозвался я, — зачем они чистили дом. Зачем им нужно было, чтобы все блестело, прежде чем они начали собирать металл. Должна ведь быть какая-то причина.

По улице промчалась машина и остановилась рядом с нами. Из нее выскочила Элен.

— Стоит мне отлучиться на минуту, — объявила она, — как что-нибудь обязательно стрясется!

— Это все твои жуки, — сказал я. — Твои миленькие жучки, которые так хорошо чистили дом. Теперь они заканчивают генеральную уборку.

— Почему же ты их не остановишь?

— Потому что не знаю как.

— Это инопланетяне, — спокойно сказал Добби. — Они прилетели откуда-то из космоса.

— Добби Уэллс, я очень прошу: не лезьте не в свое дело! Все это из-за вас. Кто обрушил на Билли насекомых? Все лето в доме был сплошной кошмар!

По улице бежал человек. Он затормозил и вцепился в мою руку. Я обернулся и увидел, что это Барр, геолог-любитель.

— Мардсен, — возбужденно произнес он. — Я передумал. Я дам вам пять тысяч за этот камень. И чек выпишу прямо сейчас.

— Какой камень? — спросила Элен. — Вы говорите про глыбу, которая лежит в саду?

— Она самая, — подтвердил Барр. — Я хочу купить ее!

— Продавай! — зашептала мне Элен.

— Нет, — ответил я.

— Рэндолл Мардсен! — завопила она, — ты не можешь выбросить на ветер мои пять тысяч! Ты только подумай, сколько можно...

— Я не хочу продавать ее за бесценок, — твердо ответил я. — Она стоит гораздо дороже. Теперь это не просто глыба агата. Это первый космический корабль, прилетевший на Землю. Я могу получить за него любую сумму.

Элен ахнула.

— Добби, — чуть слышно спросила она, — он правду говорит?

— Думаю, — ответил Добби, — что на этот раз он не ошибся.

— Леди, — сказал полисмен, обращаясь к Элен, — перегоните машину в другое место. А вы перейдите улицу, — велел он нам с Добби. — Как только прибудет подмога, мы оцепим дом.

Мы зашагали через улицу.

— Леди, — повторил полицейский, — отгоните машину.

— Давайте я отгоню вашу машину, — предложил Добби.

Элен дала ему ключи, и мы вдвоем пошли через дорогу. Добби сел в машину и уехал.

Полисмены отправили восвояси другие автомобили.

Подъехало несколько полицейских машин. Одни полицейские стали теснить толпу, другие кольцом окружили дом. Время от времени из двери кухни продолжали вылетать обломки мебели, постельное белье, одежда, занавески. Куча росла на глазах.

Мы стояли на противоположной стороне улицы и смотрели, как рушится наш худо-бедно налаженный быт.

— Скоро они все оттуда вытряхнут, — сказал я со странной отрешенностью. — Интересно, чем они займутся тогда?

— Рэндолл, — со слезами произнесла Элен, — что нам теперь делать? Они перепортили все мои вещи. Кстати, у нас есть страховка?

— Откуда я знаю? Никогда об этом не думал.

Действительно, я об этом не позаботился. И это я — страховой агент!

— В любом случае, — сказал я, — у нас есть машина. Мы можем ее продать.

— Мне кажется, тебе стоит согласиться на пять тысяч. Что если приедет кто-нибудь из властей и увезет камень?

А ведь она права, подумал я. Эта глыба весьма заинтересует и правительство, и ученых.

Я принялся обдумывать, стоит или не стоит соглашаться на пять тысяч.

Трое полицейских пересекли двор, вошли в дом и почти сразу выскочили обратно. Следом за ними вылетел рой золотых точек. Жуки гудели, жужжали и летели так быстро, что, казалось, следом за ними в воздухе остаются золотистые полоски. Полицейские бежали зигзагом, спотыкаясь, ругаясь и отмахиваясь.

Толпа подалась назад и начала разбегаться. Полицейский кордон отступил, пытаясь сохранить достоинство.

Я опомнился за соседским домом по ту сторону улицы. Моя рука продолжала мертвой хваткой сжимать плечо Элен. Она была зла, как оса.

— Незачем было меня волочить, — сказала она. — Сама бы добежала. Из-за тебя я потеряла туфли.

— Да наплюй ты на туфли, — резко ответил я. — Дело становится серьезным. Отыщи Билли и уходи отсюда. Поезжайте к Эми.

— Ты знаешь, где Билли?

— Где-то здесь. Среди приятелей. Увидишь группу ребят — там будет и он.

— А ты?

— Я остаюсь.

— Ты будешь осторожен, Рэндолл?

Я сжал ее плечо и поцеловал.

— Я буду осторожен. Ты ведь знаешь, я не очень большой храбрец. А теперь ступай и отыщи парня.

Она пошла, но тут же вернулась.

— А мы вернемся домой?

— Конечно, — ответил я. — И скоро. Кто-нибудь придумает, как их выгнать.

Я смотрел ей вслед, и произнесенная вслух ложь жгла губы.

А если честно: вернемся ли мы когда-нибудь в свой дом? И вернется ли весь мир, все человечество в свой дом? Не отнимут ли золотые жуки тот самодовольный комфорт и уютную безопасность, которыми человек окружил себя.

Я отыскал туфли Элен и сунул их в карман. Затем возвратился на прежнее место и выглянул из-за угла.

Жуки больше никого не преследовали, но теперь целая эскадрилья образовала медленно вращающееся сверкающее кольцо над крышей дома. Не трудно было догадаться, что это патруль.

Я нырнул обратно за дом и сел на траву, прислонившись спиной к стене. Был теплый летний день, небо сияло чистотой. В такие дни хорошо косить газон перед домом.

Страх можно понять и можно попытаться побороть. Но как одолеть ужас, вызванный нечеловеческим равнодушием жуков, их механической проворностью, их холодной уверенностью в достижении только им ведомой цели?

Я услышал шаги и, подняв глаза, вздрогнул.

Это был Артур Белсен, и Артур Белсен пребывал в печали.

В этом не было ничего необычного. Он мог расстроиться из-за любого пустяка.

— Я вас повсюду ищу, — быстро заговорил он. — Только что встретил Добби, и он мне рассказал про этих ваших жуков...

— Это не мои жуки, — резко возразил я. — Мне уже осточертело, что все считают их моими, словно я ответствен за их появление на Земле.

— Словом, он сказал мне, что им нужен металл.

Я кивнул.

— За этим они и явились. Быть может, для них это большая ценность. Наверное там, откуда они прибыли, его не осталось.

И я подумал об агатовой глыбе. Будь у них металл, наверняка они не воспользовались бы камнем.

— Я с таким трудом добрался до дома, — пожаловался Белсен. — Подумал, что пожар. Несколько

кварталов вокруг забито машинами, да еще огромная толпа. Еле пробился.

— Присаживайтесь, — предложил я. — Бросьте терзаться.

Но он не обратил на мои слова никакого внимания.

— У меня очень много металла, — сказал он. — Все эти машины в подвале. Я вложил в них много труда, времени и денег, и не могу допустить, чтобы их сожрала какая-то нечисть. Как вы считаете, жуки не остановятся?

— Что вы имеет в виду?

— Ну, когда они покончат с вашим домом, то могут перебраться в другие. Так?

— Об этом я еще не думал. Ну что же, вполне вероятно.

Я сидел, размышляя над его словами, и представлял, как они захватывают дом за домом, забирают из них весь металл, складывают его в одну большую кучу, и вот уже она покрывает целый квартал, а потом и город.

— Добби сказал, что у них кристаллическая структура. Разве такие жуки бывают?

Я промолчал. В конце концов, он разговаривал сам с собой.

— Но кристалл не может быть живым, — запротестовал Белсен. — Кристалл — это вещество, из которого что-то делают. Радиолампы, например. В нем нет жизни.

— Не старайтесь переубедить меня, — отозвался я. — Если они и кристаллические, то я не в состоянии ничего изменить.

Мне показалось, что на улице началась суматоха. Я поднялся и выглянул из-за угла.

Поначалу я ничего не заметил. Все выглядело мирно. По улице возбужденно пробегали один или два полицейских, но ничего вроде бы не происходило. Все выглядело по-старому.

Затем от одной из полицейских машин, стоявших возле тротуара, медленно и почти величественно отделилась дверца и поплыла к открытой кухонной двери. Долетев до нее, она плавно развернулась и исчезла внутри.

Затем в воздухе промелькнуло автомобильное зеркальце. За ним последовала сирена. Они так же исчезли в доме.

Боже, сказал я себе, жуки взялись за машины!

Теперь я заметил, что у некоторых машин недостает капота и крыльев, у других — глушителей.

Вот золотое дно для жуков, подумал я. Они не остановятся, пока не разденут машины до колес.

И еще я подумал, ощущая какую-то странную радость, что в доме просто не хватит места, чтобы запихать в него все эти детали. Интересно, что они станут делать, когда заполнят все комнаты?

Пока я наблюдал, через улицу в сторону дома бросилось несколько полицейских. Они успели достичь лужайки, когда их заметил патруль жуков и, со свистом описав дугу, помчался навстречу.

Полицейские сломя голову побежали обратно. Патруль, сделав свое дело, снова закружил над крышей. В дверь опять полетели крылья, дверцы, антенны, подфарники...

На улице появилась собака. Радостно оглядевшись, она бодро потрусила через лужайку, помахивая хвостиком.

От патруля отделилась небольшая группа и помчалась к ней.

Собака, напуганная свистом приближающихся жуков, присела, прижав уши. Тявкнув, она рванулась в сторону...

...и не успела.

Послышался глухой звук, словно в живую плоть врезались пули. Собака высоко подпрыгнула и упала на спину.

Жуки снова взмыли в воздух. В их рядах потерь не было.

Собака лежала, слабо подергиваясь, на траву лилась кровь.

Я резко отпрянул за угол. Меня мутило, я согнулся, с трудом сдерживая тошноту.

Наконец мне удалось совладать с собой, и спазмы в желудке прекратились. Я выглянул из-за угла.

Картина вновь приобрела мирный вид. На лужайке лежала мертвая собака. Жуки разламывали автомобили. Все полицейские куда-то пропали. И вообще никого не было видно. Даже Белсен исчез.

Но теперь все изменилось, сказал я себе. Теперь была мертвая собака.

До сих пор жуки оставались загадкой — теперь они стали смертельной опасностью. Каждый из них был разумной винтовочной пулей.

Я вспомнил то, что всего лишь час назад сказал мне Добби. Всех эвакуировать и сбросить атомную бомбу.

Дойдет ли до этого, подумал я.

Сейчас они об этом еще не задумываются. Сегодня город лишь встревожен, полагаясь на полицию. Завтра губернатор пришлет солдат. Затем наступит черед правительства. И к тому времени решение, предложенное Добби, станет единственным. Если к тому времени будет возможно хоть какое-то решение.

Пока жуки не расползлись широко. Но страх Белсена имел под собой основание — со временем они распространятся, расширяя плацдарм, захватывая квартал за кварталом, город за городом. Батальоны, дивизии, армии золотых жуков.

Я попытался представить, каким способом они могут размножаться, но так ничего и не придумал.

Конечно, сперва правительство попытается установить с ними контакт: наладить какую-нибудь связь с этим коллективным разумом, если прав Добби.

Но можно ли установить контакт с такими существами? На каком интеллектуальном уровне с ними общаться? И что предложить, даже если попытка увенчается успехом? Где искать основу для взаимопонимания между этими существами и людьми? Это была, конечно, не моя проблема, но размышляя над ней, я ощутил смертельную опасность: те, кто обладают властью, будут медлить, будут искать компромисс и упустят время, пока пришельцев еще можно остановить.

Если, конечно, это в принципе возможно. Но ведь должен существовать способ. Прежде чем пытаться установить контакт, их необходимо сдержать.

И я вспомнил, как Билли говорил мне, что пойманного жука может удержать только пластиковая ловушка.

Я попытался догадаться, как он смог это узнать. Наверное, просто путем проб и ошибок. В конце концов, они с Томми Гендерсоном перепробовали разные ловушки. Пластик мог быть решением проблемы, над которой я думал. Но лишь в том случае, если мы начнем действовать раньше, чем они расползутся.

Но почему пластик, подумал я? Какой из его элементов оказался им не по зубам? Ладно, сейчас это не столь важно; главное, что мы знаем, пластик — это их тюрьма.

Я постоял немного, обдумывая эту проблему и решая, куда с ней направиться.

Можно, конечно, обратиться в полицию, но предчувствие говорило, что там я мало чего добьюсь. То же самое наверняка относится и к городским властям. Возможно, они выслушают меня, но решат все взвесить, собрать совещание, выслушать мнение какого-нибудь эксперта, затем еще одного... Ну а до правительства я, понятное дело, не доберусь.

Беда в том, что пока еще никто не был испуган всерьез. Чтобы люди начали действовать быстро, их необходимо серьезно напугать, так, как напугали меня.

И тут я подумал о другом человеке, который был испуган не меньше, чем я.

Белсен.

Белсен мне поможет. Он здорово перетрусил.

Он ведь инженер, так что наверняка сможет оценить мою идею! Он знает, где достать пластик и подберет наилучший его тип. И ловушку он тоже поможет сделать.

Я вышел из-за дома и огляделся.

Невдалеке виднелось несколько полицейских, но не много. Они ничего не делали, просто стояли и смотрели, как жуки трудятся над их машинами. К этому времени жуки успели разобрать кузова и теперь принялись за двигатели. На моих глазах один из двигателей поднялся и поплыл к дому. Из него текло масло и хлестал тоссол. Я представил, во что превратился любимый ковер Элен, и содрогнулся.

Тут и там виднелись кучки зевак, но все на порядочном расстоянии от дома.

Я решил, что без помех доберусь до Белсена, если обойду квартал полукругом, и зашагал.

Гадая, окажется ли Белсен дома, я почти бежал. Большинство зданий по соседству выглядели пустыми. Я не должен упустить этот шанс. Если Белсена нет, я его разыщу, куда бы он ни исчез.

Я подошел к дому Белсена, поднялся по ступенькам и позвонил. Никто не ответил, и я рискнул войти.

— Белсен!

Нет ответа. Я снова позвал и услышал звук шагов откуда-то снизу. Дверь подвала распахнулась, из щели высунулась голова Белсена.

— А, это вы, — сказал он. — Рад, что вы пришли. Мне потребуется помощь. Свою семью я отослал.

— Белсен, я знаю, что мы можем сделать. Достать огромный кусок пластика и накрыть им дом. Тогда они не смогут вырваться. Может быть, удастся добыть несколько вертолетов, хорошо бы четыре, для каждого угла дома...

— Спускайтесь вниз, — велел Белсен. — Там для вас найдется работа.

Я спустился вслед за ним в мастерскую, которую, надо сказать, он содержал в чистоте и порядке.

Музыкальные машины стояли ровными рядами, рабочий стол чуть ли не блестел, все инструменты лежали на своих местах. В одном из углов приткнулась машина для чтения нот, мигающая лампочками, как рождественская елка.

Перед ней стоял письменный стол, и вот уж на нем порядка не было. Кучи книг, блокноты, схемы, исписанные листки бумаги. Скомканные исчерканные листы усеивали пол.

— Я не имею права на ошибку, — сказал мне Белсен, как всегда встревожено. — Это должно сработать с первого раза. Второй попытки не будет. Я потратил уйму времени на расчеты, но думаю, небезуспешно.

—Послушайте, Белсен, — произнес я с некоторым раздражением, — не знаю, над какой заумной схемой вы работаете, но что бы это ни было, мое дело гораздо важнее.

— Потом, — ответил Белсен, почти подпрыгивая от нетерпения. — Потом расскажете. Мне надо закончить запись. Я все рассчитал...

— Но я говорю о жуках!

— А я о чем?! — рявкнул Белсен. — Чем же еще я, по-вашему, тут занимаюсь? Вы ведь знаете, я не могу допустить, чтобы они добрались до моей мастерской и растащили все, что я создал!

— Но послушайте, Белсен...

— Видите эту машину? — перебил он, указывая на одну из них, меньшую, чем остальные. — Ею мы и воспользуемся. Питается от батареек. Попробуйте подтащить ее к двери.

Он повернулся, подбежал к читающей ноты машине и сел перед ней на стул. Затем медленно и осторожно начал нажимать клавиши на панели. Машина зашумела, защелкала, лампочки замигали быстрее.

Я понял, что пока он не закончит, разговаривать с ним бесполезно. И был, конечно, шанс, что в его действиях есть какой-то смысл.

Я подошел к машине, она оказалась тяжелее, чем выглядела. Раскачивая и толкая, я смог передвинуть ее лишь на несколько дюймов.

И внезапно, еще не получив ответа, я сам догадался, что придумал Белсен.

И удивился, почему не дошел до этого сам и почему Добби со всеми своими разговорами об атомной бомбе тоже об этом не подумал. Но, конечно же, требовался именно такой человек, как Белсен, с неожиданным хобби, чтобы родилась подобная мысль.

Идея была старой — и все же не могла не сработать.

Белсен оторвался от своего занятия и вынул сбоку кассету с записью. Он торопливо подошел ко мне и опустился на колени возле машины, которую я почти дотащил до двери.

— Я не знаю точно, что они из себя представляют,

— сказал он мне. — Допустим, они состоят из кристаллов, но из какого вида кристаллов? Поэтому я изготовил узконаправленный генератор ультразвука с меняющейся частотой. Какая-нибудь, надеюсь, попадет в резонанс со структурой жуков.

Он вставил в маленькую машину кассету с записью.

— Вроде той скрипки, что разрушила бокал, да? — сказал я.

Он нервно улыбнулся.

— Классический пример. Вижу, вы о нем знаете.

— Это все знают.

— Теперь слушайте меня внимательно, — сказал Белсен. — Мы откроем дверь и потащим машину как можно ближе к вашему дому. Я хочу подобраться поближе к жукам.

— Но не слишком, — предупредил я. — Жуки только что убили собаку. Налетело несколько, и прошили ее насквозь. Они как живые пули.

Белсен облизнул губы.

— Я предполагал что-то подобное.

Он направился к двери.

— Подождите, Белсен. А есть ли у нас на это право?

— Право на что?

— Право убить их. Они первые разумные существа, прилетевшие к нам с другой планеты. Мы многое сможем почерпнуть у них, если договоримся...

— Договоримся?

— Ну, установим контакт. Попытаемся их понять.

— Понять? После того, что они сделали с собакой? И после того, что они сделали с вами?

— Думаю, что да. Даже после того, что они сделали с моим домом.

— Да вы сумасшедший! — крикнул Белсен.

Он распахнул дверь.

— Ну! — крикнул он мне.

Я помедлил секунду, потом взялся за ручку.

Машина была тяжелая, но мы подняли ее и вынесли во двор. Потом дотащили до улицы и остановились перевести дух.

Я посмотрел на свой дом и увидел, что патруль жуков все еще кружится над крышей, сверкая в лучах заходящего солнца.

— Может быть, — выдохнул Белсен, — может быть, мы сумеем подойти поближе?

Я наклонился, собираясь ухватиться за ручку, но тут заметил, что круг разорвался.

— Стойте! — завопил я. Жуки мчались прямо на нас. — Кнопку! Нажмите кнопку!

Но Белсен застыл, глядя на жуков. Он словно оцепенел.

Я кинулся к машине, нажал кнопку, а затем упал на землю, прижимаясь к ней всем телом.

Я не услышал никакого звука и, конечно, знал, что не услышу, но это не помешало мне удивиться. А вдруг она сломалась, пока мы ее тащили?

Краем глаза я видел летящих к нам по широкой дуге жуков, и мне показалось, будто они застыли в воздухе. Но я знал, что это не так.

Я был испуган, но не так, как Белсен. Он все еще стоял во весь рост, не в силах шевельнуться, и с недоумением глядел на приближающую смерть.

Они были уже почти рядом. Так близко, что я различал каждое золотое пятнышко, и вдруг превратились в облачко сверкающей пыли. Рой исчез.

Я медленно поднялся на ноги.

— Выключите ее, — сказал я Белсену и встряхнул его, выводя из оцепенения.

Он медленно повернулся ко мне, и я увидел, как с его лица постепенно сходит мертвенная бледность.

— Сработало, — безжизненно произнес он. — Я знал, что сработает.

— Я это заметил, — сказал я. — Теперь вы герой.

Но произнес эти слова с горечью, даже не знаю почему.

Я оставил его стоять на месте и медленно побрел по улице.

Дело сделано, подумал я. Правильно ли мы поступили, или нет, но дело сделано. Первые существа заявились к нам из космоса, и мы стерли их в порошок.

А не случится ли то же с нами, когда мы отправимся к звездам? Найдем ли мы там немножко терпения и чуть-чуть понимания? И станем ли мы действовать столь же самоуверенно, как эти золотые жуки?

И всегда ли Белсены будут брать верх над Мардсенами? И будут ли чувство страха и нежелание понять всегда стоять на пути пришельцев?

Самое странное, подумал я, что из всех людей именно я задаю себе подобные вопросы. Потому что именно мой дом разрушили жуки.

Хотя, если поразмыслить, быть может, я на них еще и заработал. Ведь у меня осталась агатовая глыба, а она стоит кучу денег.

Я бросил взгляд в сад, но глыбы как не бывало!

Я побежал, с трудом переводя дыхание, остановился на краю сада и в ужасе уставился на аккуратную кучку блестящего песка.

Я забыл, что агат, как и жуки, тоже кристаллический!

Повернувшись к куче спиной, я пошел через двор, злой, как черт.

Этот Белсен, подумал я, чтоб его разнесло вместе с его меняющейся частотой!

Я запихну его в одну из его машин!

И тут я замер на месте. Я понял, что ничего не смогу ни сказать, ни сделать. Белсен стал героем, и я сам только что произнес эти слова.

Он тот самый человек, который спас планету.

Так назовут его газеты, и так подумает весь мир. За исключением разве что нескольких ученых и чудаков, но с их мнением никто не станет считаться.

Белсен стал героем, и если я его пальцем трону, меня растерзают.

Я оказался прав. Белсен теперь герой.

Каждое утро в шесть часов он включает свой оркестр, и никто во всем квартале не произносит ни слова протеста.

Вы случайно не знаете, во сколько обойдется звукоизоляция целого дома?

Перевел с английского
Андрей НОВИКОВ

Лев Гиндилис,
кандидат физико-математических наук

ЖИЗНЬ В КОСМОСЕ

Небольшая повесть «Золотые жуки» интересна скорее типично саймаковскими вопросами, нежели сугубо фантастическими атрибутами. Ибо «кристаллический метаболизм», «роевой разум» давно уступили место на страницах литературных произведений гораздо более экзотическим формам жизни. Предположения ученых на сей счет, естественно, более сдержанны. Мы предлагаем вниманию читателей статью специалиста, известного работами в этой области, выполненную автором на основе подготовленной им книги: «SETI: поиск внеземного разума».

Нам известна лишь одна форма жизни — существующая на Земле. Она проявляется в богатом многообразии самых различных видов. Но все они — от простейших бактерий до человека — построены на одной основе. Все состоят из одних и тех же органических соединений, используют в качестве внутренней среды (растворителя) одно и то же вещество — воду, имеют одинаковый генетический код. Означает ли это, что в Космосе мы непременно должны столкнуться с той же формой жизни? Особенности земной жизни определяются условиями ее возникновения и развития. Но условия в Космосе весьма разнообразны. Значит, можно ожидать, что и жизнь в Космосе проявляется в самых разнообразных формах.

В фантастике и научно-популярной литературе можно встретить две крайние точки зрения. Согласно одной из них, разумные существа на любой планете должны быть непременно похожи на человека. Согласно другой точке зрения, Природа допускает полный произвол в создании жизни. Истина, по-видимому, находится где-то посередине: общие основы построения жизни проявляются в неисчислимом многообразии форм. «Со всех точек зрения формы и условия жизни на дальних мирах, — пишет алтайский мыслитель Николай Александрович Уранов, — должны отличаться от земных, иначе смысл эволюции был бы нарушен. Но в то же время основы жизни на всех мирах едины. Людям особенно трудно сочетать единство и многообразие».

Вопрос о возможных формах жизни в Космосе имеет две стороны:физические основы и химические формы жизни. На Земле жизнь построена на молекулярной основе. Можно думать, что и за ее пределами, по крайней мере, определенный тип внеземной жизни также имеет молекулярную природу. При этом химический состав и строение молекул, лежащих в основе чужой жизни, вообще говоря, может отличаться от земных. Таким образом, можно говорить о различных формах молекулярной жизни, о различной химии жизни.

Живые существа на Земле на 95% состоят из водорода, кислорода, углерода и азота. Но это (не считая гелия) как раз самые распространенные элементы во Вселенной. Любопытно, что по своему химическому составу живое вещество на Земле больше напоминает состав звезд и межзвездной среды, чем планеты, на которой мы живем. Учитывая распространенность упомянутых химических элементов, можно предположить, что они входят и в состав внеземных организмов. Если это так, то именно углерод составит основу внеземной жизни. Благодаря своим химическим свойствам (наличию четырех сильных ковалентных связей), углерод способен образовывать длинные молекулярные цепи, создавая практически неисчислимое множество сложных и вместе с тем стабильных молекул. Более того, поскольку ковалентные связи имеют пространственную ориентацию, углеродные цепи формируются в гигантские трехмерные структуры, которые характерны для активной формы жизненно важных молекул. Атомы углерода образуют «несущий каркас» этих пространственных конструкций.

В пользу заключения о распространенности «углеродной жизни» говорит и обилие органических соединений в межзвездной среде, в том числе достаточно сложных. Можно думать, что в определенных условиях, на определенном этапе в Космосе действительно возникает жизнь, основанная на углеродных соединениях. Но, конечно, это не означает, что живая материя всюду состоит из точно таких же молекул, как и на Земле. Прежде всего для построения внеземных белков могут использоваться другие аминокислоты, отличные от тех двадцати, которые входят в состав земных организмов. Генетические системы внеземной жизни также не обязательно должны быть химически идентичны нашим. Возможно, что в состав внеземных организмов не входят известные нам белки, ДНК и РНК. Но в таком случае там должны быть молекулы, выполняющие аналогичные функции.

Следующий вопрос связан с природой растворителя. На Земле это вода, что сразу определяет температурный режим жизни: от 0 до 100 градусов Цельсия при нормальном давлении. Возможны ли другие типы растворителя? Надо сказать, что вода — это уникальное вещество, обладающее очень ценными свойствами. Прежде всего она прекрасно растаоряет разнообразные органические соединения. Вода обладает высокой теплоемкостью и высокой теплотой парообразования. Это позволяет, с одной стороны, сглаживать резкие изменения внешней температуры окружающей среды, а с другой — регулировать внутреннюю температуру организма путем отвода тепла, выделяемого внутри клетки, за счет испарения. Имеет значение и высокое поверхностное натяжение воды: в живой клетке оно способствует концентрации твердых веществ вблизи мембраны. Этим уникальные свойства воды не исчерпываются. Тем не менее она не является единственно возможным растворителем.

Хорошо растворяет органические вещества аммиак, который и по дру-

гим свойствам приближается к воде. Но растворимыв в аммиаке органические соединения отличаются по составу от привычных нам водно-углеродных. Чтобы установить соответствие между ними, надо заменить в обычных органических соединениях кислород на аминовую группу NH, а гидроксильную группу заменить на амин NH_2. Таким образом можно построить аналоги обычных аминокислот и состоящих из них белковых соединений. Так могут быть получены и аналоги ДНК и РНК с их кодом наследственности.

Если подобные организмы существуют, то они пьют аммиак и дышат азотом. При нормальном давлении аммиак находится в жидком состоянии в интервале температур от –70 до –33 градусов. Стало быть, аммиачная жизнь возможна только при низкой температуре. В Солнечной системе подобные условия существуют в атмосферах планет-гигантов, где имеется и достаточное количество аммиака. Хотя сейчас нет никаких научных данных о существовании аммиачной жизни, принципиально такая возможность не исключена.

Из других растворителей рассматривались метиловый спирт, фтористоводородная кислота и цианистый водород. Впрочем, большинство исследователей приходят в выводу, что это маловероятно, хотя и возможно.

До сих пор речь шла о различных формах углеродной жизни. Но нельзя ли еще больше расширить ее возможности и диапазон условий существования за счет перехода к неуглеродным формам? Существуют ли другие элементы, способные, как и углерод, служить каркасом внеземной жизни? Ближайший к углероду четырехвалентный элемент — кремний. В периодической системе элементов Менделеева он расположен в одной группе с углеродом, непосредственно под ним. Распространенность кремния во Вселенной меньше, чем углерода, но все же она достаточно высока. Но можно ли на основе кремния построить длинные молекулярные цепи? Связь между атомами кремния примерно вдвое слабее, чем между атомами углерода. Но главное в том, что связь кремний-кремний много слабее связи кремний-кислород или кремний-водород. Поэтому длинные цепочки, основанные на структуре — Si — Si — Si — создать сложно.

Однако эта трудность не является непреодолимой. Оказалось, что можно создать кремниевые полимеры на основе кремний-кислородных связей: — Si — O — Si — O — Такие полимеры стабильны и могли бы послужить основой «кремнийорганической» жизни.

На поверхности планет жизнь на основе кремния невозможна — этот элемент при темпертуре до 1000 градусов Кельвина чрезвычайно активно соединяется с кислородом, «предпочитая» ему все другие. Остаются условия высоких температур, которые существуют в атмосферах звезд или в недрах планет (можвт быть, не так уж неправы были те ученые; которые допускали возможность сущвствования жизни на Солнце). Конечно, с нашей точки зрения, это совершенно экзотические формы жизни.

Большинство специалистов все жв скептически относятся к возможности существования жизни на кремниевой основе, полагая, что жизнь может быть построена только на основе углеродных соединений. Выступая на советско-американской конференции SETI в 1971 году, К.Саган назвал эту точку зрения «углеродным шовинизмом». «Основанием» для такой позиции, по мнению Сагана, служит лишь то, что ее приверженцы сами состоят из углерода. Саган призвал к свободному от антропоморфизма непредубежденному обсуждению проблемы. Надо признать, что психологически это довольно трудно, ибо мы склонны абсолютизировать известные нам вещи.Имеющиеся на сегодня данные позволяют заключить, что водно-углеродная жизнь, к который мы принадлежим, по-видимому, является достаточно типичной и должна возникать при условиях, близких к тем, которые были на первобытной Земле. В других условиях возможны иные формы углеродной жизни, с иными веществами в качестве растворителей. И, наконец, нельзя исключить вероятность существования неуглеродной жизни, хотя бесконечного разнообразия возможностей здесь, по-видимому, нет. Впрочем, и в рамках углеродной жизни можно встретиться с совершенно необычными формами. На одну такую возможность, связанную со сверхпроводимостью, указал В.Л.Гинзбург. Высокотемпературная сверхпроводимость наиболее легко достигается для слоистых и нитевидных соединений. Но именно такие структуры и лежат в основании живых систем. Поэтому можно допустить, что на каких-то других планетах в состав живых организмов входят сверхпроводящие вещества, созданные в процессе эволюции. Можно представить, какими необычайными свойствами обладала бы такая жизнь!

Обратимся теперь к физическим основам жизни. Является ли молекулярная основа единственной возможностью? Известный английский астрофизик Ф.Хойл в своем замечательном романе «Черное Облако» описал смешанный тип жизни, в котором используются как химические, так и электромагнитные процессы. Несомненно, Хойл использовал форму фантастического произведения, чтобы выразить свои мысли о возможных формах внеземной жизни. В романе много остроумных и поучительных соображений. Отметим, что такие гипотетические системы позволяют преодолеть так называемый «планетный шовинизм» в представлениях о внеземной жизни, то есть убеждение, что жизнь во Вселенной может развиваться только на планетах.Одновременно преодолевается и стереотип жизни, для которой необходима жидкая внутренняя среда.

Химические процессы основаны на электромагнитных взаимодействиях. С этой точки зрения системы типа Черного Облака, как и чисто химические системы, относятся к одному и тому же типу взаимодействий. Более радикальные отличия связаны с переходом к типам жизни, основанным на других видах взаимодействий: сильных и гравитационных. Разумеется, все соображения в этой области относятся к чисто умозрительной сфере, но они представляют интерес, так как позволяют очертить круг проблем, с которыми мы можем встретиться при изучении внеземной жизни.

Идея о возможности существования жизни на уровне элементарных частиц была высказана американским физиком Дж.Коккони — одним из тех ученых, кто стоял у истоков проблемы SETI. Оценивая ее, академик В.Л.Гинзбург отмечал: «Вряд ли такую идею можно счесть абсурдной, поскольку известно около двух сотен сортов таких частиц. Это значительно больше, чем основных «кирпичиков», из которых построено обычное вещество. Поэтому в принципе не исключена возможность появления или создания достаточно сложной и даже «живой» системы из элементарных частиц. Разумеется, это пока лишь чистая спекуляция, фантазия, но не лженаука».

В каких условиях может возникнуть подобная форма жизни? Известный американский радиоастроном Ф.Дрейк, впервые осуществивший поиск радиосигналов от внеземных цивилизаций, отметил, что подходящим местом могли бы быть внешние слои нейтронной звезды. В 1975 году французский астрофизик Ж.Шнейдер проанализировал возможность «ядерной жизни» на нейтронных звездах. Этот вопрос обсуждается также в книге Д.Голдсмита и Т.Оузна «Поиски жизни во Вселенной».

Температура на поверхности нейтронной звезды составляет 10^6 градусов по Кельвину, а сила тяжести в 10^{12} раз превышает силу тяжести на поверхности Земли. При таких условиях не может существовать ни одна молекула, ни один атом. Это мир элементарных частиц, которые мчатся со скоростями порядка 1000 км/сек, сталкиваясь и взаимодействуя друг с другом. При таких взаимодействиях могут возникать ядра, насчи-

тывающие десятки тысяч элементарных частиц, которые по сложности можно рассматривать как аналоги живой клетки или, по крайней мере, макромолекул, лежащих в основании химической жизни. Время жизни подобных ядер порядка 10^{-15} секунды. По земным меркам, это время ничтожно мало, но надо иметь в виду, что временной масштаб ядерной жизни совершенно несоизмерим с нашим. В основе земной жизни лежат химические реакции, характерная длительность которых составляет порядка 10^{-3} секунд. Характерное время элементарных процессов «ядерной жизни» 10^{-21} секунды. Отношение характерных времен составляет 10^{-18}.Это и есть тот масштабно-временной фактор, который отличает процессы «ядерной жизни» от нашей молекулярной. Таким образом, времени существования «живых ядер» 10^{-15} секунды соответствует 10^{3} сек для молекулярной жизни. А это как раз равно по порядку величины минимальной длительности поколений для земных организмов. Далее, длительность биологической эволюции на Земле составляет 10^{17} секунд, соответствующее время эволюции «ядерной жизни» 10^{-1} секунд. Аналогично если принять характерное время жизни земной цивилизации 10^{4} лет, то соответствующее время для цивилизации на нейтронной звезде составит $3 \cdot 10^{-7}$ секунд.

Если мы хотим установить контакт с подобной цивилизацией, мы должны быть готовы зарегистрировать некий (возможно, очень большой) объем информации в течение ничтожных долей наносекунды. Справившись с этой задачей, люди спокойно смогут расшифровывать полученную информацию в привычном темпе, но никогда не смогут ответить, даже в том случае, если бы сами находились на поверхности нейтронной звезды, ибо прежде чем нами был бы осознан первый бит полученной информации, эфемерная цивилизация, пославшая ее, перестала бы существовать.

«Ядерная жизнь» основана на сильных взаимодействиях между элементарными частицами, образующими «живое ядро». Другой крайний, с нашей точки зрения, случай могла бы представлять жизнь, основанная на гравитационном взаимодействии. Возможно ли это? Чтобы сила гравитации преобладала над сильным и электромагнитным взаимодействиями, характерная структурная единица «гравитационной жизни» должна быть сопоставима с размерами звезд. Если это так, если отдельные звезды в системах «гравитационной жизни» играют такую же роль, как атомы и молекулы в химической жизни, то аналогом живой клетки могли бы быть галактики. Но, поскольку характерное время взаимодействия между звездами в галактиках (многие миллионы лет) очень велико по сравнению с длительностью химических реакций, то миллиарды лет существования галактик во временном масштабе «гравитационной жизни» соответствуют лишь первым секундам эволюции нашей химической жизни. Значит, гравитационная жизнь — если о ней вообще можно говорить — еще не успела возникнуть.

Пытаясь размышлять о «ядерной» или «гравитационной» жизни, мы испытываем большие психологические затруднения в виду необычности самих форм жизни и совершенно непривычных для нас пространственно-временных рамок. И все же, хотя это с трудом поддается нашему воображению, логически исключить вероятность существования такой жизни нельзя. Наши представления о ней неизбежно грубы, заведомо не совсем правильны, но, думая в этом направлении, мы подготавливаем наше сознание к принятию существующей Реальности во всем ее многообразии.

В прочем, обязательно ли нехимические формы жизни должны быть «ядерными» или «гравитационными»? Ведь в беспредельном Космосе, неисчерпаемом как вширь, так и вглубь — возможно, в иных пространственных измерениях, — могут существовать неизвестные нам более тонкие виды материи, подчиняющиеся другим закономерностям, другим типам взаимодействий. С ними могут быть связаны какие-то неведомые нам формы жизни. Недавно академик В.П.Казначеев выдвинул гипотезу о сосуществовании на Земле двух форм жизни: белково-нуклеиновой и «полевой» (энерго-информационной). Основываясь на экспериментах по передаче информации от клетки к клетке, проведенных в Институте клинической и экспериментальной медицины Сибирского отделения РАМН, Казначеев пришел к выводу, что земные существа представляют собой симбиоз различных форм живого «вещества» (живой материи), включая «полевые» формы, причем белково-нуклеиновые тела клеток являются только «носителями» информационных полей, которые простираются безгранично. Не является ли в таком случае «полевая» форма внутренней сущностью белково-нуклеиновой жизни, той внутренней стороной жизни, о которой говорил Тейяр де Шарден? Казначеев ничего не говорит о природе «полевой» составляющей, но, судя по всему, она не сводится к известным физическим полям. Отметим, что, согласно Казначееву, «полевая» жизнь существует в Космосе изначально,вечно перерабатывая потоки энергии, создавая те или иные материальные структуры. Можно принять такую концепцию, если допустить, что «полевая» составляющая жизни принадлежит более тонким мирам, находящимся «за пределами» физического вакуума, и потому может свободно проходить через сверхплотное сингулярное состояние вселенных, рождающихся из вакуумной пены. Это могло бы обеспечить передачу информации от одного цикла Вселенной к другому, включая программу развития нового цикла со всем богатством развивающихся в нем форм жизни и разума.

К представлениям о «полевой» жизни тесно примыкают идеи К.Э. Циолковского о существовании «тонких» форм жизни, «неизвестных разумных сил», построенных на основе «несравненно более разреженной материи». Циолковский считал, что в перспективе изменится и физическая основа человечества, которое из «вещественного» превратится в «лучистое».

Гипотеза о полевой форме жизни позволяет по-иному взглянуть на теорию панспермии (переноса жизни). Жизнь, как отмечает автор книги «Исповедимый путь» А.В.Мартынов, могла быть привнесена на Землю не в виде спор и бактерий, а в форме постоянно действующих во Вселенной «биологических» энерго-информационных полей, под действием которых формируются биологические макромолекулы и состоящие из них живые системы.

Обычно, когда говорят о внеземной жизни, имеют в виду прежде всего жизнь на планетах. Что касается Солнечной системы — считается, что в ней обитаема только Земля. Эта точка зрения не вполне обоснована даже для земной водно-углеродной жизни: на Венере, Юпитере и других планетах-гигантах существуют области атмосферы, где условия пригодны для существования жизни земного типа. Тем более мы не можем отрицать существования на планетах иных форм жизни. Это хорошо понимали наши предшественники. В прошлом веке представления об обитаемости планет Солнечной системы были распространены очень широко. Между тем, физические условия на планетах в первом приближении были уже в то время известны, и было ясно, что они не благоприятны для земной жизни. Понимая это, ученые полагали, что на других планетах жизнь должна приспособиться к условиям своего мира. «Живые существа, — писал Фламмарион, — с самого начала, как по форме, так и по своей организации, были строго приспособлены к физиологическим условиям обитаемых миров и находились в тесных взаимоотношениях с ними. Люди, населяющие другие миры, отличаются от обитателей Земли, как по своей внутренней организации, так и по своему наружному физическому строению». Ту же мысль подчеркивал и П.Лаплас. «Человек, созданный для земной температуры, — писал он, — судя по всем признакам, не мог бы жить на другой планете. Но

разве нельзя допустить, что есть бесчисленные количества существ, приспособленных к различным температурам небесных тел?» По-видимому, и Лаплас и Фламмарион допускали существование иных форм жизни, кроме земной, но они не высказывали никаких конкретных соображений о возможной природе внеземной жизни, если не считать замечания Фламмариона о том, что «обитатели высших миров» обладают «более эфирной организацией». Это замечание перекликается с представлениями К.Э.Циолковского о формах жизни, построенных на основе более тонкой материи, и о лучистом человечестве, а также с идеями В.П.Казначеева о «полевой» жизни.

Но если жизнь адаптируется к самым разнообразным условиям на планетах, то почему она не может приспособиться к условиям межпланетной или даже межзвездной среды?

Фримен Дайсон, один из крупнейших современных физиков-теоретиков, вполне допускает такую возможность. Более того, он считает, что межзвездная среда создает даже лучшие условия для жизни. Эти идеи Дайсон развивает в статье «Будущее воли и будущее судьбы».

Чтобы адаптироваться к жизни в космическом пространстве, утверждает Дайсон, живые организмы должны приспособиться к существованию при трех нулях: нулевой гравитации, нулевой температуре и нулевом давлении. Дайсон считает, что это вполне возможно. Более того, он полагает, что, в связи с успехами генной инженерии, можно подумать о соответствующей «переделке» земных существ так, чтобы они могли выжить в космическом пространстве. Что касается вопроса о том, каким образом могут быть устроены подобные организмы, Дайсон ссылается на работу К.Э.Циолковского «Грезы о земле и небе». В ней описаны гипотетические разумные существа, представляющие собой симбиоз растительных и животных организмов, которые обитают в межпланетном пространстве.

Дайсон развил теорию жизни во Вселенной (космическую экологию, как он ее называет). В количественной форме, с уравнениями и численными оценками, она опубликована в журнале «Review of Modern Physics», основные идеи ее изложены в упомянутой статье «Будущее воли и будущее судьбы». Дайсон исходит из двух гипотез: гипотезы абстрактности и гипотезы адаптивности, которые в его теории играют ту же роль, что первое и второе начало в термодинамике. Первая утверждает, что сущность жизни связана с организацией, а не с субстанцией. Поэтому конкретная субстанция жизни (водно-углеродная жизнь или иная) имеет второстепенное, частное значение. Можно представить себе, например, жизнь, независимую от плоти и крови и воплощенную в системах сверхпроводящих контуров или в системах межзвездных пылевых облаков. Гипотеза адаптивности утверждает, что при наличии достаточного времени жизнь может приспособиться к любой окружающей среде. Это принимается в качестве постулатов. Главная теорема космической экологии Дайсона гласит, что скорость метаболизма в живом организме и, следовательно, расход энергии изменяется пропорционально квадрату температуры окружающей среды. Отсюда следует, что более холодная среда благоприятнее для жизни, чем горячая. Это связано с тем, что жизнь в конечном итоге есть упорядоченная форма вещества, а низкая температура способствует упорядоченности. Поскольку жизнь связана с функционированием управляющих систем, она зависит не столько от количества получаемой энергии, сколько от выделения полезной информации, то есть от отношения сигнал/шум.Чем холоднее среда, тем ниже уровень шума, тем экономнее жизнь расходует свою энергию. В этом смысле межзвездная среда наиболее благоприятна для жизни.

В расширяющейся Вселенной температура окружающей среды непрерывно падает, и, соответственно, пропорционально T^2 уменьшается скорость энергетического обмена. При этом условия для упорядоченности будут улучшаться. Конечно, по мере падения температуры, пульс жизни будет биться все медленнее, но он никогда не остановится. Не означает ли замедление пульса постепенного прекращения жизни?

«Конечно, с нашей сегодняшней точки зрения, — пишет один из ведущих российских космологов И.Д.Новиков, — все процессы в будущем будут чрезвычайно замедленны. Но это с нашей точки зрения! Ведь и пространственные масштабы тогда будут несравненно грандиознее современных». Напомнив, что в самом начале расширения во Вселенной текли бурные реакции, продолжительность которых исчислялась 10^{-34} секунд, а масштабы 10^{-24} см, Новиков продолжает: «С точки зрения тех процессов, сегодняшние события в нашей Вселенной, в том числе наша жизнь, это нечто невероятно протяженное в пространстве и очень медленное. Вселенная не считается с нашими вкусами». Но вернемся вновь к теории Дайсона.

Дайсон обращает внимание на то, что развитие Вселенной с момента ее зарождения выглядит как непрерывная последовательность нарушения симметрии. В момент возникновения в грандиозном взрыве Вселенная абсолютно симметрична и однородна, но по мере остывания в ней нарушается одна симметрия за другой, и возникает все большее и большее разнообразие структур. Феномен жизни естественно вписывается в эту картину, ибо жизнь — это тоже нарушение симметрии. Нарушение симметрии приводит к росту многообразия. Развитие самой жизни сопровождается дальнейшей дифференциацией и ростом многообразия. «Я думаю, — пишет Дайсон, — и нашей Вселенной, и жизни присуще то, что процесс увеличения многообразия не имеет конца».

Но это справедливо лишь для так называемой открытой модели Вселенной.Если средняя плотность вещества во Вселенной больше критической, то расширение на определенном этапе сменяется сжатием. На смену дифференциации приходит процесс интеграции, возвращение утраченной симметрии. Когда Вселенная сожмется в сингулярное состояние, она вновь обретет абсолютную симметрию и однородность. Никакие упорядоченные физические структуры в таком состоянии невозможны. Это будет означать огненную смерть для любой формы жизни, построенной из физической материи. И лишь более тонкие формы, лежащие «за пределами» физического вакуума, смогут пережить эту катастрофу, аккумулируя накопленный опыт для нового цикла манифестации Вселенной.

«Как все вокруг нас кишит живыми существами... так и небеса над нами могут быть заполнены существами, чья природа нам непонятна. Кто глубоко задумается над странной и удивительной природой жизни и устройством животного мира, тот подумает, что нет ничего невозможного для природы, ничего слишком трудного для всемогущего Бога. И как планеты остаются на своих орбитах, так и любые другие тела могут существовать на любом расстоянии от Земли, и, более того, могут быть существа, обладающие способностью передвижения в любом направлении по желанию и остановки в любой области небес, чтобы наслаждаться обществом себе подобных, а через своих вестников или ангелов управлять Землей и сообщаться с самыми отдаленными уголками. Так все небеса или любая их часть может оказаться жилищем для блаженных, а Земля, в то же время, будет в их власти. Иметь свободу и власть над всеми небесами и возможность выбора наилучших мест для заселения может быть гораздо более счастливым уделом, чем привязанность к одному какому-то месту».

Исаак Ньютон.

Мы, дети Галактики

Национальное управление по аэронавтике и исследованию космического пространства США недавно выделило 100 миллионов долларов на поиск внеземных цивилизаций. Наблюдения будут проводиться в микроволновом диапазоне излучений с использованием глобальной сети крупнейших в мире радиотелескопов.

Гигантское «ухо» Земли будет нацеленно прислушиваться к излучениям, идущим от примерно тысячи солнцеподобных звезд, а также бегло «перелистывать» все небо. Для этого будет использовано более 15 миллионов узкополосных радиоканалов. Такое скопление источников охватывает диапазон от 1420 мегагерц (эта частота принадлежит атомарному кислороду) до 1720 мегагерц (излучение радикала гидроксила — ОН).

Среди тех, кто продолжает ныне «космическую охоту», один из ее первых инициаторов, американский радиоастроном Ф.Дрейк. Еще в 1960 году он возглавлял ставший знаменитым проект «Озма», которым было начато «обшаривание» неба при помощи 25—метрового радиотелескопа им. Хоуарда Тейтла, что украшает собой обсерваторию Грин-Бэнк в штате Западная Вирджиния. Главным тогда было «подслушать» звезды Тау Кита (не это ли навеяло известную песню Владимира Высоцкого?) и Эпсилон Эридана, где, казалось, происходит что-то достойное внимания. Приемное устройство обладало лишь одним каналом, а ширина диапазона наблюдений не превышала 100 герц. Ясно, что ничего интересного изловить не удалось. Теперь же — другое дело: нынешнему оборудованию требуется всего 0,01 секунды на то, на что «Озме» требовалось 200 часов.

Заканчивая работы по проекту «Озма», Ф.Дрейк созвал конференцию всех его участников. Официальной повестки дня заседаний не было. Вместо этого председательствовавший вывел на доске некую формулу, и каждая из секций должна была обсудить тот или иной ее член.

Формула (она именуется уравнением Дрейка) представляла собой «прогноз» количества развитых внеземных цивилизаций, которые могут существовать в нашей Галактике Млечного пути. Решение этого уравнения могло лежать между единицей (иными словами, кроме нас, «там» нет ни души) и... ста миллионами.

Сам Дрейк не без иронии замечал, что наши поиски чужих цивилизаций чем-то походят на то, как пьяный ищет на ночной улице потерянные ключи: не в темноте, а под самым фонарем, где посветлее. Но сейчас площадь, освещаемая нашими «фонарями», стала куда шире. И многие ученые уже готовы подписаться под мнением английского астронома Д.Хьюза из Шеффилдского университета: «Я не задаю вопроса, найдем ли. Я только спрашиваю: когда? Мы же просто не осмотрели и малой части «стога сена», который поставила перед нами Природа».

Сигарету? Это уже не модно!

В прошлом году в мире было произведено 5,4 триллиона сигарет, то есть в среднем по 1008 штук на каждого мужчину, женщину или ребенка. Цифра внушительная. И все же она свидетельствует о некотором снижении употребления никотина, ибо, скажем, в 1988 году «на душу» приходилось 1023 штуки. Правда, если в наиболее развитых промышленных странах число курящих явно падает, то в развивающихся пока растет. Так, в Китае, занимающем первое место в мире по потреблению табака, курящих из года в год больше, поскольку становится больше людей, кому ранее недоступная привычка уже по карману.

Второе место по количеству выкуренных сигарет держат США. Но здесь кривая потребления упорно снижается. После рекордной «затяжки» дымом в 1963 году идет неуклонное сокращение потребления табака, которое с тех пор достигло 38%. Переломным стал 1964 год, когда был опубликован отчет Министерства здравоохранения США о результатах глубокого изучения влияния такой привычки на человеческий организм. Затем было установлено, что вследствие болезней, связанных с табаком, умирает тысяча американцев в сутки.

За борьбу с курением в США взялись серьезно. Сейчас на 60% американских предприятий курение ограничено, а на 25% — полностью запрещено. На внутренних авиалиниях пассажир не имеет права достать сигарету.

Не менее решительно настроены канадцы. Сумма различных налогов на одну пачку сигарет достигает в среднем 3,76 доллара, так что цена пачки, превысив 5,56 доллара, довольно ощутимо бьет по карману.

Однако лидируют в деле борьбы с курением скандинавские страны. В результате в Норвегии число курящих сократилось примерно на треть. Здесь, как ныне и в Польше, Ителии, Венгрии, реклама сигарет запрещена.

Табачные компании США, чувствуя угрозу разорения, обратили внимание на страны третьего мира, на Восточную Азию, а в последнее время и на Россию. Но и здесь некоторые правительства уже запретили рекламу сигарет и курение в общественных местах, налоги на курево повышаются. Это следствие понимания того, что уровень употребления табака и расходы на здравоохранение тесно взаимосвязаны.

Бутылки и автомобили

Новый метод переработки пластиковых бутылок из-под различных напитков поможет снизить стоимость производства новых поколений автомобилей. Материал, получаемый в процессе переработки мягкой посуды из полиэтилентетрафталата, может с успехом заменить дорогостоящую резину, идущую на производство некоторых деталей в автомобильной промышленности. По сообщениям изобретателей нового материвла, он не уступает традиционным по эластичности и более устойчив к температурным воздействиям.

План «мистера Озона»

Книга сенатора Альберта Гора «На весах судьба Земли. Экология и дух человека», недавно выпущенная в США, пополнила список бестселлеров. Автор — не только соратник Билла Клинтона, но и известный исследователь проблем окружающей среды — провозглашает ее спасение «главным организующим принципом цивилизации» и выдвигает новый «глобальный план» его осуществления.

Стратегическая цель плана — стабилизация демографической ситуации в мире. Политика государств в этом плане должна быть ориентирована на переход от динамического равновесия (высокие уровни рождаемости и смертности) к стабильному равновесию (низкая рождаемость при низкой смертности).

Вторая стратегическая цель — скорейшее создание, развитие и, главное, распространение технологий, обеспечивающих достаточный экономический прогресс без деградации окружающей среды. Причем для стран «третьего мира» оплата внедрения подобных технологий допустима в форме выполнения различных обязательств по «глобальному плану Маршалла». По аналогии с СОИ предлагается разработать СЭИ (стратегическую экологическую инициативу).

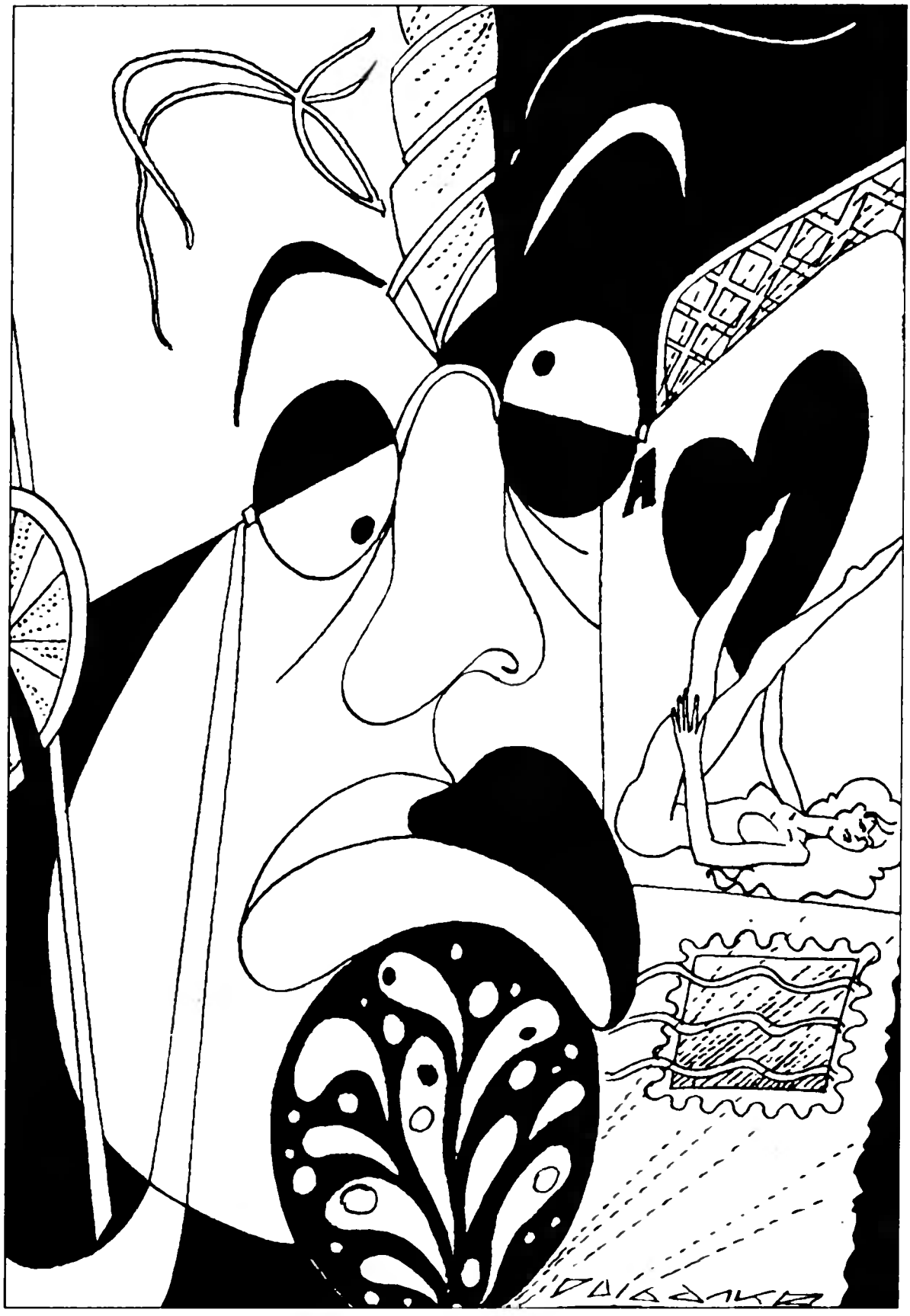
По некоторым подсчетам, 15% всего метана, извергаемого в атмосферу, приходится на утечки из газопроводов стран Восточной Европы и бывшего СССР, отличающихся проекционными дефектами. Поэтому е качестве первоочередной меры предлагается оказание технологической помощи именно этому региону.

В-третьих, повсеместное изменение правил «экономической игры», то есть введение в практику оценки решений с точки зрения их влияния на экологию.

В-четвертых, выработка нового поколения международных договоров, в которых особо должны учитываться «огромные различия в возможностях и потребностях развитых и слаборазвитых государств».

И пятая стратегическая цель — «воспитание нового образа мышления» граждан мира.

Осуществим ли план «мистера Озона», как называют в Америке Альберта Гора? По крайней мере, обнадеживает то, что автор плана не просто известный ученый, но и сенатор...



Роберт Блох

Испытание

Жил да был некий здравомыслящий ученый вместе со своей некрасивой дочкой.

Звали ученого Ангус Уэлк, и на кафедре антропологии одного крупного университета в Восточных Штатах он считался самым главным брахицефалом. А посему, естественно, являлся истовым приверженцем точных наук и терпеть не мог всяческих абстракций. И, конечно, особое отвращение он питал к парапсихологии.

— Такой нелепости, как телепатия, простонапросто не существует, — частенько говаривал он. — Этот досужий вымысел является лишь плодом больного воображения.

Однако доктор Уэлк вовсе не собирался оставлять подобные вещи без внимания. У него вошло в привычку давать настоящий бой любому исследователю экстрасенсорики и прочих психофеноменов. Он прерывал докладчиков на лекциях, писал полные негодования письма в разнообразные психиатрические журналы и даже опубликовал толстенную монографию под названием «Шарлатаны». А во время летних отпусков, когда его коллеги, взяв с собой фотоаппараты, разбредались по всем штатам Новой Англии и с удовольствием щелкали затворами налево и направо, доктор Уэлк носился по той же территории и с удовольствием «щелкал» спиритомедиумов. А посему, возможно, доктор Уэлк был не таким уж и здравомыслящим.

И, может быть, его дочка, Нора, отнюдь не была такой уж некрасивой.

По правде говоря, все в ней было чуть-чуть великовато: нос излишне длинноват, рот немного широковат, а скулы столь решительно вышли вперед, что сделали бы честь любому министерству, если бы заняли там достойное место. Но, к счастью, это далеко не все, ибо в эпоху преклонения перед бюстами Монро, Лорен, Лолобриджиды и Экберг соответствующие аксессуары Норы могли бы считаться воистину выдающимися. А потому всякий, пожелавший обойти весь мир в поисках хотя бы бледного подобия Норы, потерпел бы сокрушительное поражение в любом из полушарий.

Однако необходимость в проведении такой глобальной миссии отсутствовала, ибо сама Нора была совершенно свободной. Заканчивая колледж, она работала секретаршей у своего отца, исполняя вдобавок и функции домохозяйки. Вдовец доктор Уэлк, втайне считая это своей заслуженной удачей, внушал дочери:

— Когда появится достойный человек, я дам знать. Будь уверена: я опознаю его по конфигурации черепа, а потом мы проведем контрольный опыт. Ведь, дорогая, что может быть лучше истинного евгенического соответствия?

Нора соглашалась: да, конечно, это просто великолепно, однако со временем она начала испытывать некоторые сомнения, ибо никто не назначал ей свиданий, а всякий раз, стоило ей при отце робко упомянуть имя какого-нибудь молодого человека, тот мгновенно изобличал названного индивидуума как долихоцефального идиота.

Сколько еще времени они могли вести такое совместное здравомыслящее существование, неизвестно, но тут наконец в их жизни возникла проблема, именуемая Фрэнк Таллент.

Честно говоря, Фрэнк Таллент не блистал внешностью: невысокий, волосы неопределенно-песочного цвета, близорук, да и вес фунтов этак сто десять с лишком.

Но случилось ему как-то вечером сесть на лекции рядом с Норой Уэлк, и брешь оказалась пробитой.

Во время лекции он, не отрываясь, разглядывал ее профиль, а иногда набирался смелости и даже заглядывал ей в лицо. Но вот лекция закончилась, и молодой человек заметил, что девушка испытывает некоторые затруднения, пытаясь отыскать свою сумочку. Когда же она в отчаянии принялась ощупывать себя, Фрэнк легонько дотронулся до ее руки.

— Прошу прощения, мисс, — сказал он, — но сумочка под вашим сиденьем.

Нора, моргнув, обернулась к молодому человеку.

— Там я уже смотрела, — сообщила она.

Фрэнк Таллент покраснел.

— Я не имел в виду скамейку, — промямлил он. — И если вы привстанете...

Не сомневайтесь, сумочка оказалась именно там.

Теперь настал черед Норы залиться румянцем.

— Благодарю вас, — пробормотала она. — Представить себе не могу, как она там оказалась. Наверное, я так увлеклась лекцией, что даже не заметила, как сумочка выскользнула. — И улыбнулась Фрэнку. — Какая интересная лекция, не правда ли?

— Да это просто ерундовая чепуха, — более запальчиво, чем стилистически грамотно, заметил Фрэнк.

Глаза Норы вспыхнули.

— И чем же она вам так не понравилась, позвольте спросить?

— Этот старый кретин не имеет ни малейшего

понятия о том, что критикует, — ответил Фрэнк. — Если, мол, нельзя взвесить, сосчитать или засунуть под микроскоп, то, значит, никакого ясновидения не существует.

— А вы придерживаетесь иного мнения?

— Конечно, — Фрэнк сквозь очки уставился на девушку. — Я прошел спецкурс на кафедре психологии у профессора Сена. Он, пожалуй, самый авторитетный специалист в области парапсихологии.

Нора засопела.

— Профессор Сена — псих, — заявила она. — А «старый кретин», как вы изволили выразиться, мой отец.

Она попыталась пройти мимо Фрэнка, однако молодой человек придержал девушку за локоть.

— Прежде чем вы уйдете, загляните-ка в свою сумочку, — сказал он. — Из флакончика с духами выпала пробка, и все, что там было, промокло.

Нора остановилась и порылась в сумочке.

— Вы правы! — воскликнула она. — А как вы догадались?

— Я — экстрасенс, — честно признался Фрэнк. — Профессор Сена проводил со мной эксперименты. Я способен видеть то, что не видят другие.

Нора с сомнением посмотрела на него:

— Просто вы почувствовали запах духов и сделали выводы. Отец говорит, что профессор Сена именно таким способом мистифицирует публику. Папа мне все объяснил, но для вас это, конечно, не представляет ни малейшего интереса.

— Напротив, мне очень интересно, — запротестовал Фрэнк. — Может, вы будете так любезны и расскажете мне о теориях вашего отца? За чашечкой кофе, например?

Нора на секунду заколебалась.

— Конечно, с гамбургером, — нажал Фрэнк. — Ведь вы еще не ужинали.

— Как вы догадались?

— Парапсихология, — слегка улыбнувшись, Фрэнк встал.

Нора продолжала сомневаться.

— За отца не волнуйтесь, — сообщил Фрэнк. — Он за кулисами беседует с репортерами: объясняет им, какой дурак профессор Сена, а истинный исследователь — это он сам.

— Еще одна демонстрация вашего ясновидения? — поинтересовалась Нора.

— Нет, только предположение, — признался Фрэнк. — Но ведь я прав, не правда ли?

— Возможно. Но вот только вы не правы насчет моего отца и его теорий. Позвольте вам объяснить...

И девушка все объяснила молодому человеку за гамбургером, чашечкой кофе и двумя сигаретами.

Наконец Фрэнк Таллент вздохнул.

— Прошу прощения, — сказал он, — но все эти аргументы я уже слышал. Парящий стол и левитация — не телекинез, а обычная фальсификация. Предвидение — просто совпадение. И так далее. Но вот в чем беда: я способен на подобные вещи, и у профессора Сена совершал их ежедневно. Профессор говорит, что я самый замечательный реципиент, которого он видел после Леди Говорящей Лошади.

— Он тебя гипнотизировал? — спросила Нора, когда они, выйдя из ресторана, брели по темным улицам.

— Нет, конечно. Это происходит самым естественным образом. Я и сам не подозревал, что наделен парапсихологическими способностями, пока не поступил в университет и не попал в его группу. Однажды, демонстрируя телекинез с парой игральных костей, профессор пригласил добровольцев. Я вызвался — и тридцать раз подряд выбросил одинаковую комбинацию! После этого профессор заинтересовался.

— Еще бы! — усмехнулась Нора. — Если бы я могла тридцать раз подряд выбросить одинаковую комбинацию, то отправилась бы в Лас-Вегас и попытала там удачи.

— Не все так просто, — объяснил Фрэнк. — По-видимому, сознание неблагоприятно влияет на подсознание. Естественно, и у меня возникали подобные идеи. Скажем, я решил сыграть в кости на деньги с приятелями по общежитию.

— И?..

— И проиграл восемнадцать долларов за первые пять минут.

— Вот видишь! — кивнула Нора. — Все это чушь! Вот потому-то никто из так называемых телепатов не срывает крупный куш на фондовой бирже!

— Могу объяснить почему, — ответил Фрэнк. — Феномен не поддается управлению. А если вдобавок еще и пытаешься извлечь из него выгоду, то просто затормаживаешься. Однако факт остается фактом — в классе я действительно тридцать раз подряд выбросил одинаковую комбинацию.

— Значит, либо кости были со свинцом, либо ты сам как следует перед этим нагрузился.

— Исключено. Профессор Сена — честнейший человек, а я вообще не пью.

Они зашли в парк и остановились у скамейки. И тут Фрэнк взял девушку за руку.

— Эх, если б я только мог убедить тебя, — начал он. — Послушай, присядем на секундочку. Может, сейчас мне удастся кое-что тебе продемонстрировать.

Они уселись на скамейку.

— Теперь, — сказал Фрэнк, — приподними-ка ноги так, чтобы они не касались земли. Я сделаю то же самое. Мы сидим неподвижно, верно? А скамейка твердо стоит на траве, да?

— Да.

— Смотри.

Внезапно скамейка пришла в движение, наклонилась, и девушка с открытым от изумления ртом скользнула в объятия Фрэнку.

— Что случилось? — пробормотала она.

— Телекинез, — усиливая натиск, объяснил Фрэнк. — Ну и что ты об этом думаешь?

— Поразительно, — выдохнула Нора, прижимаясь к молодому человеку.

— Хочешь, продемонстрирую еще чего-нибудь? Как насчет сверхчувственного восприятия?

— Все что угодно. — Нора и так уже начала ощущать на себе воздействие ауры молодого человека, ибо чувствовала дрожь во всем теле. Ей раньше и в голову не приходило, что научные эксперименты могут быть настолько увлекательны.

К ее разочарованию, Фрэнк внезапно разжал руки и встал со скамейки.

— Ладно, — сказал он. — Сделаем следующее. Я отойду и встану вон под тем деревом, повернувшись к тебе спиной. Ты же что-нибудь вынь из сумочки и спрячь. А потом позови меня.

Точно следуя духу научного эксперимента, Нора пошарила в сумочке, выудила из нее перстень и засунула его под воротничок блузки.

Подойдя к девушке, Фрэнк мгновенно притронулся пальцами к ее шее, и Нора опять ощутила трепетную дрожь, возникновение которой связывала с парапсихологическими экспериментами. Девушка почувствовала, как рука Фрэнка скользит все ниже и ниже, и немного испугалась.

— Что ты собираешься делать? — с сомнением спросила она.

— Искать перстень, — объяснил Фрэнк. — Ты ведь его спрятала, верно?

— Да. Но не здесь! А выше, под воротничком!

— М-м, тебе так только кажется, — развивая успех, сообщил молодой человек. — А он соскользнул вниз. Для чистоты эксперимента достать его должен я сам.

— Но не мог же он провалиться так далеко! — запротестовала было девушка.

— О! Вот он! Не шевелись! Помни, это всего лишь эксперимент!

Но случается, что даже эксперименты могут выйти из-под контроля, и последующий этап парапсихологического опыта очень быстро стал неуправляемым. Однако молодые люди ничуть не сомневались в успешном завершении исследований. В течение двух минут Фрэнк продолжал поиски нориного перстня, а через пять минут они уже оказались помолвленными, имея твердые намерения вскоре пожениться.

Поскольку доктор Ангус Уэлк парапсихологическими способностями не обладал, то продолжал пребывать в счастливом неведении относительно тайной помолвки дочери. Данная ситуация устраивала и молодых людей. Их встречи продолжались в парке, а порой и в крайне неподходящем для подобных целей заднем ряду открытого кинотеатра для автомобилистов. Поскольку ни Фрэнка, ни Нору кино абсолютно не интересовало, они без особых помех продолжали совместные исследования в области сверхъестественного. Нора стремительно усваивала науку, проходя путь от интересующейся ученицы до преданного сподвижника. Она довольно быстро выяснила: совершенно неважно, где или что она прячет, Фрэнк всегда безошибочно найдет то, что нужно.

Сколько еще Нора выступала бы в качестве объекта для широкого поля исследований, неизвестно, ибо разразился непредвиденный кризис.

Он явился в образе профессора Сена, жестоко разрушив идиллию. Неучтенный фактор — Сена — разразился парапсихологическим припадком.

— Он все погубил, вот что он сделал! — такими словами поздним летним вечером Фрэнк встретил девушку у входа в парк, который они избрали местом свиданий. — Видела сегодняшние газеты? Отец тебе говорил?

— Нет, — насторожилась Нора.

— Сена все время ворчал по поводу нападок со стороны твоего отца. Говорил, что это нелепо, когда двое ученых с одного и того же факультета одного университета готовы вцепиться друг другу в волосы. Теперь профессор намерен расставить все точки над i. Сегодня он публично бросил вызов твоему отцу. Предложил ему выбрать комиссию из шести человек, кого тот пожелает, чтобы они стали свидетелями демонстрации парапсихологического феномена. Профессор завтра приедет к твоему отцу домой вместе с «подопытным кроликом», готовым подтвердить его правоту.

— Действительно ужасно, — согласилась девушка. — Папа, должно быть, страшно расстроен.

— Не только он, — пробормотал Фрэнк. — Кроликом, которого профессор Сена избрал для демонстрации, буду я.

— Нет... он не мог!

— Не только мог, но и сделал. Ведь я его главный козырь! Он даже хочет написать обо мне книгу, помнишь, я тебе говорил?

— Да. Но ты-то почему не отказался?

Фрэнк проглотил комок и промолчал.

— Ты должен отказаться, — безжалостно сказала Нора. — Разве мы не решили, что, пока ты не закончишь учебу, мы сохраним нашу помолвку в тайне, чтобы, не дай Бог, папа никогда не узнал о твоей роли в этих экспериментах. Разве я не говорила тебе, что он предпочел бы видеть меня замужем скорее за психопатом, чем за психосенсором? И не ты ли мне обещал, что, закончив учебу, бросишь свои исследования и найдешь себе настоящую работу в какой-нибудь лаборатории, где занимаются истинными психологическими исследованиями: ну, например, по звонку учат собак выделять слюну?

— Ну да, — согласился Фрэнк. — Я хотел произвести на твоего отца хорошее впечатление: прийти к нему в белом халате с полной пробиркой собачьих слюней в руке. Но профессор Сена убедил меня, Нора. И его работа очень важна. Если мы сможем научиться управлять парапсихологическими способностями, то откроем новую эру. Твой отец — ученый. И наверняка, если мы продемонстрируем ему истину, он поймет.

Нора зашмыгала носом.

— Он-то ученый, да. Но как ты однажды заметил, еще вдобавок и старый кретин. Какое бы доказательство ты ни представил, он все равно не поверит. Он просто возненавидит тебя, и тогда уж точно мы не поженимся. Ты, должно быть, нашел другую для своих экспериментов.

— Неправда! Уверен, мы непременно поженимся, — серьезно проговорил Фрэнк. — Мое сверх-

чувственное восприятие меня еще ни разу не подводило. Я тебе рассказывал, что иногда у меня бывают пророческие сны, так вот, прошлой ночью я увидел именно такой. Я видел, как ты лежишь в кровати, причем не одна.

— Не надо пошлостей, — пробормотала девушка.

— Какие еще пошлости по поводу ребенка? — возмутился Фрэнк. — Ты лежала в кровати с новорожденным малышом. Самое симпатичное существо из всех, которых мне доводилось видеть. Вылитый я.

— Мальчик или девочка? — нетерпеливо поинтересовалась Нора.

— Вот этого не скажу. Понимаешь, зазвенел будильник, и я проснулся. Сама знаешь, как посторонние шумы влияют на парапсихологические способности. Профессор Сена уже предупредил твоего отца, что завтрашний эксперимент должен проводиться в лабораторно чистых условиях.

Нора положила руки на плечи молодому человеку.

— Ты действительно собираешься на мне жениться? — тихо спросила она.

— Конечно. Ведь и сон доказывает...

— Он доказывает еще кое-что, — сказала девушка. — Эксперимент не будет проведен в чистых условиях.

— Откуда ты знаешь?

— Послушай меня. Я хорошо знаю отца. Если ты явишься к нему и продемонстрируешь свои способности, он попросту отмахнется. Но если ты при этом сядешь в лужу, он будет в восторге. Он так обрадуется доказательству собственной правоты, что согласится буквально на все. Я, конечно, понимаю: сейчас не средневековье и мы можем пожениться в любое время без всякого его согласия. Однако я люблю его, хоть он и старый кретин. И вовсе не желаю жить среди семейной свары.

— Ты, значит, предпочитаешь жить с обманщиком? — огрызнулся Фрэнк. — Что касается меня, то, по-моему, мы все еще живем в средневековье и будем жить так до тех пор, пока не продемонстрируем силу человеческой психики. Теория профессора Сена...

Нора топнула.

— Желаю твоему профессору засунуть свою теорию в стол и навсегда забыть о ней! Я хочу знать лишь одно: ты за меня или против?

— Я бы предпочел остаться в стороне, — произнес Фрэнк, стараясь, чтобы его слова не прозвучали двусмысленно. — Но, Нора, просто не могу. Но ты не волнуйся, все уладится. Ведь во сне я видел нашего с тобой малыша.

— Тогда, если тебя интересует мое мнение, это будет единственным местом, где ты его увидел, — закончила разговор Нора и, повернувшись, с топотом выбежала из парка.

Фрэнк уселся на скамейку и тяжело вздохнул. Он-то точно был уверен в своей правоте. У них действительно должен родиться малыш. Но как он теперь понимал, этого нельзя добиться исключительно с помощью парапсихологии.

Профессор Сена вел свой «порш» к находившемуся за городом большому особняку доктора Уэлка и насвистывал какой-то мотивчик с истинно галльской беззаботностью. Профессор, несмотря на свое положение члена психологического savant-garde*, совершенно не развивал собственные парапсихологические способности, а посему не сразу обратил внимание на удрученный вид Фрэнка, сидящего рядом.

— Что случилось? — озабоченно поинтересовался профессор. — Что такой кислый? Боишься испытаний?

Фрэнк помотал головой и попытался выдавить улыбку. Кажется, неудачно, ибо профессор Сена продолжал вопрошать:

— Ты, может, съел что-нибудь? Твой живот, она расстроен?

— Мой живот, она пустой, — в тон ему ответил Фрэнк.

— А, тогда отлично, mon brave,** — серьезно кивнул профессор. — Насколько мы понимаем, успех парапсихологических испытаний подвержен опасности из-за физических развлечений. Еда и выпивка портят победу. Как сказал поэт? «Человек несовершенен с головы до пят». Но приободрись, мы не провалимся. Мы убедим и доктора Уэлка, и его комиссию, и репортеров...

— Репортеров? — простонал Фрэнк. — О, нет!

— О, да! — профессор махнул рукой, когда они вырулили на въездную дорожку, ведущую к особняку доктора Уэлка. — Уважим их.

Фрэнк увидел на террасе поджидающую их группу людей, в которых узнал факультетских коллег доктора Уэлка. Рядом суетились еще два-три молодых человека, окруживших тучного краснолицего мужчину, хмуро смотревшего поверх очков. Блеск глаз доктора Уэлка поначалу ужаснул Фрэнка, пока он не понял, что пучеглазость доктора связана с фокусом оптических линз, толщина которых была такова, что приводила к мысли, будто шлифовали их целиком из горы.

— Myopie,*** — пробормотал профессор, очевидно тоже обративший на это внимание. Он вылез из машины и потащил за собой Фрэнка. — Однако сегодня он увидит многое.

Фрэнк не ответил. Он искал взглядом Нору. Однако среди присутствующих девушки не было. В ответ на вопрос репортера Фрэнк едва слышно пробубнил свое имя.

— Таллент? — второпях записывая, переспросил репортер. — А о вас, случайно, никто не писал книгу? Чарльз Форт, может?

— Чарльз Форт — старый дурак. — Раздраженный голос принадлежал доктору Уэлку. — Исключая, конечно, то время, когда он был молодым. Тогда он был молодым дураком.

Профессор Сена весело рассмеялся.

— Вот он, тот самый скептицизм, который мы сегодня преодолеем, — предсказал он. — Если

* *Страж науки (фр.).*
** *Дружище (фр.).*
*** *Близорукость (фр.).*

кто-то высказывает что-то новое, люди сопротивляются изо всех сил. И новая истина может прождать еще очень-очень долго, прежде чем пробьет ее час.

— Примерно такую чушь я и ожидал от вас услышать, — заметил доктор Уэлк.

Профессор пожал плечами.

— Да это не моя чушь, — ответил он мягко. — Так говорил Гете.

— Хм, мне следовало догадаться. Ибо Гете тоже был дурак, поскольку верил во всякую ерунду. К тому же вам следовало бы взглянуть на его лобные доли.

— Этот Гете, он ваш приятель? — живо поинтересовался один из репортеров.

Но прежде чем профессор успел ответить, возникло некоторое оживление, вызванное явлением (надо заметить, весьма очаровательным), принявшим вид Норы.

Она была восхитительна, когда приблизилась к группе и принялась раздавать стаканы с розовой жидкостью.

— Полагаю, перед началом испытаний джентльменам следует немного освежиться, — предложила она.

— О! Бакарди! — воскликнул репортер, спрашивавший о Гете.

Девушка покачала головой.

— Нет, всего лишь фруктовый пунш.

Поравнявшись с Фрэнком, Нора смерила его взглядом. Молодой человек уже было раскрыл рот, но в горле у него почему-то пересохло; он машинально схватил стакан и выпил его одним залпом. Ему очень хотелось, что бы Нора ушла, ибо ее присутствие нервировало, а ее отчужденность тревожила его. Фрэнку с трудом удалось собраться с мыслями и переключить внимание на происходящее.

А происходило следующее: профессор Сена, перехватив инициативу, рассказывал репортерам и комиссии доктора Уэлка о телепатии, телекинезе, телепортации, ясновидении и обнаружении подпочвенных вод с помощью прутика. Он вытащил из портфеля доклад о своих экспериментах с Фрэнком за последние полгода: записи результатов с игральными костями, психометрические данные и прочее.

Доктор Уэлк прочистил горло и приготовился вступить в бой.

— Болтовня, — заявил он. — Бред сивой кобылы. Невозможно читать мысли другого человека. Это противоречит науке!

И, шагнув к профессору Сена, добавил:

— Попробуйте, прочтите мои мысли. Я вам разрешаю. — Тут доктор взглянул на дочь. — Впрочем, наверное следует немного подождать, пока не уйдет Нора, ибо то, что я о вас думаю, отнюдь не предназначено для женского слуха.

— Но я не читаю мыслей, — возразил профессор. — Здесь присутствует молодой человек: он экстрасенс, а не я.

Фрэнк нерешительно улыбнулся. По правде говоря, в данный момент он явно не чувствовал себя экстрасенсом. Фрэнк буквально оцепенел. Он стоял и наблюдал, как Нора из большого кувшина снова разливает напиток по стаканам. Фрэнк с умоляющим видом протянул свой. Однако девушка демонстративно отвела взгляд в сторону и Фрэнк не мог узнать, о чем она думает. И не был способен — понимание этого захлестнуло его внезапным ужасом — сказать, что думает вообще кто-нибудь из присутствующих. У него начала кружиться голова.

— Давайте войдем в дом, — предложил доктор Уэлк, — и поскорее покончим с этим делом. Я не в состоянии терять время на подобное шутовство — в четыре часа мне нужно делать трепанацию черепа горилле.

И он повел группу в большой старомодный кабинет с книжными стеллажами вдоль стен. Очевидно, здесь находилась берлога доктора, где он мог рычать и реветь, сколько пожелает.

— Вот видите, я все устроил именно так, как мы договаривались, — сообщил он профессору Сена. — Насколько я понял, вы просили меня припрятать где-нибудь колоду игральных карт и пачку писем...

— Может быть, кто-то еще хочет освежиться, прежде чем начнется опыт? — прервала его Нора, входя в комнату с полным кувшином. — День сегодня жаркий...

Фрэнк снова попытался сосредоточиться, но все расплывалось, словно в тумане. Лицо Норы покачивалось перед ним, когда девушка разливала содержимое кувшина по стаканам. Он попытался шепнуть ей: «Дорогая, может, скажешь мне хотя бы словечко?» Но девушка отвернулась, а профессор Сена тут же положил руку на плечо Фрэнка и подтолкнул молодого человека к стоявшему в центре комнаты столу.

Призывно махнув рукой присутствующим, профессор Сена указал им на ряд стульев, установленных вдоль стены.

— А теперь, месье, — начал он, — если вы будете так любезны и присядете, мы приступим к экспериментам. Начнем с карт. Как я уже объяснял, доктор обещал спрятать в этой комнате колоду игральных карт. Сейчас я попрошу испытуемого отыскать их.

Профессор с ожиданием обернулся к Фрэнку. Но молодой человек ощущал лишь то, что у него повлажнели ладони, и ничего больше. Ему не удавалось сосредоточиться. Комната покачивалась. Во всем виновата Нора — она сознательно расстроила его, чтобы эксперимент провалился. Фрэнк нервно взглянул на профессора. Тощий исследователь доверчиво взирал на молодого человека. Подвести его здесь, сейчас — это было невыносимо! Опростоволоситься самому — не менее ужасно.

Доктор Уэлк нахмурился и что-то пробормотал членам комиссии и репортерам.

Фрэнк закрыл глаза. Комната пришла в равновесие, и у него начало появляться смутное ощущение.

С закрытыми глазами Фрэнк двинулся вперед,

вытянув руку в направлении стеллажей. Нащупав одну из книг, он вытащил ее и засунул руку поглубже. Из пространства между книгами и стеной Фрэнк извлек колоду карт.

Вздох облегчения Фрэнка слился с изумленным выдохом доктора Уэлка.

— Но я не клал их туда! — воскликнул доктор. — Здесь, должно быть, какая-то ошибка!

— Ошибка? — вежливо улыбнулся профессор Сена, беря запечатанную колоду из рук Фрэнка. — Вы прятали карты или нет? А мой испытуемый нашел их или нет? Давайте продолжим.

Профессор проворно завязал Фрэнку глаза и отвел его в дальний конец комнаты. Сам же, живо вернувшись к столу, распечатал колоду, перетасовал ее и протянул сидевшему ближе всех члену комиссии. Под шепот даваемых инструкций член комиссии еще раз тщательно перемешал карты. Второй член комиссии снял верхнюю карту и положил всю колоду на стол рубашкой вверх.

Фрэнк не шелохнулся.

— Что ты ощущаешь? — обратился к нему профессор.

Фрэнк проглотил комок в горле и стиснул пальцы в кулак.

— Ну и что же ты видишь? — настаивал профессор.

Молодой человек пожал плечами.

— Мне можно говорить? — Голос его дрожал.

— Ну конечно! Не можно, а нужно.

— Хорошо, — пробормотал Фрэнк. — Но учтите, вы сами просили. Итак, на карте изображена лежащая на спине голая блондинка, упирающаяся обеими ногами в червонное сердце. Полагаю, это туз червей.

Все изумлено открыли рты, а Фрэнк продолжал:

— Следующая карта с брюнеткой и пони — четверка пик. Рыжеволосая в соломенной шляпке — семерка бубей, а потом, с тремя девушками в черных бюстгалтерах, — девятка треф...

Фрэнк еще не закончил, как профессор Сена уже оказался у стола и стал торопливо переворачивать карты. Фрэнк не ошибся: червонный туз и другие карты выглядели именно так, как он их описал.

— Колода с девицами, ей-богу! — воскликнул один из репортеров, с трудом протолкавшийся сквозь толпу, состоящую из членов комиссии. — Да еще какая! Взгляните-ка на даму бубей! Вот это да! Эй, док, не ожидал, что у вас найдется нечто подобное...

— Я здесь вовсе ни при чем, — пробормотал доктор Уэлк. — Я хочу сказать, что это определенно не та колода, которую я прятал. Один мой студент недавно вернулся из полевой экспедиции на Кубу и привез некоторые весьма любопытные вещи для антропологических исследований. Он оставил их мне и...

— Да, конечно, — согласился репортер. — Мы знаем, как это бывает, док.

Репортер попытался было посмотреть и другие карты, но доктор Уэлк вырвал колоду у него из рук.

— Может, нам лучше перейти к следующей части эксперимента? — нервно сказал он. — Будем считать это достаточным доказательством.

— О, да, — с вежливым поклоном ответил профессор Сена. — Теперь письма.

Он снял повязку с глаз Фрэнка и шепотом поинтересовался:

— Что, чувство слабеет?

— А черт его знает, — ответил Фрэнк. — Но думаю, с этим делом пора кончать. Опять все пусто.

— Прошу вас, — Нора протянула ему стакан. Фрэнк хотел отмахнуться, но, заметив улыбку, с благодарностью осушил стакан, хотя жидкость почему-то обожгла горло. Нора обошла комнату, наливая напиток всем остальным.

Наконец профессор, постучав по столу, потребовал внимания.

— Я просил моего уважаемого коллегу, — обратился он к присутствующим, — спрятать в комнате несколько писем. Теперь я попрошу испытуемого найти эти communiques* и прочесть их вслух.

Фрэнк потряс головой. И подсознание снова пришло на помощь. Пошатываясь, он подошел к столу и остановился. Доктор Уэлк сощурился, но Фрэнк отошел от стола, и у доктора вырвался вздох облегчения.

Однако он вытаращил глаза, когда Фрэнк, остановившись у большого портрета, сдвинул его в сторону и принялся набирать комбинацию цифр сейфа, скрытого за портретом.

— Не там! — вскакивая, заорал доктор Уэлк. — И, кстати, откуда вы знаете код?

Фрэнк, словно в трансе, продолжал вертеть циферблат. Дверца сейфа распахнулась. Молодой человек засунул внутрь руку и извлек пачку перевязанных поблекшей красной ленточкой писем. Не открывая глаз, Фрэнк положил на них руку.

— Первое письмо датировано двенадцатым июня 1932 года, — пробормотал он. — Начинается так: «Милый пупсик, уже утро, но я до сих пор ощущаю сладость твоих поцелуев. Ах, если б только ночи могли никогда не кончаться...»

— Дайте их сюда! — Доктор Уэлк вырвал связку из рук Фрэнка и быстро засунул себе в карман.

— Он угадал или нет, док? — закричал репортер. — Как там насчет «пупсика»?

Лицо доктора Уэлка покрылось пятнами.

— Это абсолютно не те письма, которые я имел в виду, — простонал он. — Профессор Сена, что все это означает? Вы решили выставить меня на посмешище?

— Ни в коем случае, — принялся оправдываться парапсихолог. — У меня и в мыслях не было подобного.

Он нервно взглянул на Фрэнка. Молодой человек стоял, вытаращив глаза.

— Приступим к следующей стадии эксперимента. Меня уже мутит от всего этого!.. Ваш испытуемый никогда не бывал у меня в лаборатории. Вот пусть и догадается, что там!

Фрэнк обернулся и приложил ладонь ко лбу. Ему

* *Послания (фр.).*

казалось, что комната кружится. Рот молодого человека раскрылся, и Фрэнк неожиданно для себя заговорил.

— Перечисляю предметы слева направо, — произнес он. — Вижу банки. В первой — маринованный укроп, во второй — заспиртованный утробный плод, в третьей — дистиллированная вода.

Фрэнк раскрыл глаза.

— Верно, не так ли?

Доктор Уэлк нехотя кивнул.

— Более или менее, — согласился он. — Ну а как насчет четвертой?

— Четвертой? — нахмурился Фрэнк. — Там нет четвертой.

— Ага! Разумеется, она там! — с победным видом воскликнул доктор Уэлк. — Пойдемте, я вам покажу!

Комиссия неорганизованной толпой под предводительством доктора Уэлка отправилась в лабораторию. Сам доктор, правда, передвигался несколько неуклюже и довольно долго возился с ключом, пытаясь открыть дверь. Но наконец она поддалась, и доктор, войдя внутрь, с триумфальным видом махнул рукой в сторону стола.

— Видите! — возвестил он. — Банок — четыре!

— Э-э... — протянул самый пожилой член комиссии. — Я вижу шесть.

— Да это у вас просто в глазах двоится, — сообщил ему сосед. — Здесь действительно только три.

— Три, — согласился профессор Сена.

— А я вам по-английски говорю, четыре! — опровергнул его доктор Уэлк, после чего сам взглянул в сторону стола.

— Куда же она подевалась? — тяжело задышал он. — Куда она исчезла? Готов поклясться, здесь было четыре банки. В четвертую я налил целый галлон чистого медицинского спир...

— Кто желает пунш? — мило промурлыкала Нора, появляясь в дверях с полным кувшином.

Фрэнк, буравя девушку взглядом, отвел ее в сторону и прошипел:

— Так вот, значит, в чем дело! Ты подлила в пунш спирт! Знала, что алкоголь плохо подействует на меня, и хотела сорвать эксперимент!

Однако продолжать он не смог, поскольку профессор Сена повел всех на улицу.

— Мы завершим эксперименты обнаружением подпочвенных вод, — объявил он.

— Обнаружением подпочвенных вод? — мгновенно насторожился репортер. — То есть искать воду с помощью раздвоенного прутика? Но при чем здесь парапсихология?

— Это просто пример ясновидения, то есть сверхъестественной силы восприятия, — объяснил ему профессор Сена, принимая от Норы стакан пунша. — Ивовый прутик, в ней, в общем, нет необходимости. Она — скорее суеверие. La radiesthésie* — так можно назвать обнаружение подпочвенных вод — с тем же успехом достигается и с помощью платяная вешалка, что вы вскоре и увидите.

— Или с тем же неуспехом, — проворчал доктор Уэлк, понижая голос, чтобы профессор его не услышал. — Я приглашал сюда кое-кого с геологического факультета. Можно ознакомиться с их отчетом. На моем участке вообще нет воды. Он сух, как старая кость.

Профессор Сена, в свою очередь, схватил за шиворот обоих репортеров, получивших от Норы уже по пятому стакану пунша.

— На лужайке вы видите инструмент, — пустился он в объяснения. — Она есть отличный портативный копалка, который я взял напрокат сегодня утром. Когда мой юный друг отыщет воду, я сам высверлю дырка в земле. Вниманий, он выходит из дома с платяной вешалка.

Выходить-то Фрэнк выходил, но не очень быстро. В нем закипал гнев, смешанный с алкоголем. Нора уже откровенно хихикала, однако этого никто не замечал — пунш поработал на славу. Казалось, любая попытка сверхчувственного восприятия обречена на провал; коли на то пошло, тут не то что сверхчувственно, но и нормально-то никто не был в состоянии что-либо воспринимать. На краю лужайки столпилась группа пьянчуг, всем своим видом создававшая впечатление, что по окончании вечеринки гости беспорядочно высыпали на газон.

Доктор Уэлк крикнул Фрэнку нечто бессвязное и махнул рукой.

— Давайте кончать! — призвал он. — Не забывайте, в четыре у меня свидание с гориллой.

— Сейчас не время для любезностей с обезьянами, — возвестил профессор Сена. — Прошу быть немые, как могила. Испытуемый должен предельно скон...цен...три...роваться!

Фрэнк поднял вешалку. И глубоко вздохнул, надеясь стряхнуть с себя опьянение. Воду ему случалось находить и раньше, и если здесь имеются хотя бы следы влаги, Фрэнк знал, что его внутренняя сила неизбежно выведет его на них. Вешалка дернется, затем нацелится, и профессор Сена уверенно может сверлить в этом месте.

Семенящий за Фрэнком профессор тяжело дышал, поскольку тащил на себе тяжеленный механизм, за которым из дома тянулся электрический шнур около трехсот футов длиной. Фрэнк шел медленно, опустив голову.

— Стоп, — заворчал профессор. — Провод, она есть кончаться.

Фрэнк двинулся в обратном направлении. Вешалка не шелохнулась.

Комиссия толпой, спотыкаясь и хихикая, ковыляла сзади. Вдруг Фрэнк резко развернулся и направился к дому. Он остановился под одним из эркеров, и тут вешалка внезапно дернулась книзу, словно сама выбрала нужное место.

— Здесь, — прошептал Фрэнк.

Профессор Сена принялся устанавливать дрель.

— Нет! — запротестовал доктор Уэлк. — Нет! Здесь вообще нет воды! Это место уже изучали, и здесь ее быть не может! Не портите мои клумбы!

* *Водознатство (фр.).*

Не смейте включать эту штуковину! Эй, кто-нибудь, остановите его!

Но покуда комиссия и Фрэнк с профессором сошлись в одной точке, дрель уже пришла в действие. Раздалось жужжание, и в стороны полетели комья мягкой земли. А затем...

Вверх ударила струя воды и сверкающей дугой обрушилась на комиссию.

Из-под земли бил фонтан!

Фрэнк лучезарно улыбнулся девушке.

— Я сделал это! — закричал он.

— Sacre! — воскликнул профессор. — Sacre du printemps!*

— Смотри! — Фрэнк обхватил Нору и встряхнул, держа ее под струей воды. — Теперь он должен поверить! Я могу делать все! Я способен на предсказания, полтергейст, любые феномены! Я обладаю силой, видишь? Я могу левитировать, телепортировать — наблюдай за мной...

— Дурак ты чертов, вот ты кто! — к ним, пошатываясь, подошел доктор Уэлк. — Знаешь, что ты наделал? Ты повредил городской водопровод!

Профессор Сена бешено рванул дрель.

— Застряла, — выдохнул он.

— Дайте мне, я попробую! — Фрэнк пару раз дернул дрель и обернулся. — Не беда, я ее левитирую!

Он поглядел на мокрую комиссию.

— А теперь смотрите! — крикнул молодой человек. — Я докажу, что обладаю парапсихологическими способностями, смотрите!

Он позволил захлестнуть себя темноте, мутной пьяной темноте, и внутренним зрением увидел, как дрель словно сама по себе выходит из земли. Он видел, как она поднимается все выше и выше, и напрягся, пытаясь удержать инструмент, вращающийся прямо над его головой.

Однако нагрузка оказалась чрезмерной, и дрель рухнула вниз. Фрэнк попытался увернуться, но не успел. С пронзительными криками комиссия разбежалась в разные стороны, и вращающаяся дрель опустилась Фрэнку прямо на голову. Больше он ничего не видел.

Чтобы зашить кожу на голове Фрэнка, потребовалось наложить десять швов. Но прежде чем мгновенно протрезвевшая, заляпанная грязью комиссия покинула дом доктора Уэлка, все ее члены поклялись хранить молчание по поводу случившегося, включая и собственное участие в этом эксперименте. Возможно, здесь сыграло роль и признание Норы насчет крепленого пунша, но уж, во всяком случае, никому не хотелось попасть в хронику в качестве участника разгрома системы водоснабжения. А что касается репортеров, так никто из них и подавно не имел ни малейшего желания оказаться замешанным в эту историю.

— Да кто ж в такое поверит? — сказал тот, который интересовался Чарльзом Фортом. — Мой издатель вообще глух к подобному материалу. Он не опознает летающей тарелки, даже если его собственная жена запустит в него одной из них.

Лишь один профессор Сена был счастлив. В его глазах эксперимент полностью удался, а как только его уверили, что рана у Фрэнка не серьезная, он даже согласился возместить стоимость работ по ремонту водопровода.

Реакция доктора Уэлка на случившееся оказалась неоднозначной. С одной стороны, он увидел достаточно, чтобы изменить отношение к парапсихологии, но в то же время вынужден был считаться и со своей репутацией. Но, к счастью, как выяснила Нора, никто из посторонних так ничего и не узнал. Сама она никому ничего не рассказывала, не делал этого и Фрэнк.

До поры до времени молодой человек вообще не был в курсе происходящих событий. Сейчас же он сидел на больничной койке и слушал отчет Норы о завершении дела.

— Как видишь, все решилось как нельзя лучше, — рассказывала она. — Папа совершенно не сердится на тебя за случившееся. Он понимает, что ты спас его репутацию.

— Спас?!

Нора залилась румянцем.

— Да. Я сказала ему, что с пуншем — это была твоя идея.

— Но, дорогая...

— А ты разве сам не понимаешь? Зато теперь все в порядке. Мы поженимся, а ты, если хочешь, можешь потихоньку продолжать свои эксперименты.

— Нет. Вот этого-то я как раз и не могу, — замогильным голосом произнес Фрэнк.

— Что ты имеешь в виду?

— Да тот самый удар по голове. Из-за него со мной что-то произошло. Я... я уже пробовал. Ничего не получается. Я даже не знаю, что написано в моем температурном листке, и тем более не имею понятия, что лежит в твоей сумочке.

Нора вздохнула.

— Сама не пойму, плакать мне или радоваться, — дотрагиваясь до руки Фрэнка, сказала она. — Но не волнуйся, может, когда выздоровеешь, к тебе это снова вернется.

И, конечно, ошиблась. Ничего не вернулось.

А спустя девять месяцев после их свадьбы, когда Фрэнк уже имел прекрасную работу и в качестве ассистента доктора Уэлка даже составил каталог тазовых костей австралопитеков, наступил тот самый час.

Едва молодой человек шагнул за порог родильного отделения, медсестра задала ему обычный в подобных случаях вопрос.

— Ну и как вы полагаете, кто у вас? — спросила она. — Мальчик или девочка?

— Да будь я проклят, если знаю, — тяжело вздохнул Фрэнк. — Вы что думаете, я провидец, что ли?

Перевел с английского
Михаил ЧЕРНЯЕВ

* *«Весна священная» — балет И.Стравинского.*

Время умерить аппетиты

Известной общественной организацией — институтом «Уорлдуорч» («Всемирная стража», штаб-квартира в Вашингтоне) опубликованы итоги исследования проблем питания и численности населения земного шара, основанные на анализе 36 различных факторов, связанных с природной средой и социальными условиями.

Отчет, в частности, призван заполнить пробелы в международных и национальных исследованиях, которые, как правило, переоценивают экономическую информацию, но игнорируют такие факторы, как состояние природных систем, от которых и зависит успех экономической деятельности. Кроме того, авторы отчета уделяют большое внимание показателям, ориентированным «на душу населения», что важно для понимания качества жизни в реальном мире, где численность людей продолжает расти.

Эксперты констатируют, что в последние годы производство продуктов питания отстает от прироста населения. Урожаи таких культур, как, например, зерновые, в лучшем случае остаются на прежнем уровне. Особое беспокойство это вызывает у того примерно миллиарда людей, которые стоят на нижних ступенях социальной лестницы.

Производство зерна — по-видимому, самый точный индикатор благосостояния беднейшей части населения планеты — с 1950 до 1984 года увеличивалось в среднем примерно на 3% в год.

За это время потребление зерна среднестатистическим человеком поднялось более чем на треть. Но в последовавшие за этим периодом семь лет прирост производства зерна упал до 1%, и, так как численность населения продолжала увеличиваться почти на 2% ежегодно, душевое потребление сократилось более чем на 8%.

Главным источником белков как для человека, так и для его домашнего скота и птицы служат соевые и бобовые культуры. Здесь тенденция та же. В течение тридцати лет, начиная с 1950 года, их урожай увеличивается ежегодно более чем на 5%. Но в последнее десятилетие он возрастал лишь на 2% в год, едва-едва догоняя численность потребителей. Производство мяса между 1950 и 1987 годами поднялось почти на четыре пятых, так что потребление этого важного продукта стало значительным во всем мире. Но в последовавшее за тем пятилетие этот рост составил около двух процентов в год, то есть тот же уровень, что и рост численности населения Земли.

В 1989 году было выловлено сто миллионов тонн рыбы — рекордное количество, которое, согласно оценкам биологов моря, представленным в ООН, является предельно допустимым для Мирового океана. Очевидно, что до конца текущего десятилетия падение потребления рыбы на душу населения неизбежно.

В сельском хозяйстве важным показателем является наличие пахотных земель и влаги для ирригации. В 1980 году процесс расширения площадей под зерновыми приостановился. Так как его возобновление в 90-х годах маловероятно, любой прирост численности человечества означает сокращение площади, приходящейся на «едока».

С 1950 по 1978 год площадь орошаемых земель увеличивалась примерно на 3% ежегодно, но затем этот процент упал до одного. Учитывая недостаток новых возделываемых площадей и нехватку воды для орошения во многих странах, следует признать неизбежным дальнейшее снижение и этого показателя.

Было время, когда прирост населения в развивающихся странах сопровождался расширением сельскохозяйственных угодий: «Больше рук — больше пищи». Теперь, когда новых площадей становится все меньше, рост численности людей означает ухудшение их снабжения.

Раньше одним из факторов улучшения продовольственного положения по праву считался рост применения удобрений. Ныне урожайность уже не «откликается» столь активно на внесение добавочной массы подобных веществ. Их применение между 1950 и 1984 годами расширялось в среднем на 7%, затем замедлилось, а с 1989 года пошло на убыль.

Отчет подтверждает недавние выводы ООН, согласно которым доля населения Земли, которое страдает от недоедания и голода, в 1990-м была меньшей, чем в 1970 году. Однако его авторы подчеркивают, что запасы зерна в 1984-м — году максимального благополучия — были значительно большими, чем в 1990 году. Иными словами, положение с продуктами питания с 1970 по 1984-й улучшалось, но с тех пор стало хуже.

Мир, очевидно, вступает в эру новых отношений между численностью населения, наличием ресурсов и уровнем жизни. Снижение производства продуктов питания на душу населения в аграрных по преимуществу странах может быстро привести к падению доходов. Согласно данным Всемирного банка, в 80-х годах произошло снижение валового национального продукта примерно в пятидесяти странах. Если в этих государствах, где живут около 850 миллионов граждан, население будет расти столь же интенсивно, как и прежде, уровень жизни в текущем десятилетии продолжит свое падение.

Однако исследователи находят и положительные стороны в сложившейся ситуации. Главная — резкое снижение международой напряженности, а значит, и угрозы мировой войны. Впервые с применения атомной бомбы полвека назад человечество «попятилось» от этой пропасти.

В 1991 году количество стратегических ядерных боеголовок сокращено примерно с 23700 до 19200, то есть на 19%. Хотя демонтаж атомного оружия — дело сложное, оно неизбежно, если мы хотим избежать всеобщего уничтожения.

С этим фактором связано сокращение военных расходов во всем мире. С 1960 по 1989-й они возрастали, но в 1990 году снизились примерно на 60 миллиардов долларов, то есть на 6%. Этот процесс, несомненно, продолжался и в 1991-1992 годах, окончательный подсчет по которым еще не был сделан.

Снижение военных затрат высвобождает ресурсы для насущных нужд. Но, по мнению авторов отчета, это может дать ощутимый эффект только при совмещении с серьезными мерами по контролю за ростом народонаселения, с которыми должны сочетаться усилия, направленные на образование и улучшение положения женщин в обществе. Иначе человечество ждет лишь еще более широкое распространение нищеты и недоедания.

РЕЗУЛЬТАТ

Тэд Рейнольдс

Выигрыш

Больше всего Пол ненавидел ночь. Даже больше, чем их чертовы завтраки, обеды и ужины. Голова кружилась, все мускулы дрожали от напряжения, ноги, казалось, готовы были отвалиться. Он не мог помочь себе руками, потому что семейство еще не заснуло. Если бы они открыли глаза и увидели, что он вцепился в насест, все пошло бы прахом.

Ему нужно продержаться еще около получаса, пока семья не погрузится в глубокий сон. Тогда он слезет с насеста и растянется на каменном полу пещеры хотя бы на пару часов, ровно настолько, чтобы успеть опять взобраться на эту дурацкую перекладину до того, как они проснутся.

Паммам приоткрыл глаза и лениво посмотрел на Пола.

— Мы хорошо заперли морков, сынок? — спросил он, совершенно уверенный в ответе.

— Конечно, памма, — пропищал Пол, нажимая на кнопку тембратора.

Паммам удовлетворенно закрыл глаза и снова начал медленно раскачиваться, вперед — назад, вперед — назад, голова все ниже и ниже...

Это время полудремы всегда было наиболее содержательным, а потому таило для него массу опасностей. Львиная доля разговоров в семье происходила именно в эти часы: события за день, планы на завтра и, наконец, единодушное выражение взаимной любви и удовлетворения.

Вот и Юви, висящий в дальнем конце пещеры, зашуршал (или зашуршала?) своими крыльями. Он (она?) тихо, но о-очень торжественно вымолвил:

— Я, кажется, еще не говорил тебе сегодня, что ты прекрасный брат, Ойну!

— М-м, ты тоже, Юви, — ответил Пол, стараясь, чтобы голос звучал сонно.

Небольшая пауза. Теперь, кажется, настала очередь Пола.

— Маппа, а у нас будут на завтрак кабиски? — Он их терпеть не мог.

— Хр-р-р... — отозвалась Маппап.

Звучит обнадеживающе, похоже, осталось недолго!

В конце концов разговор затих сам собой, и семейство погрузилось в глубокий сон. Из последних сил Пол заставил себя подождать еще немного для пущей уверенности и, с трудом двигая онемевшими конечностями, медленно сполз на пол. С трудом вытянул онемевшие до потери чувствительности ноги.

Если бы спать на полу мог хоть один сумасшедший шеклит, Пол с радостью согласился бы казаться идиотом. Беда в том, что для шеклитов это было просто непредставимо. Так что, будь его «родители» даже самыми терпимыми существами, видеть собственное чадо за таким нелепым занятием они бы не смогли.

Не помня себя от усталости и боли, Пол медленно уполз в дальний конец пещеры, где семья хранила свои компьютеры и стоял родовой алтарь; здесь еще можно было найти местечко без острых камней. Теперь он получит краткую передышку до тех пор, пока семья не начнет пробуждаться. Пусть уж лучше они увидят его сидящим на проклятом насесте, чем начнутся дипломатические осложнения. Черт бы побрал эти ночи!

Но теперь в довершение всего он не мог заснуть. Его мысль опять и опять возвращалась к больному вопросу: «Ну почему я?! Почему из семи миллиардов людей лотерейный билет выпал именно мне?» Вновь и вновь он с отчаянием бился об эту стену. И как это Галактика умудрилась придумать такой нелепый способ межпланетных контактов! Земляне, уж точно, придумали бы что-нибудь поумнее! К сожалению, Земля присоединилась к Галактическому союзу, когда традиция уже укоренилась; ты мог либо согласиться, либо уйти. Правило первое — ничего не менять, правило второе — не менять ничего.

Пол понимал, что какой-то принцип необходим. Обитатели разных планет Вселенной чрезвычайно разнообразны. Потенциально любой вид мог оказаться для землян самым надежным союзником, прекрасным торговым партнером, но было возможно и обратное: они окажутся настолько далеки физически, духовно, социально, что лучше бы с ними вовсе не завязывать никаких отношений. В глубине души Пол чувствовал, что лотерея — это разумнее, чем война, но поскольку именно ему выпало нести это бремя случайного выбора, он не мог смотреть на дело иначе, чем на галактическую блажь.

Представитель Земли на планете Шеклит погрузился в тяжелый пугливый сон.

Они сидели на корточках прямо перед входом в пещеру, аккуратно отправляя крошечные кусочки мяса в рот. Пол был искренне благодарен Маппап за то, что она не приготовила кабиски, хотя морки были немногим лучше.

С утра бледно-желтое небо оказалось сплошь заляпанным веселенькими зелеными облаками. В загоне морки бестолково сталкивались друг с другом, нетерпеливо дожидаясь свободы. Утро обещало чудесный день. Паммам, потягиваясь, вышел из пещеры и остановился, уставившись на Купоуинское ущелье. Задумчиво расправив красивые могучие крылья, он вытянулся во весь рост, изгоняя остатки сна.

— Прекрасный день. Действительно, восхитительный день! — вынес он наконец решение, присоединяясь к общей трапезе. — Сегодня, кажется, твоя очередь сгонять за яйцами в Юори? — Паммам любяще посмотрел на Пола.

Кусок непрожеванного мяса застрял у Пола в

горле, и он беспомощно засипел. С того места на краю скалы, где он сидел, Пол мог видеть деревню на другом краю ущелья. «Около мили полета напрямую, — думал он. — Минут пять. И два часа карабкаться мне, сначала вниз, затем вверх. Если я вообще могу сделать это!»

«Я не такой, как вы! — молча бунтовал он. — Я ненавижу яйца! И я не могу летать, у меня нет крыльев! Вы ведь все знаете, зачем же делать вид?!»

С его стороны это было неумно. Они просто давали Полу понять, что он такой же, как и они: именно так они продолжают воспринимать его. Он должен чувствовать себя польщенным. И успокоиться. Вот если они начнут няньчиться с ним, тогда действительно появится повод для тревоги. А так — все члены семьи Местойви по очереди летали в деревню за продуктами, теперь же настал его черед, вот и все.

Его пальцы лихорадочно искали кнопку тембратора.

— Конечно, па, — наконец взвизгнул он, — о, пожалуйста, можно я задержусь в деревне посмотреть игры? — Конечно же, он с трудом выносил местные развлечения, но настоящий Ойну обязательно бы канючил. Кроме того, это прекрасно объяснит его долгое отсутствие в родных пенатах.

— Видишь ли, сейчас... — начал было Паммам в своем обычном тоне никогданебалующегонибольшихнималенькихдетей. Но Маппап вовремя прервала его:

— Не вижу в этом никакого вреда, Пам. Ойну — примерный юноша. Он никогда не чистит свои перья в доме, — добавила она в доказательство, — не то что Юви.

— Тогда я прямо сейчас... — начал было Пол, вскакивая на ноги.

— Прямо сейчас ты закончишь завтрак, — отрезал Паммам неумолимо. — Никто из моих детей никогда не появится в деревне голодным. Что скажут старейшины?!

— Это не моя вина, — извинилась Маппап. — Ты же знаешь, наш сын стал очень разборчив в еде. Честное слово, иногда просто не понимаю, что с ним происходит. Это, должно быть, возрастное.

Наконец утренняя трапеза была окончена. Все пожелали Полу удачного дня, Паммам дал немного денег (радужные пластинки), после чего все прилежно повернулись в одну сторону, чтобы по достоинству оценить богатство красок утреннего неба. Тем самым они сделали все возможное, чтобы не обращать внимание на весьма необычный способ его исчезновения. И пока семья старательно любовалась восходом, Пол весело кричал:

— Ну-ка, крылья вверх — вниз, вверх — вниз, полетели!

Он быстро спускался по каменистому откосу, цепляясь руками за что ни попадя. Стремясь как можно скорее скрыться с глаз, он почти катился вниз. Когда спуск стал более пологим, Пол обнаружил, что в ожесточении бормочет про себя:

— Двадцать семь дней, двадцать семь дней ада... Один промах завтра, послезавтра... сегодня! О, Боже! За что мне такое?!

Он заставил себя замолчать. Он не любил думать о провале. До дна ущелья было еще далековато.

На самом деле по земному счету оставалось лишь двенадцать дней, а четыреста уже были позади. У шеклитов же дни были коротки, зато галактический год длился невозможно долго, больше земного. И этот вот длинный год подходил к концу.

Интересно, если он ошибется и погибнет, как сложатся отношения между землянами и шеклитами? Наверное, если шеклиты просто отправят его тело на Землю, это и будет означать провал его миссии. Зато если похоронят в фамильном склепе как одного из своих, тогда все пойдет гладко. Конечно, если и на Земле примут настоящего Ойну.

По мере того как он спускался, стена гор по обе стороны становилась все выше и выше. Он пытался сосредоточиться на том, чтобы не терять твердую почву под ногами, судорожно вытирая пот, заливающий глаза.

«Готов поспорить: у настоящего Ойну на Земле нет таких проблем», — подумал он и представил: вот Ойну летит на его завод, затем — работа в Ассамблее, вот вечером пьет пиво у Редди... ага, это он играет с сыном Пола в регби. Нет, положительно, жизнь на Земле не может быть столь же тяжела для шеклита, как для него — здешняя.

Скорее всего, после того как семья засыпает, он выбирается из кровати и повисает где-нибудь... «Даже не могу представить, где это возможно в моем доме». Пол почувствовал симпатию к своему собрату по несчастью.

Наконец он спустился вниз. Высоко-высоко над ним была полоса бледно-лимонного, теплого неба, впереди — заросли кустов, низких деревьев и высокой травы. По дну ущелья тек Колоуинский ручей — 18 метров шириной и до 3 метров глубиной. Насколько он помнил, нужно продираться сквозь заросли до упавшего через реку дерева.

Бревно было на месте. Достаточно толстое, чтобы выдержать его вес, но скользкое, и Пол уселся на него верхом. На середине реки из воды лениво высунулся рогериан, крупный ящер, чей длинный хвост полоскался в бурном потоке.

— Если хочешь, поведай мне свои проблемы, — предложил он.

— Вряд ли от тебя будет толк, — ответил Пол.

— Да? Ты сомневаешься, что от меня будет толк? — удивился рогериан. — Почему?

— Потому что в тебе разума приблизительно столько же, сколько в пробке, и ты не понимаешь ни единого слова из тех, которые произносишь.

Рогериан моргнул сонными глазами и изучающе уставился на Пола.

— Ты думаешь, что от меня не будет толку, потому что во мне мало разума или потому, что я не понимаю ни единого слова? — беспомощно спросил он.

— О, нет, только не это! — взмолился Пол. Он поудобнее уселся на бревно и начал вытаскивать занозу из ноги. — Твои так называемые беседы не что иное, как способность запоминать то, что тебе говорят, и произносить слова с соответствующей интонацией. Выглядит неплохо, но в твоей крокодильей башке нет ни единой мысли.

— Каким образом ты связываешь это со своими проблемами? — простодушно заметил ящер.

Пол от удивления даже забыл о своей ноге:

— Ты знаешь, а это любопытный вопрос! Видишь ли, Земле очень нужно импортировать отсюда кое-какие штуки. Если бы не это, я бы не беспокоился так сильно, и мне было бы легче. Однако! Хотя ты и не очень умное создание, но, кажется, можешь по-

мочь собеседнику самому разобраться кое в чем.

— А ты не думаешь, что я могу помочь именно тебе разобраться кое в чем? — существо было не так-то просто.

— Нет, — кратко ответил Пол.

— А может быть, ты пристрастен?

Тут уж Пол захохотал.

— Послушай, мудрец, Авиценна, или как там тебя зовут. Мои проблемы — не психологические, они р е а л ь н ы. Если я не сумею пробыть с шеклитами полный год... или, вернее, если они не сумеют и вышвырнут меня... тогда моя жизнь на Земле представляется весьма проблематичной. Я слыхал про одного венгра, который за неделю до конца срока испортил обмен с квотерами тем, что отказался сделать ребенка одной их знатной даме. Квотеры были, естественно, оскорблены и выслали его. Так что теперь не только мунговые шахты и уксология навсегда потеряны для человечества, но и никогда мы больше не сможем договориться с квотерами. Мало того, бедняга венгр был в таком социальном вакууме на Земле, что в прошлом году разнес себе башку из бластера. Мне не хотелось бы стать его последователем.

— Тебе не хотелось бы стать его последователем?

— Проклятье, нет! Как и повторить путь одного шведа, который прекрасно поладил с хамдингами, отмотав свой срок полностью, и умер от слишком сильной дозы радиации, которую схватил у них. Он, конечно, герой, да только мертвый герой, убитый желанием землян иметь хамдинговские микрозаводы и электродрамы. Все, чего хочу я, так это выбраться отсюда... — Пол неожиданно замолчал и вытащил ноги из воды. — Я так думаю, у тебя сейчас проблемы посерьезнее. Вон там плывет рубидактиль вверх по течению!

— Мы обсуждаем тебя, а не меня. И если сзади меня рубидактиль, какое это имеет отношение к тво...

Пол вздохнул и начал продвигаться вдоль дерева дальше, старательно держа ноги над водой; под ним кружились останки бедного ящера.

Он наконец добрался до конца бревна и двинулся сквозь заросли кустарника, обдирая руки. Одного взгляда на вертикальную стену Колоуинской долины, на которую ему предстояло вскарабкаться, было достаточно для того, чтобы его затошнило. Но что было делать?

«Двенадцать земных дней, — думал он, — это только двенадцать дней. Если я продержусь... и мы заключим настоящий мир... Если я смогу. Но шеклиты, кажется, тоже хотят, чтобы все прошло хорошо. Вот чего я действительно не понимаю, — говорил он себе не в первый раз, — что им может пригодиться из нашего добра? Их не волнует ни золото, ни физика, ни Бетховен. Кажется, они «задвинуты» только на бобовых и на работах Филиппа Джеймса Бэйли. Они почему-то с ума сходят по нему. А кто такой этот Бэйли на Земле?

Карабкаясь без отдыха и отказавшись разговаривать еще с тремя рогерианами, Пол достиг вершины к середине утра. В течение последних десяти минут он слышал какие-то голоса, звучавшие, как ему показалось, с явной насмешкой. Он посмотрел вверх — так и есть, на фоне желтого неба были видны головы нескольких шеклитов.

Наконец он добрался и сел, отдуваясь, на землю. Шеклиты окружили его — шестеро молодых особей. Пол чувствовал себя весьма неуютно. Когда же он узнал в одном из них Нуви, отпрыска мэра, то забеспокоился еще больше — Нуви был известный задира.

Несмотря на то, что Пол чувствовал себя крайне измотанным, он поднялся на ноги.

— Я должен попасть в деревню, — задыхаясь, отрывисто сказал он, — яйца... не могу сейчас разговаривать... — и он двинулся было по направлению к Юори.

Нуви шагнул вперед, загораживая дорогу.

— Мы видели, как ты ползешь, — сказал он препротивным тоненьким голосом, его лицо сморщилось в насмешливую гримасу. — Хочешь, скажу кое-что? Ты никакой не шеклит!

Остальные пятеро издевательски захохотали.

Пол похолодел. Никто никогда не говорил ему этого. Это могло означать только одно — конец. Взрослые, конечно, иногда посмеивались над его неуклюжестью, даже язвили, но никто не заходил так далеко.

Нуви захихикал в предвкушении того, что собирался сказать:

— Ты не шеклит, — повторил он. — Ты горный краб.

Сердце у Пола вернулось на то место, откуда только что сорвалось. Среди молодежи это было расхожим ругательством. Речь не шла о нем — гуманоиде, это был вызов его шеклитству...

— Я шеклит еще почище, чем ты, Нуви. А теперь убирайся с дороги, дай мне пройти.

Нуви посмотрел на своих приятелей. Он поднял и опустил крылья, как будто пожал плечами.

— Слышали, ребята? Говорит, что он лучше нас. Может, пусть докажет, а?

Пятерка загомонила и несколько сдвинулась.

О, Господи, не надо их дразнить, никаких глупых вызовов!

— Как-нибудь в другой раз. Буду рад поговорить с тобой с глазу на глаз, — Пол отчаянно старался найти правильный тон, чтобы и не задеть Нуви, и не уронить себя окончательно в их глазах. — Но сейчас мне просто некогда, я должен...

Нуви придвинулся так близко, что его клюв уперся прямо в нос Пола:

— Маленький краб должен делать то, что велит мамочка, маленький краб должен бежать в лавку за яйцами, маленький краб боится показать свое ничтожество.

Пол вздохнул. Он не видел никакого выхода. Нуви сделал правильный ход: ни один молодой шеклит не отступит в такой ситуации, ибо опозорит этим своих родителей.

— Чего ты хочешь, трепло? — устало спросил он.

— Краб не боится спрыгнуть с обрыва? — выпалил Нуви.

О, Господи! Кажется, сейчас на этой треклятой планете станет одним человеком меньше.

— Почему бы и нет? — равнодушно согласился Пол. — Если это единственный способ отвязаться от тебя.

— Хорошо, тогда не будем откладывать. Я ждал случая месяцы! Вниз, в долину — и выиграет тот, кто позже взмахнет крыльями.

Пол подошел к краю обрыва, остальные последовали за ним. Он заглянул вниз — ни единого шанса! Посмотрел на свой экскорт: приятели Нуви выглядели неуверенно, но все же он понял, что вме-

шиваться они не намерены. Мысль Пола работала быстро, как никогда.

— Да ты просто трусливый слизняк, Нуви, — сказал он вкрадчиво.

Нуви даже поголубел от гнева:

— И это ты говоришь мне?!

Пол указал вниз на камни:

— Зачем вообще крылья? Давай так: тот, кто хоть раз взмахнет крыльями, — краб и трусливый слизняк на всю жизнь, идет?

Нуви задергался.

— Да это же глупо! Могу спорить, ты не сумеешь сделать это! Здесь десять размахов до земли!

Пол с отвращением покачал головой.

— Знаешь, Нуви, ты просто хвастливый дурак. Я устал от твоих: «десять размахов», «пять», «три с половиной размаха». Если боишься, тогда давай прекратим эту канитель. Решайся или заткнись!

— Но ты ведь должен когда-нибудь взлететь, — задохнулся Нуви, еще не понимая до конца, что происходит. — Или расшибешься в лепешку!

— Правильно. И это тебе по душе, да? — продолжал наступать Пол. — А то давай, это может быть забавно. — Он посмотрел на остальных. — Я бы хотел показать некоторым наивным шеклитам, какой трус их приятель. Если он боится спрыгнуть сам, давайте толкните его и увидите, что будет.

— Эй, эй, подождите минуту. — Нуви быстро отодвинулся от края и посмотрел на своих друзей: они, похоже, наслаждались таким поворотом событий. — Вы что, не видите — он блефует...

— Тогда тебе нечего бояться, — насмешливо заметил один.

— Да-а, Нуви, знаешь, а ведь похоже, что краб-то — ты. — И все засмеялись.

Нуви уставился на них:

— Но это же нечестно! — вскричал он чуть не плача. — Ведь он хочет убить меня!

— Конечно, хочет, — согласился другой шеклит, — а ты не хотел?

— Но он же действительно не... я хочу сказать, он не настоящий... — Длинная пауза: все замерли в ожидании, что он нарушит табу.

— Ага, фасоль — горох — бобы, — Пол мог позволить себе расслабиться. — И Филипп Джеймс Бэйли.

Нуви с ненавистью посмотрел на него, помедлил еще секунду и вдруг взвился в воздух.

— Я все расскажу отцу! — прокричал он и умчался прочь. Остальные, галдя, окружили Пола, хлопая его по плечам и всячески выражая свое одобрение:

— Это было клево! Нуви теперь надолго заткнется! Скажи, а ты бы действительно прыгнул?

Пол пожал плечами.

— Почему бы и нет? — сказал он с отсутствующим видом. — Что мне терять?

И двинулся по направлению к деревне.

Деревня располагалась на огромных опорах, составленных особым образом, в несколько ярусов. Столбы только поддерживали хижины, но при желании по ним все-таки можно было забраться. Пол подошел к одной из опор, которая, как он полагал, держала яичную Айю. У подножия лежало что-то огромное, явно живое, но совершенно непохожее ни на что, виденное Полом раньше. Когда он подошел, существо подняло голову и заговорило:

— О-о-р-р-о-о? — глухой, грубый голос звучал раскатисто.

— Я — Ойну, из Местойви, — представился Пол. — А вы?

— Я-а — Эйу — из — Еойяих, — заявило существо.

— А-а... — неуверенно протянул Пол.

Он слышал, что где-то в этих краях живут еще два представителя с других планет, но никогда не встречался с ними. Он почувствовал симпатию к незнакомцу. Возможно, это создание — единственное существо в здешнем мире, которое может понять его, Пола, проблемы. Но пока он раздумывал, не стоит ли ему осмелиться на небольшой дружеский разговор (просто поболтать о том о сем, ничего такого), он услышал, как кто-то пропищал у него за спиной:

— Ма, погляди какие забавные животные!

— Тс-с, Уи, — ответил больше похожий на женский голос (Пол уже давно оставил попытки различить пол у шеклитов). — Это всего лишь два шеклита разговаривают между собой. Они точно такие же, как и мы, запомни это!

Пол покорно улыбнулся неизвестному существу и начал карабкаться по стволу. Он не рискнет внести смуту сразу в три мира. Интересно все-таки, что может дать шеклитам этот «а-а-и-эйу», если, конечно, дотянет до конца срока.

Грубое сучковатое дерево, нагретое полуденным солнцем, позволяло подниматься довольно быстро, и вскоре Пол, хотя порядком и устал, достиг низшего уровня Юори. Яичная была на пять этажей выше. Здесь же все оказалось забито генераторами, компьютерами, космическим снаряжением и прочей техникой. Да, шеклиты жили очень просто, да, они были абсолютно атехничны, но их торговля шла хорошо практически во всей Галактике.

Их торговля не оказалась бы столь успешной, не будь они терпимы к чужакам. Возможно, он зря волнуется. Возможно, и они хотят, чтобы все закончилось наилучшим образом. Конечно! Даже этому идиоту Нуви не удалось ничего испортить.

Получив наконец-то сумку с яйцами, Пол направился к выходу и замер — перед ним высилась серая фигура Бливю, мэра Юори. Тот задумчиво смотрел на Пола. Клюв открылся, и слова упали в отнюдь не жаждущие слышать уши Пола.

— Если это возможно, если я не отвлеку тебя, молодой человек, от какого-нибудь неотложного дела, может быть, ты окажешь мне честь, уделив немного времени для небольшой беседы. Но если я нарушаю твои планы, тогда разговор, конечно, можно отложить до более подходящего случая.

Как и на Земле, выборные власти называли себя «слугами народа», но, в отличие от Земли, здесь они вели себя соответствующе.

Пол сглотнул и ответил также по этикету:

— Я свободен и весь — внимание.

Закончив с формальностями, Бливю перешел к существу вопроса:

— Видишь ли, молодой человек, у нас возникла серьезная проблема, и я надеюсь, ты выслушаешь меня внимательно. Когда я говорю «у нас», я имею в виду не только тебя и меня, но и всю деревню. Более того, проблема затрагивает всю провинцию. Я даже боюсь сказать, но, в сущности, она касается интересов всей планеты...

— Я слушаю, — угрюмо сказал Пол. — Выкладывайте.

Бливю склонил на секунду свою мудрую голову, обхватил левое плечо правым крылом и произнес торжественно:

— Молодой человек, ты, должно быть, знаешь, каким образом жители разных планет пытаются установить контакт друг с другом. Я имею в виду лотерею. Систему, позволяющую совершенно случайно, без всякой субъективности отобрать особь для того, чтобы она прожила галактический год на другой планете в качестве достойного члена иного общества...

Пол молчал. Мэровское хождение вокруг да около звучало для него, как глас трубы Страшного Суда.

— Так что если посланец и общество смогут просуществовать друг с другом в течение галактического года, тогда и торговля, и дипломатические отношения между двумя мирами могут быть установлены. Но... — и мэр встал навытяжку, — если почему бы то ни было этого не происходит...

Пол не стал обреченно ждать конца.

— Сэр, — начал он, истерически нажимая кнопку тембратора, — вы представитель власти, облеченный доверием народа, но зачем вы говорите все это мне? Какое это имеет ко мне отношение? Ко мне, — он выпрямился и взглянул мэру прямо в глаза. — Ойну из рода Местойви, сына и дочери Оуеу и Йоовы из клана Ниивойу. Уж не хотите ли вы сказать, что сомневаетесь в моей родословной? Не желаете ли вы подвергнуть сомнению мое происхождение истинного шеклита, сына моего народа?

Пол почувствовал, что сердце у него остановилось. Мэр между тем смотрел на него не отрываясь, пауза длилась уже несколько секунд. Вдруг старый шеклит неожиданно моргнул, как будто очнулся, и закрыл глаза.

— Нет, — мягко сказал он наконец. — Я знаю, ты хороший сын и настоящая опора для своих родителей, Ойну Местойви, настоящий шеклит, — пробормотал он, отворачиваясь и качая головой. — Хороший молодой шеклит.

Пол был весь в испарине, его трясло. Осторожно переставляя ноги, он, пошатываясь, направился к выходу. Уже на пороге его догнал голос Бливю:

— Пожалуйста, постарайся быть на закате дома. Совет старейшин, может быть, посетит вас.

Прыгнуть бы сейчас вниз головой, чтобы покончить со всем разом. Но даже и на это нужно слишком много усилий. Пол начал долгий путь домой, на сердце у него было пусто.

— Хочешь рассказать мне о своих проблемах? — спросил рогериан.

Пол устало опустился на камень, задвинул сумку и подпер голову рукой.

— Не задавай мне вопросов, — сказал он, — дай ответ.

— Ты хочешь, чтобы я дал тебе ответ?

— Да. — Пол устал и говорить, и думать. Рогериан помолчал с минуту.

— Почему ты хочешь, чтобы я дал тебе ответ?

Тишина. Ящер ожидающе моргал своими большими глазами. И попытался опять:

— Ты хочешь, чтобы я дал тебе ответ?

Тишина. Ящер начал беспокоиться:

— Почему твои проблемы так тревожат тебя? — наседало существо.

Пол взял свою сумку и встал, раздумывая:

— Кажется, если меня что-то и беспокоит, так только то, что Па и Ма разочаруются во мне.

И он продолжил свой путь. Вскоре он услышал шум крыльев над собой и увидел Совет Старейшин в полном составе, летящий в направлении пещеры. Сделав один круг над Полом, они полетели дальше. Когда Пол появился дома, вся делегация уже сидела на корточках вокруг большого блюда с кабиско. Никто не взглянул в его сторону до тех пор, пока он, мрачный, не подошел к Мап и не протянул ей сумку с яйцами.

— Они хотят поговорить с тобой, Ойну, — встревоженно прошептала ему Мап. — И похоже, это что-то очень серьезное. Я боюсь, что... — она не имела сил закончить.

Пол повернулся к сидящим старцам. Он чувствовал, что сердце его тронулось со своего места и теперь бьется где-то высоко в горле. Он сделал три шага в их сторону и остановился, потупившись.

Мэр Бливю медленно поднялся со своего места, широко расставил ноги, обняв крыльями себя за плечи, и внимательно изучил Пола. Потом, отбросив ногой камень, как бы решившись на что-то, начал:

— Как официальный представитель власти я должен сделать заявление. Нелегко говорить об этом, но дело не терпит отлагательств.

Пол почувствовал невероятное желание, не медля ни минуты, прямо сейчас толкнуть мэра в грудь, так чтобы тот полетел вверх тормашками со скалы. Если бы только это могло помочь! Пол решил повременить, а Бливю, естественно, продолжал:

— Лотерея — вопрос архиважный, — сказал он резко. — Это основа жизни для всех нас здесь, на Шеклите. Без науки, техники, искусства, которые нам дает Галактика, наши жизни были бы коротки и ничтожны, как в те времена, когда мы еще не присоединились к Союзу. — Он изучающе смотрел на Пола. — Если возможно, если есть хоть малейшая надежда, мы сделаем все, чтобы сохранить отношения с другими жителями Галактики. Каждый шеклит знает, как это важно. — Бливю остановился, чтобы прочистить горло, он выглядел очень смущенным.

Пол хотел бы предотвратить всеобщее смущение — сделать два шага и прыгнуть головой вниз. Но шеклиты, конечно же, успеют поймать его на полпути. Все это бесполезно.

Медленно мэр расправил свои кожаные крылья:

— Я знаю, ты сможешь сделать это для нас, Ойну Местойви! — сказал он хрипло. — Завтра ты полетишь на Дрефитти. Лотерея выбрала тебя представителем шеклитов в том мире!

Тут все начали обнимать его, смеяться, хлопать по плечам, и Пол едва смог расслышать конец речи:

— ... жить в хлоровых пузырях под водой... широкое устье реки... температурный контроль... их технология чрезвычайно важна нашему... высшая честь, которая может выпасть на долю шеклита...

О, Пам и Мап, как же они гордятся им!

Позже, во время последующих речей и поздравлений, Пол все-таки шагнул со скалы, но растроганные шеклиты подняли его на своих могучих крыльях, и никто не заметил в суете его неловкости.

И правда, у кого не закружится голова от подобной чести!

Перевела с английского
Евгения ДИЛЛЕНДОРФ

Владимир Успенский

НЕ ИГРАЙТЕ С ГОСУДАРСТВОМ

«У меня будет вот та-а-кой миллион!» — обещает маленькая девочка с голубого экрана. Это «ЛОТТО МИЛЛИОН». Российская лотерея с гордым двуглавым орлом предлагает роскошную квартиру в любом городе страны. «Час Фортуны» беззастенчиво использует притягательный для подростков образ маленького дебошира Симпсона... И всюду деньги, большие деньги, огромные деньги. Кажется, протяни руку, — и они твои! Выигрыши растут, обгоняя инфляцию, рубли плавно превращаются в вожделенные доллары. И благотворительная лотерея «Дети Чернобыля» уже обещает миллион «зеленых»... Правда, дипломатические посты, как в рассказе Тэда Рейнольдса, пока не разыгрывают.

Лотерея, — объясняет дореволюционный словарь братьев Гранат, — это особый вид организованной по определенному плану игры на счастье, в которой одна сторона — организатор лотереи — обязуется выплатить другой (лицам, купившим билет или сделавшим ставки) определенные суммы или вещи, в случае извлечения их билетов или номеров как выигрышных. От других видов игры на счастье отличается тем, что в ней наперед определены суммы выигрыша и проигрыша, и они не зависят от игроков. Возможность для организаторов извлекать крупный барыш из лотереи, а также ее вредное влияние в нравственном и народнохозяйственном отношении послужили причиной того, что правительства большинства стран признали необходимым или сделать из нее государственную монополию, или, по крайней мере, подвергнуть ее строгой регламентации (если не запрету, как в Англии).

На свет Божий лотерея появилась в Италии шестнадцатого века. Числовая или генуэзская лотерея, когда из 90 чисел можно поставить на одно, два, три, четыре или пять, согласно легенде, родилась при выборах в Великий Совет города. Тогда из девяноста претендентов выбирали пятерых. Выборы превращались в азартное представление, и горожане вовсю делали ставки на кандидатов (не перенять ли опыт?). Отсюда и пошло... Однако, между прочим, уже в 1620 году «во избежание злоупотреблений» генуэзское государство взяло это дело в свои руки.

Игра на человеческой слабости — азартности — занятие прибыльное, гарантированное математической теорией вероятности. Так, например, лотерею «числа» в «Малой Италии» — итальянских кварталах Нью-Йорка — всегда держала в своих руках мафия и имела с этого не меньше, чем от рэкета или проституции. К модифицированным моделям лотереи можно отнести и игровые автоматы, которых в тех же Соединенных Штатах прозвали «однорукими бандитами».

Даже если лотерея организована честно, и ее результаты не подтасовываются, навар обычно бывает немалым. Возьмем уже упомянутую генуэзскую лотерею. Пусть ставка сделана на два из девяноста чисел: вероятность выигрыша при этом — один на четыреста проигрышей. Победителю обычно выплачивается приз в размере 240—270-кратной ставки, а если счастливчиков несколько, то сумма уменьшается пропорционально их числу. Следовательно, в руках держателя лотереи всегда остается, как нетрудно подсчитать, 130-160 ставок (то есть 32—40 процентов). Разумеется, чем больше участников пожелает выложить деньги, тем вернее доход организатора увеселения. А уж если участвуют сто пятьдесят миллионов граждан...

ИСТОРИЯ НЫНЕШНИХ лотерей восходит к процентным займам. Когда-то для обеспечения нового займа государство, играя на слабостях граждан, объявляло, что в дополнение к процентам по нему или даже вместо этих процентов особо удачливым владельцам облигаций ежегодно будут выплачиваться выигрыши. В чем же навар? А просто государству удается распространить гораздо большее число облигаций, чем при обычных условиях, и проценты с капитала далеко перекрывают «проигрыш».

Затем пришел черед всевозможных денежно-вещевых лотерей — простых, ДОСААФовских, Художественных. В 70-е годы мы жили в стране всеобщего дефицита, и возможность получить за 30 или 50 копеек нужную в хозяйстве вещь, а то и автомобиль, действовала на многих завораживающе.

Однако у всех таких лотерей был один недостаток. Участники игры не могли присутствовать на месте розыгрыша, и потому особого доверия результаты тиражей не вызывали. Кому не знакомо чувство разочарования, когда, проштудировав очередную тиражную таблицу в «Труде» или «Вечерке», вы обнаруживали, что промахнулись на один номер или серию...

Забавно, но билеты с крупными выигрышами быстро стали ходовым товаром у теневиков. Объяснялось все очень просто. По тогдашнему социалистическому законодательству занятия бизнесом карались сурово; зарекаться от тюрьмы и сумы в России не принято, а вот выигрыши в лотерею конфискации не подлежали.

А затем при помощи, конечно, телевизора к нам пришло «Спортлото». Теперь-то каждый мог увидеть собственными глазами, как крутится барабан и в самый ответственый момент выкатываются шары с цифирьками, определяя победителей. Народ любит новенькое, и около будочек с надписью «Спортлото» затолпились люди, старательно заполняющие клеточки в билетиках: «5 из 36» или «6 из 49». Пытались искать в результатах систему, строя графики и зависимости. Имитировали грядущий тираж, вытягивая написанные на бумажках номерки из шапки или пакета. Памятуя, что «устами младенца глаголет истина», к процессу привлекали подрастающее поколение. Заполняли билетики, допытываясь у встречных и поперечных: «Скажи число»!

НЕКОТОРЫМ УДАВАЛОСЬ государство обмануть. Так, некая дама с Дальнего Востока, заручившись дружбой с кем-то из местной почты, посылала выигрышные комбинации, усмотренные по телевизору, снабженные штемпелем со вчерашним числом. Правда, жадность, как и водится, сгубила. Обилие выигрышей навело органы на нехорошие мысли. Одних, как полагалось, посадили, у других все конфисковали. Опасное это было дело — играть в «Спортлото» на интерес.

Время «Спринта» наступило чуть позднее. Такого в советское время никогда еще не бывало — чтобы выигрыш выдавали сразу, не дожидаясь публикации в газете. И народ повалил. Из Средний Азии состоятельные люди с переплатой скупали в киоске все билеты «на корню». И обыватели, которым не досталось, обиженно шумели. Параллельно этому процессу гуляли слухи-истории, усугублявшие популярность лотереи. Если им верить, однажды маленький мальчик выиграл «Жигули», а коварная торговка билетиками попробовала его обмануть, но доблестная милиция нашла выигрышный билетик под матрасом на кровати злоумышленницы и восстановила справедливость. Другая продавщица выявляла «счастливые» лотерейки, прикладывая их к настольной лампе. И тоже была изобличена. Мораль этих слухов состояла в том, что милиция не зря свой хлеб ела, а в «Спринт» играть выгодно. Потому и не верили мы в них. Да и рубля было жальче, чем 30 копеек.

НАСТОЯЩИХ ЛЮБИТЕЛЕЙ спорта «Спортлото» зацепило лишь однажды, изобретя «Спортпрогноз». Конечно, было безумно интересно попробовать свои силы в деле предсказания исхода футбольных матчей. Особенно после чемпионата мира в Испании. Впрочем, новинка совпала с наступлением перестройки, и этим было все предрешено. Народ «повело» в политику, как-то сразу стало не до игр. И когда началась либерализация цен, население заволновали вопросы материальные — где взять продукты до того, как они подорожают...

Но легкий шок сменился неудовлетворенностью, и бывшие советские люди стали искать выход из сложившейся экономической ситуации. Одни интенсивно ищут приложения своим талантам и профессиональным способностям, другие, коих оказалось значительно больше, продолжают надеяться на государство или на чудо. Но государство не помогает, а лотерея — чем не чудо? В последние два года на нас обрушился целый вал лотерей всех мастей. Эксплуатируют они нашу неудовлетворенность — и материальную, и духовную.

Людям свойственно надеяться, что однажды в жизни им выпадет «счастливый билет». Тем более это типично для сегодняшних российских граждан, на глазах у которых рушатся привычные основы жизни и остается лишь капризная Фортуна. Лотерея все же дает хоть какую-то надежду на лучшее, и, быть может, этим все-таки оправдывается ее существование? Ведь не случайно уличные лотереи были популярны в Соединенных Штатах времен Великой депрессии, особенно среди нищих и безработных.

Стремление к чуду застит глаза настолько, что не замечаешь откровенного абсурда. Так, оборотистые ребята в городе Вологде успешно обменивали чистые бланки «ЛОТТО МИЛЛИОН», которые, помимо всего прочего, в этот момент распространялись бесплатно, на ваучеры. Впрочем, учитывая нашу ситуацию, возможно, это был и равноценный обмен.

Сегодня государственная монополия ослабла, и улицы заполонили блестящие билетики «Невады» (должно быть, по имени штата, но с какой стати, ведь производства-то канадского?) с изображением экзотических фруктов. Всего по сто рублей. И сегодня! Если выпадет несколько одинаковых — поймаешь выигрыш. Мальчишки, которые их распространяют, говорят, что до 100 тысяч бывает. Может, врут, а может, и правда такое встречается не только во сне. По крайней мере, сами они ничего подобного еще не видели. Про «Спринт» говорят, что теперь его берут плохо. То ли спорт перестали любить, то ли государство, то ли о желудке думают. Во всяком случае нарисованные арбузики, лимончики и прочее «Невады» принимаются гораздо благосклоннее.

СУЩЕСТВУЕТ ТАКЖЕ благотворительная лотерея, когда сумма стоимости билетов заведомо меньше суммы выигрышей, причем в некоторых случаях она организуется в виде так называемой классной лотереи: выигрыши разделяются на несколько классов, разделенных по времени, для которых призовой фонд различен. Классные лотереи особенно были распространены с семнадцатого века в Голландии и Германии. От Агаты Кристи, и не только от нее, мы знаем, что размер выигрыша и овеществленное его выражение для играющих не должны иметь значения. Иначе чем благотворительная лотерея отличается от обыкновенной?

В классическом выражении благотворительная лотерея есть пожертвование. Когда-то в Старой Англии вы могли «выиграть» пирожное или носовой платочек за 10 фунтов стерлингов, и ни у кого это не вызывало возмущения, поскольку деньги шли на богоугодное дело — приют для престарелых или сирот, например. У нас понятия сместились. На жалость постсоветского народа «давить» бесполезно, вот фонды, организующие лотереи, наподобие «Детей Чернобыля», и нажимают на две оставшиеся болевые точки — азарт и желание заработать. И, несомненно, поставленную задачу решают.

КОНЕЧНО, ЛЮБАЯ ЛОТЕРЕЯ есть обман, но по-своему честный. Во всяком случае шанс проиграть у каждого примерно равный. И вы сами решаете, хотите вы этого или нет. Иное дело прямое надувательство. Так, в годы все той же перестройки наряду с «наперсточниками» появились так называемые «пирамиды»: уговорите пять ваших друзей выслать нам сто рублей, каждый из них пусть уговорит еще пятерых, и так далее... а в итоге все получат по миллиону. Математически легко доказывается, что в выигрыше будут только первые участники, остальные окажутся жертвами. Насколько эффективно работали эти аферисты, показывает тот факт, что в конце восьмидесятых правительство Туркменистана даже приняло специальное постановление, запрещающее игры типа «пирамиды», ведь чабаны именно этой республики сильнее других пострадали тогда от нечистоплотной лотерейки.

Одной знакомой очень хотелось сыграть в «Час Фортуны», по поводу чего ее муж едко заметил: «Ты очень хочешь обставить чью-то квартиру?» Конечно, вам может повезти, Удача — дама лукавая. Но лучше, если каждый поймет, что по-настоящему надежно то, во что вложен твой личный труд. А выигрыш? Он складывается из проигрыша остальных. Я не играю в «Час Фортуны»...

«— Если король проиграет при первом тираже большую сумму, успех лотереи обеспечен. О такой беде можно только мечтать. Силы человеческой натуры рассчитываются, словно вероятности в математике. Как вам известно, все страховые общества богаты. Перед всеми математиками Европы я вам докажу, что единственно воля Господня может помешать королю получить на этой лотерее доход один к пяти. В этом весь секрет. Согласитесь, математическое доказательство для разума непреложно».

Казанова. «История моей жизни».

Преступность тянется к культуре

Кражи произведений искусства из музеев, галерей и частных собраний превратились в настоящий бизнес, процветающий во всем мире.
Но в особенности — в Лондоне: в 1991 году общая стоимость похищенных там картин, драгоценностей, старинной мебели, книг и монет составила более ста миллионов фунтов стерлингов.
По прибыльности этот род деятельности опередил такие доходные отрасли, как торговля наркотиками и компьютерное мошенничество.
Основные центры переправки краденых ценностей находятся в Великобритании, Швейцарии и Германии, а «оседают» они преимущественно в США... Уникальные вещи со временем ценятся все выше, и следовательно, спада «культурной активности» преступного бизнеса ожидать не приходится.

Из старой машины — новую

Крупнейшие автомобильные компании Франции — «Рено» и «Пежо» приняли совместное решение, которое, несомненно, доставит удовольствие сторонникам охраны природы. К 2002 году не менее 85% всех материалов, использованных при изготовлении машин, будут подвергаться переработке для производства новых автомобилей. После этого срока процент утилизации старых машин достигнет 90%. Если решение удастся воплотить в жизнь, сократится не только загрязнение среды «отжившей» техникой, но и существенно снизятся энергозатраты и расходы на производство металлов, пластических масс, стекла...

Приговор выносит компьютер

12 февраля 1992 года впервые в истории американский суд присяжных вынес обвинительный приговор на основании компьютерной реконструкции преступления. Ночью 27 февраля 1991 года Джим Митчелл, король индустрии порнофильмов, подъехал к дому своего младшего брата и партнера по бизнесу Арчи. Через несколько минут Арчи был мертв, а находящегося в состоянии шока Джима арестовали при попытке пешком покинуть место преступления. Прокурор не принял всерьез рассказ задержанного, что ему пришлось 8 раз выстрелить, защищаясь от бутылки, которой размахивал пьяный Арчи. Используя систему визуального проектирования, эксперт-баллистик воссоздал на экране компьютера «динамику процесса убийства» вплоть до точной траектории каждой пули. Пленка с записью произвела должный эффект, и Митчелл был приговорен к 6 годам за умышленное убийство. Подсудимый обжаловал судебное решение, а его адвокат Нэнси Кларенс назвала случившееся «махинацией, которой не место в храме Фемиды»: например, у фигуры на экране нет в руках злосчастной бутылки...
Дело Митчелла ставит ряд этических проблем, связанных с техникой: действительность всегда сложнее самой совершенной программы, и где гарантия, что даже при точнейшей, на первый взгляд, реконструкции не остается лазейка для разного рода злоупотреблений? Тут судьи (и не только они) столкнулись с новой серьезной проблемой. Для «виртуальной реальности», которая, по прогнозам, станет ведущей технологией первой четверти XXI века, настоятельно необходимо четкое юридическое оформление и продуманные законодательные ограничения.

Право на смерть

Голландский парламент в прошлом году начал обсуждение законопроекта об эвтаназии, а в нынешнем — одобрил его. Закон легализует практику «убийства из сострадания» и к тому же весьма либерален: врач, останавливающий сердце больного, должен лишь заполнить так называемую «Декларацию прерывания жизни». В документе фиксируется, во-первых, что пациент испытывает непереносимую боль, от которой нет избавления, и во-вторых, что врач посоветовался с самим пациентом или членами его семьи, а также проконсультировался с другим коллегой. Суд оставляет за собой право пересмотреть врачебное решение, однако закон ограждает от уголовной ответственности медиков, практикующих эвтаназию. Что до общественного мнения, то, с точки зрения некоторых обозревателей, принятое парламентом решение может пошатнуть морально-этические устои общества. Однако многие родственники несчастных, долгое время находящихся в коме и полностью потерявших рассудок, полагают, что гораздо гуманнее прекратить страдания неизлечимо больного. Сторонники движения «Право на смерть» считают это событие подлинным прорывом в будущее.

Носорог с рацией

Численность черных носорогов в Африке продолжает быстро снижаться. На территории Зимбабве в крупнейшем ареале этих животных сейчас осталось не более трехсот пятидесяти, причем половина — в заповедниках. Даже после того, как правительство этой страны распорядилось стрелять по браконьерам на поражение», погибло 1170 носорогов. При этом было убито более двухсот браконьеров, но растущие цены на рог несчастного зверя привлекают все новых преступников.
Ныне Управление национальных парков Зимбабве приступает к операции «Радиофицированный носорог», которая, как надеются, позволит эффективно бороться с браконьерством. Под кожу каждого животного будет введена 15-сантиметровая рация, заключенная в капсулу с очертаниями, повторяющими изгиб шеи носорога. Капсула покрыта слоем инертного пчелиного воска, чтобы эпидерма кожи не отторгала посторонний предмет. На центральной наблюдательной станции устанавливается компьютер, который периодически дает приказ местной радиостанции издать сигнал, дистанционно включающий датчик на шее животного. Приемные станции позволяют с хорошей точностью круглосуточно определять местоположение носорога. Компьютер запрограммирован так, чтобы поднимать тревогу, если животное забрело в местность, где высока вероятность встречи с браконьерами, и тем более, если оно убито. Можно ввести капсулу и непосредственно в рог, так что, когда преступники его отпилят, за их дальнейшими передвижениями несложно проследить.

Вера и здоровье

Американский психиатр Дэвид Ларсон обследовал 407 сельских жителей мужского пола, не страдающих выраженной гипертонией или сердечными заболеваниями. Оказалось, что у лиц, регулярно посещающих церковь и придающих религии большое значение, уровень кровяного давления значительно ниже, чем у посещающих храм эпизодически или тех, кто считает религию маловажной. Более того, неверующие, которые в силу семейных или социальных причин все же присутствуют на церковных службах, имеют лучшие показатели уровня давления, чем атеисты, пренебрегающие этой традицией. То же можно сказать о курильщиках, причем независимо от степени их «личной» религиозности. Полезное воздействие храма Божьего резко возрастает для лиц старше 55 лет! Ларсон полагает, что это справедливо не только для обследованных мужчин, но и для женщин, и для городских жителей. Так что, заключает он, ходите в церковь для собственной пользы.

PERSONALIA ● PERSONALIA

ЖЕЛЯЗНЫ, Роджер (ZELAZNY, Roger).

Американский писатель. Родился в 1937 г. в г. Юклид, шт. Огайо. В 1955 – 1960 гг. изучал английскую драматургию в Западном Резервном (г.Кливленд) и Колумбийском (г.Нью-Йорк) университетах, где получил дипломы бакалавра и магистра. В первой половине 60-х гг., находясь на службе в Национальной гвардии Огайо, начал литературную деятельность (дебютная публикация – рассказ «Игра страстей» в журнале «Amazing Stories», август 1962 г.). Отдав должное усложненной, элитарной фантастике, основанной на мифологическом материале и насыщенной историко-культурными аллюзиями (романы «Князь Света», «Остров мертвых», «Порождения света и тьмы», сборник рассказов «Роза для Экклезиаста»), не чурался и откровенно коммерческих, хотя и не менее добротных текстов (романы «Витки», «Подмененный», декалогия «Хроники Эмбера», сборники рассказов «Имя мне – Легион», «Последний защитник Камелота»). Лауреат премий «Хьюго» и «Небьюла», обладатель приза «Аполлон». Увлекается океанографией, оружием, восточной культурой. Проживает в г.Санта-Фе, шт. Нью-Мексико.

СТАРДЖОН, Теодор (STURGEON, Theodore).

Классик американской НФ. Родился в 1918 г. на о.Стэйтон, шт. Нью-Йорк. В тринадцатилетнем возрасте оставил школу и начал зарабатывать себе на жизнь. Переменил множество профессий – был продавцом, матросом, управляющим отеля, бульдозеристом, сотрудником рекламного и литературного агентств, работал в журналах «Fortune», «Time», «Tales of Tomorrow». С сентября 1939 г., когда состоялась его первая публикация (рассказ «Тот, кто дышит эфиром» в журнале «Astounding Science Fiction»), создал несколько десятков НФ-произведений, вошедших в историю жанра (романы «Больше чем человек», «Венера плюс икс», «...И страх мой велик: ребенку исполнилось три», «Немного вашей крови», «Редкая порода», сборники рассказов «Оно», «Без волшебства», «Икра», «Дорога домой», «Гром и розы», «За пределами», «Не без волшебства», «Старджон жив и чувствует себя хорошо», «Золотая спираль»). Считался самым эмоциональным из всех писателей-фантастов, одним из первых ввел в НФ элементы секса. Был удостоен премий «Хьюго» и «Небьюла». Скончался в 1985 г.

ШЕПАРД, Люциус (SHEPARD, Lucius).

Американский писатель, заявивший о себе в сентябре 1983 г. рассказом «Глаза Солитарио» (журнал «Fantasy & Science Fiction») и в короткое время снискавший признание НФ-критики. Его творческую манеру отличает пристрастие к экзотическим, немного странным пейзажам (в их роли, как правило, выступают острова Карибского моря и побережье Мексиканского залива) и героям «не от мира сего» – бродягам, мечтателям, наркоманам (рассказы «Черный коралл», «Рассказ путешественника», «Человек, который разрисовал дракона», «Жнец», «Конец жизни, которую мы знали», «Охотник на ягуаров», роман «Зеленые глаза»). Лауреат премии «Небьюла», обладатель премии «Клэрион». Продолжает активно работать. На русском языке автор публикуется впервые.

САЙМАК, Клиффорд Д.

(см. биобиблиографическую справку в № 8 с.г.). Из комментария, помещенного в энциклопедии «Литература научной фантастики и фэнтези» (Детройт, 1979): «Что касается научной фантастики, то я даже претендовать не могу, что знаю, куда она движется. Полагаю, однако, что статус ее повысился. Когда-то над ней смеялись как над дешевкой, чтивом даже более низкого пошиба, нежели вестерны, детективчики и сентиментальная дребедень. Говорила она в те дни на языке лучевых пистолетов и чудовищ с безумными глазами. А сегодня это вполне законный, широко признанный жанр литературы. То, что я делал, отбрасывало в прошлое спятившего ученого, мерзкого захватчика-инопланетянина и многие другие старые клише, знакомило читателя с правдоподобными персонажами и естественной экспозицией. Помнится, я писал об айовских фермерах на Венере, о футбольной команде, о старом солдате, который отправляется на Марс, чтобы встретиться с ветеранами межпланетной войны. Другие авторы занимались примерно тем же. Это была революция в жанре, и я получаю удовлетворение от мысли, что мог в какой-то степени приложить к ней руку».

БЛОХ, Роберт (BLOCH, Robert).

Американский писатель, один из романов которого послужил первоосновой знаменитого фильма А.Хичкока «Психо». Родился в 1917 г. в Чикаго. В начале 30-х гг., вдохновленный творчеством Говарда Лавкрафта, сочинил свои первые рассказы (дебютная публикация – рассказ «Лилии» в полупрофессиональном журнале «Marvel Tales», 1934 г.). Является автором значительного числа произведений в жанрах фэнтези и «жесткой НФ» (романы «Предварительный просмотр», «Воссоединение с будущим», сборники рассказов «Блох и Брэдбери», «Затерянный во времени и пространстве с Лефти Фипом»), однако главное внимание уделяет детективу и литературе ужасов (романы «Похититель детей», «Паутина», «Воля к смерти», «Поджигатель», «В Эдеме есть Змей», «Ночь Потрошителя», сборники рассказов «Ужас в ночи», «Кошмары», «Новые кошмары», «Искренне Ваш, Джек Потрошитель», «Из отверстых могил»). Известен также как активный фэн – автор и издатель фэнзинов, неизменный гость многочисленных конвенций. Удостоен премии «Хьюго», ряда других почетных премий.

РЕЙНОЛЬДС, Тэд (REYNOLDS, Ted).

Американский писатель, автор романа «Времена Господа» и нескольких рассказов. Печатается со второй половины 80-х гг. На русском языке автор публикуется впервые.

Подготовил Александр РОЙФЕ

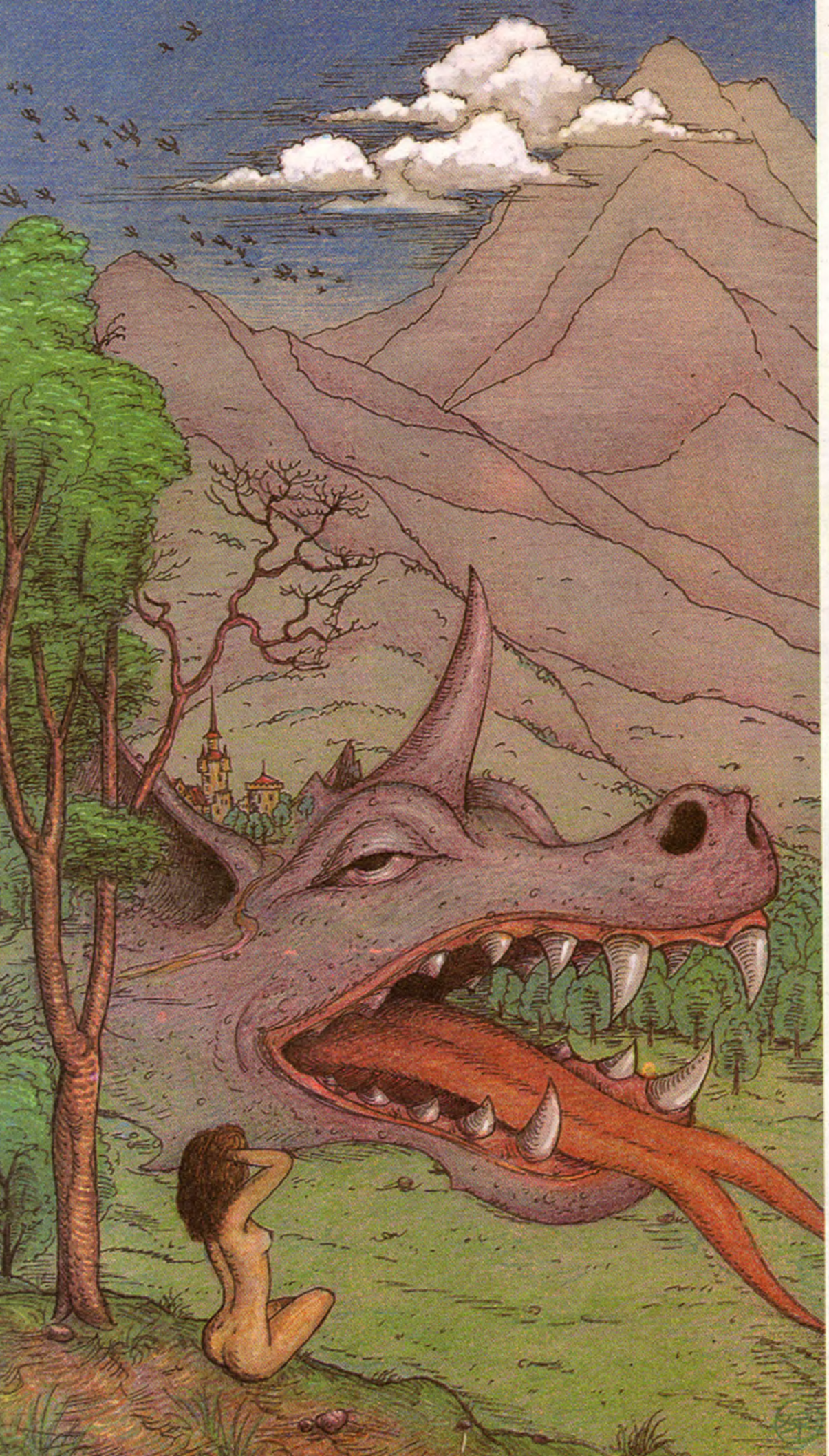
Внимание!

К сведению подписчиков:

«Если» перешел в каталог «Известий». Это не создаст для вас дополнительных трудностей, поскольку индекс остается прежним: **73118.** Так что абонемент подписки на 1994 год вы заполняете в точности так же, как и прежде. Но в случае, если почтовый работник не знает, где искать журнал, обратите его внимание на каталог «Известий», раздел «Журналы».

Стоимость полугодовой подписки – 1200 руб. (без стоимости доставки).

Сравните цену «Если» с ценами на другие издания, и вы убедитесь, что она минимальна. Гарантируем, что уже первый номер обойдется подписчику дешевле, чем в розницу. К тому же, как вы успели убедиться, приобрести журнал в открытой продаже – дело почти фантастическое.



ЕСЛИ

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Баррингтон Бейли
КУРС НА СТОЛКНОВЕНИЕ

Мишель Демют
АФРОДИТА-2080

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

Норман Спинрад
СОРНЯК ВРЕМЕНИ

Даймон Найт
ОНИ СОБИРАЛИСЬ ЖИТЬ ВЕЧНО